



БЕЛОРУССКИЙ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ  
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

# ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

JOURNAL  
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

# PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.  
(до 2017 г. – под названием  
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

---

**3**

**2020**

---

МИНСК  
БГУ

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**      **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.  
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместители  
главного  
редактора**      **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.  
E-mail: liahchylin@bsu.by
- ФУРМАНОВ И. А.** – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.  
E-mail: fourmigog@gmail.com
- Ответственный  
секретарь**      **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь.  
E-mail: danila\_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последиplomного образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

## EDITORIAL BOARD

**Editor-in-chief**      **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: sociology@bsu.by

**Deputy editors-in-chief**      **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: liahchylin@bsu.by

**FOURMANOV I. A.**, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Executive secretary**      **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy and methodology of higher education, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.  
E-mail: danila\_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.  
**Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.  
**Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.  
**Beznyuk D. K.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.  
**Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.  
**Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.  
**Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.  
**Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.  
**Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.  
**Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.  
**Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.  
**Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.  
**Kosecki A.** Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułusk, Poland.  
**Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.  
**Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.  
**Laptenok A. S.** Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.  
**Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.  
**Novikov V. T.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.  
**Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Stelingowska B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.  
**Tereschenko O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.  
**Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
**Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.  
**Yanchuk V. A.** Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.  
**Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

---

---

# ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

---

# HISTORY OF PHILOSOPHY

---

---

УДК 1(430)“17

## Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ: В ПОИСКАХ АУТЕНТИЧНОГО ОБЛИКА (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Т. Г. РУМЯНЦЕВА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Кратко охарактеризована философия Г. Гегеля и его многочисленные образы, которые за последние 200 лет сложились в философской литературе: начиная с его ближайших сторонников и противников – старо- и младогегельянцев, основоположников марксизма, В. Ленина, французских неогегельянцев в лице А. Кожева и Ж. Валя, последующего жесткого противостояния образов Г. Гегеля, сформированных К. Поппером и Г. Маркузе и заканчивая исследованиями Ж. Д’Онта и концепцией, разработанной организаторами XXXIII Международного гегелевского конгресса (намечен на июнь 2021 г.), суть которой заключается в необходимости исправить идеологически оскорбленный образ Г. Гегеля и раскрыть его как мыслителя свободы. Отмечается, что в XXI в. нельзя оставаться в плену одиозных идеологических клише и стереотипов, навязывающих нам образ мыслителя как апологета Прусского государства и реакционера-консерватора, призванного удерживать философию в разумных границах, а также перекладывать на него ответственность за сказанное от его имени сторонниками ортодоксального марксизма или радикального неогегельянства.

**Ключевые слова:** Г. Гегель; XXXIII Международный гегелевский конгресс; «столкновение разных ликов Гегеля»; К. Маркс; В. Ленин; неогегельянство; А. Кожев; К. Поппер; Г. Маркузе; В. Стёпин; Ж. Д’Онт.

---

### Образец цитирования:

Румянцова ТГ. Г. В. Ф. Гегель: в поисках аутентичного облика (к 250-летию со дня рождения). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:4–11.

### For citation:

Rumyantseva TG. G. V. F. Hegel: in searching for an authentic image (to the 250<sup>th</sup> anniversary of birth). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 3:4–11. Russian.

---

### Автор:

**Татьяна Герардовна Румянцова** – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

### Author:

**Tatsiana G. Rumyantseva**, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.  
[t.rumyan30@gmail.com](mailto:t.rumyan30@gmail.com)

G. V. F. HEGEL: IN SEARCHING FOR AN AUTHENTIC IMAGE  
(TO THE 250<sup>th</sup> ANNIVERSARY OF BIRTH)T. G. RUMYANTSEVA<sup>a</sup><sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The anniversary, celebrated in 2020 in honor of the 250<sup>th</sup> anniversary of G. Hegel's birth and the 200<sup>th</sup> anniversary of the publication of his «Philosophy of Right», gives us a good reason to intensify work on further study of his inheritance. The article attempts to briefly describe the many images of G. Hegel and his philosophy, that have developed in philosophical literature over the past 200 years. Starting with his closest supporters and opponents – the «Old» and «Young» Hegelians; then the founders of Marxism, V. Lenin, the French Neohegelians in the person of A. Kozhev and J. Val; the subsequent tough confrontation between the images of G. Hegel formed by K. Popper and H. Markuse, and ending with the research of J. D'Ont and the concept developed by the organisers of the 33<sup>rd</sup> International Hegel Congress (June 2021), the essence of which is the need to correct the ideologically insulted image of G. Hegel and positioning him as a thinker of freedom. It is noted that in the 21<sup>st</sup> century we cannot remain captive of odious ideological clichés and stereotypes, that impose on us the image of a thinker as an apologist of the Prussian State and a conservative reactionary, designed to keep philosophy within reasonable boundaries, as well as impose on him responsibility for what was said on his behalf by supporters of either orthodox Marxism or radical neohegelians.

**Keywords:** G. Hegel; 33<sup>rd</sup> International Hegel Congress; «clash of different faces of Hegel»; K. Marx; V. Lenin; neohelicism; A. Kozhev; K. Popper; H. Markuse; V. Stepin; J. D'Ont.

Наверное, ни об одном великом философе не написано так много, как о Г. Гегеле, особенно на русском языке, причем как в досоветской России, так и после Октября 1917 г. При этом разнообразие образов Г. Гегеля буквально потрясает. Так, по поводу его наследия в разное время были высказаны не просто различные, но и радикально противоположные точки зрения, и эти споры вокруг образа Г. Гегеля имеют место и сегодня («воскрешение Г. Гегеля продолжается» (Ж. Д'Онт)).

С одной стороны, сама история вынуждает каждое поколение переписывать образы ее великих участников, вновь отвечая на вопрос о том, что каждый из них хотел сказать своим творчеством, с другой – разнообразие ликов Гегеля во многом связано и со спецификой тех целей, которые преследуют сами интерпретаторы. Они чаще всего пытаются встроить его идеи в собственные мысли, поставить их на службу личным интересам, подчас причисляя философу то, о чем он не только никогда не писал, но даже и не думал. По этой причине создается иллюзия, что каждый может говорить о «своем» Г. Гегеле, находя у него то, что нужно именно ему. Можно ли, опираясь исключительно на учение самого Г. Гегеля, сформировать единственно аутентичный его облик как в чисто философском, так и в политическом отношении?

Одним из поводов написания этой статьи послужили события, которые в 2020 г. отмечает международное сообщество исследователей Г. Гегеля: 250-летие со дня его рождения и 200-летие публикации «Философия права». Однако дело не только в самом факте этих юбилеев, которые, конечно, дают прекрасную возможность еще раз обратиться к обсуждению гегелевской философии во всех ее аспектах. При изучении кратко изложенной концеп-

ции XXXIII Международного гегелевского конгресса (далее – Конгресс), который должен был состояться в честь этих юбилейных дат в июне текущего года в Варшаве (по причине пандемии его перенесли на 2021 г.), стоит обратить внимание на цель, которую поставили перед собой организаторы этого форума: «Спустя тридцать лет после политических изменений в Европе... пришло время наконец-то исправить идеологически оскорбленный образ Г. Гегеля и сосредоточиться на нем как мыслителе свободы... создав, таким образом, интеллектуальную платформу, на которой представители Запада и Востока, Севера и Юга могут встретиться, чтобы коллективно осмыслить социальные, политические и правовые проблемы нашего времени». Предполагалось сделать акцент как на наиболее глубоко присущих наследию философа двух моментах человеческого существования (мышлении и свободе) и, соответственно, сформулировать в качестве одной из важнейших задач современной философии «концептуализацию форм права на свободу», обозначив тем самым общие рамки Конгресса. В преамбуле к форуму отмечалось также, что в Центральной и Восточной Европе образ Г. Гегеля был искажен, и это «привело к идеологическому злоупотреблению его философией как одной из опор недемократической системы» [1]. При этом значительная роль в подобного рода искажении отводится и до сегодняшнего дня достаточно популярной интерпретации К. Поппера, которую он дал в своем ставшем бестселлером двухтомнике «Открытое общество и его враги».

Таким образом, именно теория свободы, как главный нерв философии Г. Гегеля, была выбрана организаторами Конгресса в качестве подходящей отправной точки, чтобы сформулировать важные и актуальные вопросы современности. При этом за-

метны очередная попытка модернизировать Г. Гегеля, стремление позиционировать его исключительно как либерала и, разумеется, использовать такой его облик не только в профессионально-философских, но и в политических целях.

Подобного рода попытки отнюдь не новы. Известно, что сразу после смерти философа в Германии не раз «сталкивались различные лики Гегеля», сформированные, с одной стороны, консервативными правыми старогегельянцами, прочитавшими философа сквозь призму идей лютеранской ортодоксии, и радикальными в политическом плане левыми младогегельянцами – с другой. В дореволюционной России учение Егора Федоровича Гегеля (так его называли русские гегельянцы того времени) было крайне популярно и воспринято как теоретическое обоснование практики революционного бунта, «радости разрушения» (М. Бакунин) и «алгебры революции» (А. Герцен).

В литературе довольно подробно описано, как был прочитан Г. Гегель основоположниками марксизма. Следует подчеркнуть лишь то, что, несмотря на высокое признание диалектики немецкого мыслителя (например, К. Маркс считал ее собственным философским источником, называя себя иногда гегельянцем, а Ф. Энгельс испытывал гордость от того, что немецкие социалисты происходят от И. Канта, И. Фихте и, разумеется, Г. Гегеля), в то же самое время наблюдается серьезная недооценка его философии [2]. Это было связано с тем, что классики подошли к наследию их предшественника если не исключительно, то по меньшей мере преимущественно в контексте пригодности и целесообразности использования его идей для решения революционно-практических, политических задач. Сосредоточив свое внимание на диалектическом методе Г. Гегеля (а среди его работ – в основном на «Философии права»), они не увидели целого ряда продуктивных идей в его учении о гражданском обществе, соотношении государства и его институтов. Но даже превознося данную диалектику, и К. Маркс, и Ф. Энгельс не раз отмечали, что та стоит у Г. Гегеля «вверх ногами», что ее нужно перевернуть, чтобы найти рациональное зерно в мистической оболочке. У основоположника марксизма можно обнаружить и строки, явно свидетельствующие о том, что его диалектический метод в своем основании не только отличается от гегелевского, но и составляет прямую его противоположность и т. п. Сформированный классиками такого рода облик Г. Гегеля приведет к серьезным последствиям, особенно для философии и социальной науки в СССР, хотя и не только. Следует отметить, что в XX в. образ философа, представленный в интерпретации Маркса, был весьма искажен, а именно: Г. Гегель предстает как создатель мистифицированной философской системы («успешно снятой и перевернутой» марксизмом), которая, будучи консервативной, радикально про-

тиворечит своему революционному методу. Хотя на самом деле они, разумеется, никак не могут быть отделены друг от друга, поскольку, являясь отображением действительности, гегелевская система никак не может быть взята вне способа бытия реальности, т. е. ее метода.

Создателем следующего образа Г. Гегеля становится В. Ленин. Тема «Ленин и Гегель» давно уже стала отдельной в философской литературе XX и XXI вв., причем не только в русскоязычной. Пример тому книга французского неомарксиста Л. Альтюссера «Ленин и философия» и ряд других изданных на Западе работ [3; 4]. Следует отметить, что именно благодаря большевистскому вождю Г. Гегеля будут активно издавать, комментировать и изучать в Советском Союзе, где он станет, пожалуй, самым популярным западным философом. А брошенная В. Лениным на полях его конспекта фраза: «Нельзя вполне понять “Капитал” Маркса, особенно его первую главу, не проштудировав и не поняв всей логики Г. Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя» – будет своего рода руководящей идеологической установкой для оценки творчества философа на одной шестой части суши [5, с. 162]. К числу еще одной ленинской установки, постоянно тиражируемой впоследствии в СССР, можно отнести и эклектическую оценку учения Г. Гегеля. Суть ее состоит в постоянном воспроизведении тезиса о том, что будто бы, с одной стороны, философ гениально ставил чрезвычайно важные вопросы, а с другой – оказывался не в состоянии их решить, будучи, как известно, идеалистом.

Сначала в «Материализме и эмпириокритицизме» (1908) В. Ленин признал значительность фигуры Г. Гегеля по сравнению с «более мелкими философами» в лице И. Канта и Д. Юма. Затем он уделил ему гораздо большее внимание в «Философских тетрадах», которые часто на Западе называют гегелевскими (написанные в период Первой мировой войны и опубликованные посмертно в 1933 г.). И, наконец, в работе «О значении воинствующего материализма» (1922) он призывает большевиков «организовать систематическое изучение гегелевской диалектики с материалистической точки зрения» [6, с. 23–33]. Как бы высоко В. Ленин не ценил так называемый умный идеализм и диалектику Г. Гегеля, он отмечал, что Г. Гегель «угадал диалектику вещей в диалектике понятий» и т. п., и полностью придерживался оценок, данных в свое время К. Марксом. Более того, он крайне резко, отнюдь не в академической манере сравнивал его идеализм с «навозной кучей», называл «поставленным на голову материализмом», сопровождая свое чтение «Науки логики» жуткими эпитетами (например, «архидлинно, пусто, скучно... бога жалко, сволочь идеалистическая», «темна вода», «определение не из ясных» и т. п. [5, с. 267]).

В. Ленина, как и его великих предшественников, интересовало у Г. Гегеля только то, что можно было непосредственно перенести в политику и тактику революционной борьбы, т. е. его диалектика и диалектическое противоречие, которое Г. Гегель ввел в «сердцевину мира» и в котором большевистский вождь увидел главную заслугу немецкого мыслителя. Он также критически усвоил ставшую для будущей революции в России очень важной еще одну мысль Г. Гегеля – о превращении идеального в реальное – и включил в свою практику его знаменитую фразу о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [5, с. 94]. Тем самым В. Ленин сумел, как отмечают многие исследователи, гораздо глубже понять Г. Гегеля и все же выйти за рамки исключительно ортодоксального прочтения его К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как скажет потом С. Жижек, «Ленин благодаря внимательному чтению “Логики” Гегеля сумел распознать уникальную возможность для революции» [7, с. 557].

Нетрудно догадаться, как формировался следующий облик Г. Гегеля уже в СССР. Более того, эта тема получила освещение в работах ряда российских философов. Следует подчеркнуть, что основные направления исследования гегелевской проблематики в советской литературе определялись, во-первых, оценками классиков марксизма, а во-вторых, теми социально-политическими изменениями, которые происходили в стране на разных этапах ее развития. Так, доминирующими в 1920-х гг. стали идеи о Г. Гегеле как о теоретическом источнике марксизма; опять же, его критиковали за идеализм в философии и консерватизм в политике. В 1930-х гг. в оценках Г. Гегеля преобладало восхваление его революционного диалектического метода, шла резкая критика сформировавшегося на Западе движения неогегельянства. В 1940-х гг., особенно с началом Великой Отечественной войны, перешли к стремительным выпадам в адрес всей немецкой классической философии, характеризуемой тогда в качестве «аристократической реакции на Французскую революцию». Самого же Г. Гегеля упрекали за пренебрежение к славянам и возвеличивание немцев, апологетику войны и колониальную политику, в чем особенно зарекомендовал себя издававшийся в то время теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) «Большевик». Даже стали возникать многочисленные дискуссии о том, считать ли его наследие одним из теоретических источников марксизма или предтечей нацистской идеологии. Так, с подачи З. Белецкого, партийного секретаря Института философии АН СССР, и санкции И. Сталина была закреплена ложная интерпретация немецкой классической философии, в корне противоречащая той, которая в свое время была дана основоположниками марксизма-ленинизма [8, с. 164]. Написанное З. Белецким письмо И. Сталину о знаменитом третьем томе «История философии» послужило по-

водом для резкой смены представлений о месте и роли немецкой классики и лично Г. Гегеля в истории философии. И если некоторые советские авторы (Б. Быховский, М. Розенталь и др.) все же пытались повернуть классиков против фашистов, придерживаясь ортодоксальных ленинских оценок, то другие настаивали на том, что немецкая классическая философия является одним из источников нацистской идеологии. Это, по-видимому, было связано в том числе и с давней неприязнью И. Сталина к Г. Гегелю, которая, как отмечает С. Корсаков, сложилась еще с тех времен, когда Я. Стэн читал ему персональный курс лекций по философии. Есть сведения о том, что за несколько месяцев до смерти И. Сталин говорил своим приближенным идеологам, что в философии нечего «увлекаться единством противоположностей, это гегельянская терминология» [8, с. 168].

Лишь в период оттепели формируется более аутентичный облик немецкого философа, что было связано с ослаблением идеологических установок и расширением дозволенных вопросов, обращением к новым темам гегелевского наследия, включая главным образом методологическую проблематику. Что же касается постперестроечной России, то здесь благодаря исследованиям многих выдающихся российских авторов (Н. Мотрошиловой, М. Быковой и др.), а также публикациям ряда знаковых переводов сформировался соответствующий современным реалиям образ немецкого мыслителя, свободный от идеологически ангажированного толкования его роли и значения в мировой философии только как непосредственного источника марксизма-ленинизма.

Ярким примером становления такого нового облика Г. Гегеля явились работы академика В. Стёпина. Он органично связал гегелевскую концепцию абсолютного духа как субстанции, порождающей в своем развитии все его состояния и являющейся идеализированным образом саморазвивающихся систем, с основными принципами современного системно-структурного подхода [9, с. 330], тем самым фактически представил облик Г. Гегеля как генератора идей, которые продуктивно стимулируют новые нетривиальные подходы при разработке философских оснований науки XXI в.

Что касается стран Запада – Италии, Великобритании, Франции, Германии и др., то здесь в конце XIX – первой половине XX в. начинается процесс возрождения идей Г. Гегеля. В каждом из этих государств формировался собственный образ немецкого философа, в зависимости от тех целей, которые ставили перед собой интерпретаторы его идей. Так, для Великобритании были характерны крайне консервативные рецепции и трактовки, используемые главным образом в качестве противоядия от позитивизма, британского эмпиризма, сенсуализма и естественно-научного материализма. Г. Гегель предстал в них как сугубо религиозный философ,

а его диалектика превратилась в концепцию примирения противоположностей. При создании его политического облика акцент делался преимущественно на его учении о государстве как особой целостности, которое использовалось для обоснования законности и полного подчинения личности государственным законам.

Итальянские неогегельянцы, в первую очередь Б. Кроче, выделяли в воззрениях Г. Гегеля философию истории с ее понятием свободы, истолкованной в качестве высшего закона и безусловной исторической ценности. Во многом это было связано с событиями Первой мировой войны, мировым кризисом, фашизацией страны и т. п. Что же касается другого крупнейшего представителя итальянского неогегельянства – Дж. Джентиле, то для него главной целью стала реконструкция и обновление гегелевской диалектики в сторону трансцендентально-субъективизма, где на первый план выдвигался акт «воления» и актуализации субъекта. Он также использовал гегелевскую трактовку для оправдания и даже «обоготворения» фашистского государства [10].

Однако наиболее неортодоксальный и ставший чрезвычайно притягательным образ Г. Гегеля формируется в предвоенной Франции. В период Первой мировой войны немецкая философия в целом связывалась французскими интеллектуалами с германским милитаризмом и империализмом, а сам Г. Гегель рассматривался как философ, учение которого было опровергнуто развитием научного знания. Более того, его резко критиковали за обожествление государства, всячески подавляющего права личности. Однако к середине 1930-х гг. в стране складывается совершенно другое отношение к Г. Гегелю, и, соответственно, формируется иной его лик. Было бы несправедливо не вспомнить в данном контексте о В. Дильтее и его работе «История молодого Гегеля» (1905), которая способствовала коренному изменению этого образа, придав ему мистико-пантеистический оттенок. Возникновение нового интереса к Г. Гегелю, как полагал французский философ В. Декомб, было также обусловлено событиями, происходящими в России, – Октябрьской революцией 1917 г., приведшей к популяризации на Западе идей марксизма. Определенный «отблеск славы, окружавшей большевистских лидеров, пал и на Гегеля», работы которого, как уже упоминалось, усердно советовал «штудировать» В. Ленин [11, с. 15]. Для пробуждения этого интереса много сделали французы Ж. Валь и Ж. Ипполит, а также русские эмигранты А. Койре (А. Койранский) и А. Кожев (В. Кожевников). Совершенно новый образ Г. Гегеля сформировался во Франции благодаря тому, что в фокусе исследовательского интереса оказался текст «Феноменологии духа», только что переведенный Ж. Ипполитом на французский язык. Более того, Г. Гегель впервые предстал здесь уже не в облике закоренело-

го панлогиста, а, скорее, в духе атмосферы того времени, романтика и экзистенциального философа. Гегелевский концепт «несчастное сознание», воплощающий, по Ж. Валью, суть и характер его «экзистенциально-трагической» диалектики, был провозглашен «источком» и «тайной» всей гегелевской философии. Сам же Г. Гегель предстал в видении Ж. Валья как мыслитель, постоянно оказывающийся перед лицом антиномий и антитезисов и более всего озабоченный вопросом о преобразовании несчастья в счастье. Интересно, что каждый французский философ, несмотря на совпадение в главном из увиденного у Г. Гегеля, все же вносил разные оттенки в сформированный им его облик. Так, у Ж. Валья Г. Гегель предстал в образе религиозного мыслителя, а А. Кожев находил в нем, хотя и скрытого, но атеиста, что якобы непосредственно вытекало из антропологической сущности его философии.

Именно А. Кожев и ввел настоящую моду на современного Г. Гегеля, прочитав в 1933–1939 гг. в Школе практических исследований Парижа курс лекций по произведению «Феноменология духа», на которых присутствовал весь цвет французской и европейской интеллектуальной элиты того времени: Р. Арон, Ж. Батай, А. Бретон, Ж. Валь, Р. Гароди, Р. Кайуа, П. Клоссовски, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр и др. Это в значительной степени поспособствовало тому, что к середине 1940-х гг. Г. Гегель «станет вершиной классической философии и источником всего современного» [11, с. 17]. Вплоть до конца 1960-х гг. «Феноменология духа» будет одним из самых читаемых философских произведений того времени, а Г. Гегель, наряду с Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером, станет властителем дум европейской молодежи, составившей так называемое поколение трех *H* (*Hegel, Husserl, Heidegger*).

Благодаря А. Кожеву создается новый образ Г. Гегеля и его философии. Философ как бы утратит свою классическую академическую замкнутость и предстанет в духе идей новой исторической эпохи (как учение о человеке, его судьбах и смысле истории). В проблематику гегелевской философии А. Кожев внесет те вопросы, которые в рамках классического дискурса всегда находились за ее пределами, – тему смерти, выбора, решимости, борьбы за признание, террора и др. Это окажется удивительно созвучно проблематике экзистенциальной философии К. Ясперса, учеником которого был А. Кожев, и М. Хайдеггера [12].

Выше уже отмечалось, что учение Г. Гегеля за последние 200 лет подвергалось самым противоположным оценкам, став, по сути, ареной ожесточенных разногласий и даже столкновений. Начало здесь было положено еще А. Шопенгауэром, составившим крайне нелицеприятный образ как философии, так и личности своего старшего современника. Некоторые из данных ему эпитетов порой даже нецелесообразно воспроизводить в академическом сообществе.

Уже в XX в. К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» (1945), с одной стороны, и Г. Маркузе в книге «Разум и революция. Г. Гегель и становление социальной теории» (1941) – с другой, репрезентируют два кардинально противоположных образа Г. Гегеля и его философии в контексте ее связи с различными формами тоталитаризма: образ апологета и предтечи и апостола разума и свободы.

Так, согласно Попперу, гегелевская система прославляет прусский абсолютизм в качестве незыблемого воплощения разума и закладывает новый теоретический базис немецкого национализма. Как пишет К. Поппер, «получилось так, что он [Гегель] занял положение первого официального философа пруссачества в период феодальной “реставрации” после наполеоновских войн» [13, с. 38–39]. Его же система, будучи «апологией пруссачества», является, по К. Попперу, принципиально антинаучной и, вопреки заявлениям самого мыслителя, глубоко антирационалистичной. Она, базирующаяся на признании как правового, так и морального позитивизма, во многом способствовала зарождению воинствующего антилиберализма и антииндивидуализма XX в., воплотившихся в фашизме, гитлеризме и сталинизме.

Г. Маркузе же, наоборот, считал, что появление фашизма стало возможным только в результате отказа от фундаментальных положений гегелевской философии, основополагающий принцип которой он увидел в верховенстве разума над действительностью, а также необходимости свободной и рациональной критики существующего положения дел. Философская система Г. Гегеля «представляет собой последнее великое выражение этого культурного идеализма, последнюю великую попытку сделать мысль прибежищем разума и свободы» [14, с. 43–44].

После Второй мировой войны в европейской философии наметились пути поиска новых подходов к Г. Гегелю и его философии, тяготеющих к более умеренному характеру исследований по сравнению как с попперовской позицией, так и представителями радикального неогегельянства. Этому в значительной мере помогало создание Интернационального объединения для содействия изучению гегелевской философии и Международного гегелевского общества, иницилирующих регулярный созыв международных гегелевских конгрессов. Тем не менее дилемма, воплотившаяся в противостоянии позиций К. Поппера и Г. Маркузе, остается и сегодня по-прежнему актуальной.

В фокусе исследований конца XX в. оказалась наиболее актуальной политическая философия Г. Гегеля, вокруг содержания которой и разворачиваются бурные дискуссии: носит ли она реакционный или же прогрессивный характер, тоталитарна или либеральна, революционно-критична или конформистски-оппортунистична?.. При этом главными обсуждаемыми темами гегелевского учения являются

вопросы о соотношении государства и гражданского общества, личности и государства, его оценки Прусского государства и Французской революции, его взгляды на войну и т. п. Не остается в стороне и вопрос о связи идей Г. Гегеля и К. Маркса, использовании его положений неогегельянами и т. п.

Сформированный К. Поппером образ Г. Гегеля как тоталитарного мыслителя и сегодня достаточно распространен в англосаксонской литературе и у некоторых западногерманских авторов (И. Фетчер, Б. Рассел, С. Хук, К. Фридрих, Я. Гоммес, Ф. Бауэр, Э. Зауэр и др.), которые игнорируют специфический смысл гегелевской философской концепции государства, ассоциирующейся у него с идеей свободы и права, а отнюдь не с аппаратом насилия и произвола.

К числу тех, кто придерживался созданного Г. Маркузе образа Г. Гегеля и, соответственно, либеральной его трактовки, относится Ж. Д’Онт (выступил уже в конце XX в.) – ученик Ж. Ипполита, председатель французского философского общества и член правления Международного гегелевского общества, основатель Центра исследований и документов, посвященных Г. Гегелю и К. Марксу. Французский философ обратился к изучению наследия Г. Гегеля с целью найти в нем ответы на актуальные вопросы современности. Благодаря своим блестящим работам он не только завоевал международную известность, но и сумел восстановить немецкому философу историческое лицо. Его многолетние изыскания завершились изданием итоговой работы «Гегель. Биография» (1998).

Исследование Ж. Д’Онта отличает тщательный анализ документов, связанных с жизнью и творчеством немецкого философа, а также скрупулезное вчитывание в его тексты, на основе которых был создан, как он сам пишет, «новый Гегель». Автор приводит множество конкретных фактов, начиная с событий, связанных с загадочной смертью философа, враждебностью в отношении к нему со стороны прусского двора, приглашением сразу после его смерти в Берлин Ф. Шеллинга, призванного «сразить и извести гадючье семя гегелевского пантеизма». Благодаря детальному анализу главных идей Г. Гегеля Ж. Д’Онт отрицает выпады К. Поппера, а заодно и Ф. Энгельса, называвших Г. Гегеля «официальным философом Прусского государства». Он отстаивает идею о невозможности трактовки его мысли, особенно политической, вне обусловившего ее контекста и советует искать предтечу Гитлера в Пруссии начала XIX в. среди куда более подходящих кандидатов на эту роль, нежели Г. Гегель [15, с. 447].

Главной составляющей облика Г. Гегеля, сформированного Ж. Д’Онтом, стала идея о верности философа либеральным идеалам своей юности даже в зрелые годы. Исследователь полагает, что Г. Гегель был вынужден приспособливаться к условиям тех жестких политических режимов, под властью кото-

рых он жил, непрестанно сдерживать себя и использовать столь характерный для него «двойной язык». В книге приводятся многочисленные примеры такого либерального облика Г. Гегеля, ссылки на резкую критику им английской коррумпированной политики и то, что он никогда не превозносил монархию, абсолютизм и авторитаризм, видя силу государства в разуме, праве и свободе.

Такой «новый образ Гегеля» оказывается сегодня довольно притягательным, особенно на Западе, чему свидетельствует и упомянутая в начале данной публикации ссылка на концепцию или преамбулу к XXXIII Международному гегелевскому конгрессу, который, как уже отмечалось, провозгласил Г. Гегеля «мыслителем свободы» и назвал его главной задачей «концептуализацию форм права на свободу».

Разумеется, учение Г. Гегеля, несмотря на цельность и систематичность, столь сложно и многолико, что вывести из него определенную политическую позицию представляется чрезвычайно непросто, как и нелегко кратко охарактеризовать все те многочисленные его образы, которые за последние 200 лет сложились в философской литературе. Ведь кто только не писал о Г. Гегеле, начиная с его современников! Тем не менее сегодня, в XXI в., нельзя оставаться в плену одиозных идеологических клише

и стереотипов, навязывающих нам образ Г. Гегеля как апологета Прусского государства и реакционера-консерватора, призванного «удерживать философию в разумных границах» (К. Поппер). Следует помнить, что он остается не только великим логиком, методологом и энциклопедистом, создателем грандиозной философской системы, но и мыслителем, идеи которого во многом инициировали практически все направления послегегелевской мысли. Как писал еще в 1946 г. французский философ М. Мерло-Понти: «Гегель стоит у истоков всего великого, что произошло в философии за последнее столетие, например марксизма, Ницше, феноменологии и немецкого экзистенциализма, психоанализа... <...> ...В сфере культуры нет более срочной задачи, чем обратить снова неблагодарные доктрины к гегелевскому началу, которое они пытаются забыть» [11, с. 15]. И уж тем более, не нужно перекладывать на него ответственность за сказанное от его имени сторонниками ортодоксального марксизма, радикального неогегельянства или фашизма. Другое дело, что все точки над «i» еще не поставлены, и работа по осмыслению гигантского наследия немецкого философа по-прежнему продолжается, а его юбилей дает хороший повод ее активизировать.

### Библиографические ссылки

1. XXXIII Internationaler Hegel-Congress [Internet]. 2020 [cited 2020 May 18]. Available from: <https://hegel2020.uw.edu.pl/home>.
2. Большаков НН. Размышления по поводу прочтения основоположниками марксизма-ленинизма «Философии права» Гегеля [Интернет]. 2020 [процитировано 17 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-po-povodu-prochteniya-osnovopolozhnikami-marksizma-leninizma-filosofii-prava-gegelya>.
3. Knackstedt ME. *State and revolution: Hegel, Marx and Lenin*. Ontario: McMaster University; 1994. 173 p.
4. Anderson K. *Lenin, Hegel, and Western Marxism: a critical study*. Urbana: University of Illinois Press; 1995. 336 p.
5. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 29. Философские тетради*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 813 с.
6. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 45. О значении воинствующего материализма*. Москва: Издательство политической литературы; 1970. 760 с.
7. Данилкин ЛА. *Ленин. Пантократор солнечных пылинок*. Юрьев АА, редактор. Москва: Молодая гвардия; 2017. 784 с.
8. Корсаков СН. Начальный этап «дела» З. Я. Белецкого (архивная публикация). *Философский журнал*. 2016; 9(1):164–179.
9. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 800 с.
10. Румянцева ТГ, редактор. *Современная западная философия*. Минск: Книжный дом; 2009. 1024 с.
11. Декомб В. *Современная французская философия*. Москва: Весь Мир; 2000. 344 с.
12. Кожев А. *Введение в чтение Гегеля*. Санкт-Петербург: Наука; 2003. 792 с.
13. Поппер К. *Открытое общество и его враги. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Том 2*. Садовский ВН, редактор, переводчик. Москва: Феникс; 1992. 528 с.
14. Маркузе Г. *Разум и революция. Гегель и становление социальной теории*. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000. 541 с.
15. Д’Онт Ж. *Гегель. Биография*. Погоняйло АГ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2012. 512 с.

### References

1. XXXIII Internationaler Hegel-Congress [Internet]. 2020 [cited 2020 May 18]. Available from: <https://hegel2020.uw.edu.pl/home>.
2. Bolshakov NN. Reflections on the reading by the founders of Marxism Leninism of Hegel’s «Philosophy of right» [Internet]. 2020 [cited 2020 May 17]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-po-povodu-prochteniya-osnovopolozhnikami-marksizma-leninizma-filosofii-prava-gegelya>. Russian.
3. Knackstedt ME. *State and revolution: Hegel, Marx and Lenin*. Ontario: McMaster University; 1994. 173 p.
4. Anderson K. *Lenin, Hegel, and Western Marxism: a critical study*. Urbana: University of Illinois Press; 1995. 336 p.

5. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 29. Filosofskie tetrad* [Complete collection essays. Volume 29. Philosophical notebooks]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. 813 p. Russian.
6. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 45. O znachenii voinstvuyushchego materializma* [Complete collection essays. Volume 45. On the significance of militant materialism]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1970. 760 p. Russian.
7. Danilkin LA. *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Sun Dust Pantocrator]. Yuriev AA, editor. Moscow: Molodaya gvardiya; 2017. 784 p. Russian.
8. Korsakov SN. The initial stage of the Beletsky «case» (archival publication). *The Philosophy Journal*. 2016;9(1):164–179. Russian.
9. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kultura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
10. Rumyantseva TG. editor. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Modern western philosophy]. Minsk: Knizhnyi dom; 2009. 1024 p. Russian.
11. Dekomb V. *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya* [Modern French philosophy]. Moscow: Ves' Mir; 2000. 344 p. Russian.
12. Kozev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to reading of Hegel]. Saint Petersburg: Nauka; 2003. 792 p. Russian.
13. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. Tom 2* [The open society and its enemies. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Volume 2]. Sadovsky VN, editor, translator. Moscow: Phoenix; 1992. 528 p. Russian.
14. Markuze G. *Razum i revolyutsiya. Gegel' i stanovlenie sotsialnoi teorii* [Reason and revolution. Hegel and the formation of social theory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2000. 541 p. Russian.
15. D'Ont Z. *Gegel'. Biografiya* [Hegel. Biography]. Pogonyailo AG, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2012. 512 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.07.2020.  
Received by editorial board 20.07.2020.

## Л. Н. ГУМИЛЕВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО КОСМИЗМА

П. С. КАРАКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются особенности концепции этногенеза Л. Н. Гумилева, ее обоснованные и спорные стороны. Значительное внимание уделяется раскрытию влияния биосферных и космических идей В. И. Вернадского на становление воззрений Л. Н. Гумилева, основой которых были представления о космической обусловленности смены этносов в реальной истории человечества. Рассматривается попытка раскрыть взаимосвязь истории людей и истории природы. Подчеркивается озабоченность ученого характером отношения человека к природе, важностью утверждения разумных форм отношения людей к ней. Делается вывод о принадлежности Л. Н. Гумилева к числу представителей русского космизма.

**Ключевые слова:** природа; биосфера; ноосфера; история; этнос; этногенез; пассионарность; наследственность; мутация; космизм; русский космизм.

## L. N. GUMILEV AS A REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM

P. S. KARAKO<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the features of the concept of ethnogenesis of L. N. Gumilev, its justified and controversial aspects. Considerable attention is paid to revealing the role of biosphere and space ideas of V. I. Vernadsky on the formation and expression of L. N. Gumilev's cosmic views. Their basis was the idea of cosmic conditioning of the change of ethnic groups in the real history of mankind. He made an attempt to uncover the connection between history of people and history of nature. His concern is emphasized by the nature of man's attitude to nature, the importance of affirming reasonable forms of people's attitude to it. It is concluded that L. N. Gumilev was involved in the number of representatives of Russian cosmism.

**Keywords:** nature; biosphere; noosphere; history; ethnos; ethnogenesis; passionarity; heredity; mutation; cosmism; Russian cosmism.

В современных исследованиях ряда российских ученых обнаруживается возрастающее внимание к русскому космизму. В работах Б. М. Владимирского, В. Н. Демина, С. И. Шлёкина и других к числу представителей этого течения причисляются многие деятели науки и культуры. Медленно и неуклонно идет процесс возвращения в отечественную духовную культуру ранее запрещенных к изданию трудов Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», Д. Л. Андреева «Роза мира» и т. д. [1, с. 94]. В труде [1] помещены и портреты авторов выше-

названных книг, но не сказано ни единого слова о содержании их космических идей, особенно Л. Н. Гумилева. Определенное внимание космизму последнего уделяет В. Н. Демин. Свое исследование он начинает с утверждения о влиянии биосферных идей В. И. Вернадского (1863–1945) на становление концепции этногенеза Л. Н. Гумилева как ядра его космизма. Он утверждает, что «учение Вернадского о биосфере применительно к социальным явлениям, историческим процессам и общественным структурам было конкретизировано в теории эт-

### Образец цитирования:

Карак ПС. Л. Н. Гумилев как представитель русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:12–19.

### For citation:

Karako PS. L. N. Gumilev as a representative of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:12–19. Russian.

### Автор:

**Петр Семенович Карак** – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

### Author:

**Petr S. Karako**, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. [kafedra628@gmail.com](mailto:kafedra628@gmail.com)

ногенеза Льва Николаевича Гумилева (1912–1992)» [2, с. 127]. При этом В. Н. Демин пишет, что главные идеи этой теории были сформулированы Л. Н. Гумилевым в тюрьме и ссылке, куда он попал только за то, что был сыном опальных поэтов – Н. Гумилева и А. Ахматовой. Автор допускает неточность в отношении времени написания Л. Н. Гумилевым своего труда. В 1956 г. тот был освобожден из заключения и реабилитирован из-за отсутствия состава преступления. В 1961 г. он защитил докторскую диссертацию «Древние тюрки. История Средней Азии на грани древности и Средневековья (VI–VIII вв.)» (по историческим наукам). Она была написана во время пребывания автора в лагерях и ссылках. Его труд «Этногенез и биосфера Земли» был закончен и подготовлен к публикации в 1979 г., но издан, к сожалению, только в 1989 г.

### Теоретические основы концепции Л. Н. Гумилева

Теоретические основы концепции Л. Н. Гумилева сформулированы в ряде его трудов. Так, в работе «Этносфера: история людей и история природы» (1993) отмечается, что для понимания процесса возникновения и исчезновения этнических систем в историческом времени принципиальное значение имеет идея основоположников марксистской философии о взаимосвязи истории людей и истории природы, изложенная ими в «Немецкой идеологии» (1845–1846): «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [3, с. 16]. Данная мысль, правда в сокращенном варианте, приводится Л. Н. Гумилевым и в работе «Этногенез и биосфера Земли». При этом автором процитированного положения Л. Н. Гумилев считает только К. Маркса. Подобная небрежность недопустима в научных исследованиях.

Феноменами, в которых осуществляется взаимодействие людей, их материальной и духовной культуры с природной средой, являются, по Гумилеву, исторически сложившиеся группы людей – этносы. Вот почему выявление характера такого взаимодействия он считал важнейшей задачей «этнической истории» [4, с. 285]. Успешность решения поставленной задачи ученый связывал с применением системной методологии, в частности системного подхода, обоснованного австрийским биологом и философом Л. Бергаланфи [4, с. 47; 5, с. 100]. Ради исторической правды следует сказать, что не Л. Бергаланфи, а В. И. Вернадский является пионером использования системного подхода в научном знании. В его труде «Биосфера» (1926) определены и опубликованы основные идеи этого подхода, а биосфера представлена не только как естественное тело, но и как системное образование. В рабо-

те нельзя согласиться и с тем, что учение В. И. Вернадского о биосфере было лишь конкретизировано Л. Н. Гумилевым при обосновании концепции этногенеза: им использовались и другие теоретические и методологические положения, ставшие основой данной концепции, ее космической выраженности.

Отмеченные пробелы в понимании особенностей концепции этногенеза Л. Н. Гумилева сориентировали автора настоящей работы на их ликвидацию. При этом наше внимание будет сконцентрировано на раскрытии роли космических идей В. И. Вернадского в становлении космизма Л. Н. Гумилева и на возможности причисления последнего к представителям русского космизма. Для решения поставленной задачи первостепенное значение будет иметь выявление методологических и теоретических источников концепции Л. Н. Гумилева.

те [6, с. 66–86] подробно раскрывался приоритет В. И. Вернадского в обосновании сущности системной парадигмы, ее методологической роли в постижении биосферы и ее процессов. Л. Н. Гумилев использовал только определение понятия «система», которое сформулировал Л. Бергаланфи: «Система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [цит. по: 5, с. 100]. Данное определение системы легло в основу трактовки Л. Н. Гумилевым понятия «этнос».

Следующим значимым теоретическим источником становления и выражения концепции этногенеза Л. Н. Гумилева были идеи В. И. Вернадского, отраженные в работе «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965). Он писал, что когда этот труд попал в его руки, то нашел в нем все «нужное для него»: «Оказывается, для того чтобы решать вопросы исторического развития, нужно подойти к ним не индуктивно – от мелкого факта к обобщению, а дедуктивно. Так Вернадский взял все живые организмы на Земле и объявил их биосферой» [4, с. 11]. Такого «объявления» В. И. Вернадский не делал. Ему приписывается понимание биосферы, изложенное в 1875 г. австрийским геологом Э. Зюссом (1831–1914), для которого биосфера – это самостоятельная оболочка Земли, состоящая из всей совокупности населяющих ее организмов. Данная оболочка четко ограничивалась им как в пространстве, так и во времени. И противопоставлялась трем другим оболочкам Земли – литосфере, гидросфере и атмосфере.

Подобную трактовку биосферы В. И. Вернадский не принимал. Если бы Л. Н. Гумилев более внимательно читал вышеназванный труд В. И. Вернадского, то обратил бы внимание на следующее суждение его автора: «Для значительного их числа (геологов. – П. К.) биосфера есть биосфера Зюсса – Лик Земли. Живые организмы, в ней находящиеся, как будто научно

причинно с ней не связаны – сторонние самодовлеющие тела. Но постепенно и по существу быстро эти взгляды меняются» [7, с. 62]. Но, как видим, эти взгляды нашли свое признание и в воззрениях Л. Н. Гумилева. В уже упоминавшейся нашей книге отмечены и другие приверженцы концепции биосферы, сформулированной Э. Зюссом [6, с. 37–38]. На последующих страницах указанного труда раскрывается содержание биогеохимической трактовки биосферы В. И. Вернадским. Для него биосфера есть оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой обусловлены прошлой и нынешней деятельностью живого вещества.

Не учитывал Л. Н. Гумилев и представления В. И. Вернадского о структуре биосферы. По Вернадскому, она включает в себя следующие компоненты: живое вещество (совокупность всех форм живого нашей планеты), косное вещество, биогенное вещество, биокосное вещество, вещество радиоактивного распада, рассеянные атомы, создающиеся из земного вещества под воздействием космических излучений, и, наконец, вещество космического происхождения (космическая пыль, атомы и молекулы из космического пространства).

Компонентом биосферы В. И. Вернадский считал человека, да и все человечество. «Человечество как живое вещество, – писал он, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту». Человек и человечество он считал и «мощной геологической силой» [7, с. 339], которая будет переводить биосферу в новое состояние – ноосферу.

Включал человека в структуру биосферы и Л. Н. Гумилев: «Биосфера Земли – это одна из оболочек планеты. Люди входят в состав биосферы, но они столь разнообразны, что рассматривать их всех как целостность – антропосферу – не конструктивно» [8, с. 300]. Конструктивным, по его убеждению, будет учет только отдельных групп людей – этносов, их места и роли в биосфере.

### **«Человек и человеческие коллективы сопричастны к космосу» (Л. Н. Гумилев)**

Для начала выясним, как понимал Л. Н. Гумилев термин «этнос». Он подчеркивал, что этнос есть системное образование: «Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец; точнее, этногенез – процесс дискретный» [8, с. 301]. В другой работе он практически повторяет предыдущее определение, но с некоторыми новыми особенностями рассматриваемой системы: «Этнос – это система. Это, во-первых, система закрытая, а во-вторых, корпускулярная. И в-третьих, это система, которая начинается и кончается» [4, с. 12]. «Новая» особенность этноса заключается в том, что он является «закрытой системой». Соответствует ли

Все отмеченное позволяет сделать вывод, что Л. Н. Гумилев понимал и развивал представления о биосфере не в «духе В. И. Вернадского». Но что же было воспринято им от идей В. И. Вернадского и стало одной из предпосылок его концепции этногенеза?

Таковым следует считать положение о роли живого вещества в производстве энергии в биосфере. Оно зафиксировано в первом биогеохимическом принципе В. И. Вернадского: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению» [7, с. 298]. Данный принцип сформулирован на основе обоснованного им положения о роли живого в производстве и накоплении энергии в биосфере: «Все живое вещество планеты, взятое в целом, является источником действенной свободной энергии, может производить работу» [7, с. 280]. Она выражается в непрерывно протекающей биогенной миграции атомов в биосфере Земли и других процессах. Во втором и третьем биогеохимических принципах В. И. Вернадского фиксируется возрастающая роль живого вещества в накоплении энергии в биосфере, которое происходит в процессе ее эволюции.

Свое согласие с данными принципами В. И. Вернадского выражает и Л. Н. Гумилев. Он считает, что процессы этногенеза становятся возможными только благодаря наличию свободной энергии в биосфере [5, с. 328]. Накопление энергии в биосфере является, по Гумилеву, главной причиной динамики этносов. Выявлению этой причины способствовало и восприятие им системной методологии Л. Бергаланфи. Он писал, что «системный подход Л. Фон Бергаланфи и учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы... позволили сделать эмпирическое обобщение всех ранее установленных фактов и дать тем самым описательное определение категории “этнос”, установив характер движения материи в этногенезах» [4, с. 357–358]. Как же были использованы положения упомянутых ученых и мыслителей в обоснованной Л. Н. Гумилевым концепции этногенеза?

подобная трактовка этноса системной методологии Л. Бергаланфи?

Наш ответ на поставленный вопрос отрицательный. Как известно, у Л. Бергаланфи природные и социальные системы считались открытыми. Они существуют только благодаря тому, что обмениваются веществом и энергией с другими смежными системами. Живые и социальные системы обмениваются также информацией. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев не строго придерживался понимания системы, обоснованного Л. Бергаланфи, да и понимания системной методологии В. И. Вернадского.

Следующей исследовательской задачей является выяснение структурных компонентов этноса и форм их связи между собой внутри данного этноса и с другими подобными общностями. Сам Л. Н. Гумилев по этому поводу пишет, что понятие «этнос» он ввел в свою концепцию этногенеза для «обозначения его как устойчивого коллектива особей, противопоставляющего себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющего внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения» [5, с. 278]. В биологии такого рода устойчивые коллективы особей, заселяющие определенную территорию, где осуществляется свободное и неограниченное скрещивание между особями, получили название *популяции*. Л. Н. Гумилев резко выступает против использования понятия «популяция» при характеристике этноса. Он не допускает понимания этноса и как особой социальной общности людей. По Гумилеву, «этнос не биологическое явление, так же как и не социальное» [4, с. 35]. Тогда к какому роду явлений был отнесен им этнос?

Для Л. Н. Гумилева «этнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду» [8, с. 29]. Избежать такого рода попыток постижения этноса возможно только при учете положения, что «этнос – это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» [4, с. 35]. Вот так он первоначально объясняет разнообразие этносов. Но что определяет разнообразие и бытие ландшафтов, особенно их живых компонентов?

Обстоятельно рассматриваемый вопрос был решен в свое время В. И. Вернадским. Он обнаружил, что под воздействием космических факторов живые организмы (растения) производят и накапливают в биосфере органическое вещество, содержание которого определяет и энергетический уровень биосферы. «Ступение живого вещества» на суше, в морях, океанах, других водных бассейнах Л. Н. Вернадский связывал с воздействием различного рода космических излучений. Да и само живое вещество находится под их влиянием. Оно, как отмечал русский космист, «перерабатывает на нашей планете

три различные формы энергии: 1) космическую лучистую энергию Солнца, тепловую, световую; 2) космическую атомную энергию радиоактивного распада...; 3) космическую, исходящую из нашей Галактики (Млечного пути), энергию рассеянных элементов». Причем он считал, что «первая – энергия Солнца – резко преобладает» [7, с. 298–299].

Л. Н. Гумилев принимает сформулированные В. И. Вернадским положения относительно космических факторов, влияющих на бытие живого в биосфере Земли, и даже освещает воздействие этих факторов на человека. Он, как и В. И. Вернадский, считает, что главным источником энергии, поступающей из Космоса в биосферу Земли, является солнечное излучение. Именно оно поглощается зелеными растениями, благодаря чему становится возможным синтез органического вещества, которое потребляется другими формами живого (гетеротрофами). Гетеротрофным организмом является и человек. Л. Н. Гумилев отмечает воздействие на человека и энергии распада радиоактивных элементов Земли, и энергии, приходящей из «глубин Галактики». По его убеждению, все «описанные явления и есть механизм сопричастности каждого человека и каждого человеческого коллектива космосу» [4, с. 44–45]. При этом он добавляет, что все сказанное относится не только к людям, но и к «народоведению». Вот почему историк считал важным сосредоточить свой интерес на выявлении того, как «вливают энергетические воздействия на судьбы каждого из нас и тех коллективов, к которым мы относимся» [4, с. 45]. В какой же мере человек и человечество «сопричастны» Космосу? Как конкретно явления Космоса влияют на исторические процессы (этногенез)?

На второй вопрос ответ мы находим в работе В. Н. Демина. Он утверждает, что «Космос принимает прямое участие в жизнеобеспечении, направленности и протекании всех исторических явлений, поскольку природа – не просто человеческий дом, «она – мы сами»» [2, с. 127]. Можно ли согласиться с предложенной автором жесткой космической детерминацией истории человечества? На наш взгляд, формулировка данной формы детерминизма определилась безоговорочным восприятием ее автором соответствующих положений Л. Н. Гумилева. К их анализу обратимся и мы.

### Космическая обусловленность появления пассионариев и роль последних в этногенезах

В отношении воздействия космических факторов на людей Л. Н. Гумилев выражался однозначно. Он демонстрировал убежденность в том, что разного рода космические излучения влияют на жизнь и поведение как отдельных людей, так и их коллективов. Биосфера Земли постоянно испытывает «энергетические удары» из Космоса. Причем эти «энергетические удары по Земле идут не от Солн-

ца, а из рассеянной энергии Галактики» [8, с. 365]. У людей эта энергия вызывает мутации генетического аппарата. В какой же форме видит их осуществление Л. Н. Гумилев? По этому поводу он писал: «Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции в определенном ареале. Мутируют только отдельные относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно

для того, чтобы возник новый тип людей, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос». Одним из условий такого «перерастания» он считал «пассионарность членов консорции» [8, с. 288].

Следует отметить, что понятие «пассионарность» является центральным в концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Историю его появления и использования раскрывает он сам: «Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание)... Оказалось, что любая живая система, будь это этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое множество людей, наделенных пассионарностью, – пассионариев» [8, с. 31]. В чем же выражается пассионарность людей и кто такие пассионарии?

Данные понятия являются основой концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Этим объясняется его особое внимание к раскрытию их содержания и роли в этногенезе. Для Л. Н. Гумилева «пассионарность – это способность и стремление (человека. – Л. К.) к изменению окружения, или, переведя на язык физики, к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [5, с. 271]. При этом подчеркивается, что пассионарность «атрибут не сознания, а подсознания». Она выражается в «специфике конституции нервной деятельности» людей. В другой работе приводится следующее определение рассматриваемого понятия: «Пассионарность – это стремление действовать без всякой цели или с целью иллюзорной... она есть реальный мотив человеческого поведения» [4, с. 8].

Пассионарии – это отдельные особи этноса, которые обладают способностью абсорбировать (поглощать) биохимическую энергию живого вещества биосферы больше, чем им требуется в обычной жизни. В этносе такие особи появляются в результате мутаций. Л. Н. Гумилев вновь отмечает: «...мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному» [8, с. 31–32]. Следствием таких мутаций является изменение генотипа особи и ее поведения. Такая особь становится пассионарной. Л. Н. Гумилев пишет: «Появившийся в ее генотипе вследствие мутации признак пассионарности обуславливает у особи повышенную по сравнению с нормальной ситуацией абсорбцию энергии из внешней среды. Вот этот-то избыток энергии и формирует новый стереотип поведения, цементирует новую системную целостность» [4, с. 82–83].

Появление определенного количества пассионариев в этносе может существенно изменить его

существование. Именно пассионарии являются основным фактором этногенеза. По Гумилеву, этногенез – это процесс возникновения, развития и исчезновения этнических систем. В его трудах упоминается значительное число именитых пассионариев, которые оказали как положительное, так и отрицательное влияние на свой и смежные этносы.

При оценке роли пассионарности в истории этносов следует иметь в виду, что для Л. Н. Гумилева данное явление есть «биологический признак». По мнению Л. Н. Гумилева, «пассионарность... важный наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразуя их в новые суперэтнические системы» [5, с. 287]. Биологическая природа рассматриваемого явления многократно выражается им и в других его трудах. Но как она обосновывается?

«Биологичность» пассионариев подтверждается следующим суждением: «Пассионарный признак передается по наследству половым путем, о чем свидетельствует тот факт, что процессы этногенеза в местах, не затронутых пассионарным толчком, начинаются только после распространения на эти территории представителей уже пассионарных этносов. Это, в свою очередь, позволяет говорить об этногенезе как о флуктуации живого вещества человеческих организмов, а о пассионарном толчке как о микромутации на поведенческом уровне» [8, с. 308].

Что можно сказать по поводу процитированных суждений Л. Н. Гумилева? В них воспроизводятся отвергнутые научной биологией положения Т. Д. Лысенко о передаче признаков, приобретенных в процессе онтогенеза живых систем, последующим поколениям.

Но, справедливости ради, следует отметить и то, что Л. Н. Гумилев обращает внимание и на социальные условия бытия человека, он многократно использует выражение советского генетика М. Е. Лобашева «сигнальная наследственность». В нем фиксировалась передача поведенческих навыков, норм морали, выработанных в процессе образования и воспитания людей, последующим поколениям. Таким образом обеспечивается преемственность между поколениями. В полном смысле слова такую форму связи нельзя называть наследственностью, так как она не детерминируется генами человека. Л. Н. Гумилев считал, что человек есть и «социальная единица», ее «социальное бытие определяет и ее сознание». Последнее и «только оно дает возможность каждому отдельному человеку и каждой социальной целостности сделать выбор» форм своей деятельности. В то время как «деятельность, связанная с биологическими отправлениями, права на выбор лишена» [8, с. 336]. К сожалению, как отмеченные, так и другие социальные факторы не нашли своего использования при обосновании историком своей концепции, биологизаторский подход здесь был основным и определяющим.

Логическое постижение космизма предполагает выявление отношения его представителей к идее ноосферы, обоснованной В. И. Вернадским. Его последователь, космист, математик, академик АН СССР Н. Н. Моисеев (1917–2000) считал учение о ноосфере «наследием русского космизма» [9, с. 243]. Как же это наследие оценил Л. Н. Гумилев? Внес ли он вклад в его развитие?

В разделе «Библиография» к труду [8] отмечается статья В. И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере» (1944). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев был знаком с ноосферной идеей своего предшественника. В рассматриваемых в настоящей статье трудах Л. Н. Гумилева понятие «ноосфера» многократно используется. Но что нас поразило – так это следующее заключение Л. Н. Гумилева: «Термин Вернадского “ноосфера” – не совсем удачный» [8, с. 158]. В. И. Вернадский под ноосферой понимал будущее состояние биосферы. Для Л. Н. Гумилева ноосфера – это не ожидаемое закономерное состояние нынешней биосферы в недалеком будущем, а только «особая область биосферы». Ноосфера есть «сфера разума, продуктом которой является техника в самом широком смысле, включающем искусство, науку и литературу как кристаллизацию деятельности разума» [5, с. 335].

С деятельностью разума Л. Н. Гумилев связывал становление хищнического отношения человека к природе, дестабилизацию ее процессов: «...достижения техники позволили хищнически унич-

тожать запасы природных богатств, и это, казалось, путем прогресса. Ныне уже не хватает пресной воды для нужд промышленности, флора угнетена, пылевые бури в США мстят за уничтожение биоценозов прерий, воздух в больших городах обеднен кислородом, с лица Земли за последние 300 лет исчезли 110 видов позвоночных животных и под угрозой находятся еще 600 видов. Еще недавно этот процесс был назван ноосферой и победой над природой» [5, с. 240].

В другой работе следствием реализации идей ноосферы в далеком прошлом считается доставшееся нам наследие: «От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки да рубила; от неолита – мусорные кучи на местах поселений. Античность представлена развалинами городов, а Средневековье – замков». Все это есть результат «овеществления разума», выразившийся в «технике и ее продуктах» [8, с. 295]. Вот так понимал Л. Н. Гумилев смысл одного из наследий русского космизма.

Все вышесказанное позволяет поставить новые вопросы. Какой вклад внес Л. Н. Гумилев в обоснование русского космизма? Можно ли считать его представителем этого течения русской мысли? Положительный ответ на сформулированные вопросы дает опять-таки В. Н. Демин. Он утверждает, что «Гумилев не просто углубил и конкретизировал идеи Вернадского, но и наметил пути для их дальнейшего развития» [2, с. 130]. Данный вывод нельзя признать безоговорочно.

### О вкладе Л. Н. Гумилева в обоснование русского космизма

В поисках ответа на поставленные вопросы мы будем исходить из того положения, что тема космизма была исходной теоретической основой учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Его труд «Биосфера» (1926) начинается с раскрытия влияния Космоса на бытие биосферы, здесь формулируется и вывод о том, что биосфера является космоземной оболочкой нашей планеты. Подробно предпосылки и сущность его космизма и воззрений на биосферу и ноосферу раскрывались нами в специальной статье [10]. В последующие годы представления В. И. Вернадского по обсуждаемым здесь вопросам обосновывались и развивались его последователями: Н. Н. Моисеевым, В. Н. Сукачевым, Н. В. Тимофеевым-Ресовским и другими учеными-космистами. Их вклад в развитие учения о биосфере и ее переходе в ноосферу, да и космизма в целом, также раскрывается в ряде наших работ.

Что же касается Л. Н. Гумилева, то его вклад в учение о ноосфере равен нулю или даже может считаться отрицательным; мы не заметили и каких-либо новшеств в отношении приращения знаний о биосфере, месте и роли человека в ней. Чего стоит вывод о том, что человек есть «органический элемент

земной поверхности, связанный с биосферой неразрывно через инстинкты, позволяющие ему не погибнуть» [8, с. 336]. Разве можно считать подобное суждение конкретизацией идеи В. И. Вернадского о биосфере?

Объем данной работы не позволяет осуществить оценку суждений Л. Н. Гумилева о роли мутаций в человеческих популяциях как факторов смены этносов. Заинтересованному читателю мы адресуем книгу выдающегося советского генетика, академика АН СССР Н. П. Дубинина (1906–1998), в которой подвергнуты критике соответствующие суждения Л. Н. Гумилева и сделан вывод о том, что «признание пассионарности» как «наследственного свойства, физиологической доминанты» есть «свидетельство неправильной интерпретации отдельных фактов реальной истории человечества» [11, с. 42]. Современный археолог А. Н. Медведь высказывает близкую академику Н. П. Дубинину мысль: «Теория пассионарности пока не вошла в число прочно усвоенных концепций и слабо подтверждена фактами истории» [12, с. 619–620].

Л. Н. Гумилев пытался подтвердить свою концепцию исторических процессов фактами астрономиче-

ских наблюдений. Он ссылается на исследования американского астронома Дж. Эдди, который выявил 11-летние циклы солнечной активности. Л. Н. Гумилев пишет, что в свете этих открытий можно считать доказанным, будто «все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. Это уже закономерность, позволяющая интерпретировать явление. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации» [8, с. 365]. Что можно сказать по поводу процитированного суждения? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к другим «астрономическим фактам».

В библиографическом списке работ к труду [8] Л. Н. Гумилев упоминает книгу видного русского ученого-космиста А. Л. Чижевского (1897–1964) «Земное эхо солнечных бурь» (1973). Им еще в 1920–30-х гг. была установлена корреляция между 11-летними циклами повышенной солнечной активности и биологическими процессами (эпидемии, пандемии и т. д.) в биосфере и многими социальными явлениями (восстания, войны и т. д.). Высокую оценку научным положениям, обоснованным А. Л. Чижевским, давали выдающиеся представители русского космизма В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский. До конца своей жизни А. Л. Чижевский сверял развиваемые им идеи космизма с положениями старших космистов, особенно В. И. Вернадского. А. Л. Чижевский подтверждал истинность его идей относительно биосферы, места и роли человека в ней результатами своих исследований. В силу этого космизм В. И. Вернадского становился научно обоснованным учением [13, с. 49–50], как и космизм самого А. Л. Чижевского, что подтверждается и многими современными исследователями [14, с. 13–14]. Но в трудах Л. Н. Гумилева научных выводов этого космиста, как и других, мы не обнаружили.

Принципиальное значение может иметь мысль, высказанная В. И. Вернадским в письме к своему

сыну Г. В. Вернадскому от 11 июля 1944 г.: «Я очень рад, что ты очень ярко и просто выразил мою мысль о ноосфере как синтезе природного и исторического процесса» [15, с. 242]. Видимо, это последнее суждение В. И. Вернадского о ноосфере. Попыткой осуществить отмеченный «синтез» следует считать и концепцию этногенеза Л. Н. Гумилева. Она, хотя и «неярко и непросто», но формулировалась с учетом роли космических факторов в детерминации социальных процессов, их связи с природными, биосферными процессами и явлениями.

Роднила Л. Н. Гумилева с В. И. Вернадским и другими русскими космистами его озабоченность состоянием природы. Свой труд об этногенезе и биосфере он начинает с констатации того, что это состояние является «бедой нашего времени», да и прошлых периодов истории человечества [5, с. 13]. Он называет и виновников «разрушения природы»: ими являются «те самые динамические стереотипы поведения, которые характеризуют разные этносы» [5, с. 183]. На последующих страницах цитируемого труда важность изменения такого типа поведения людей обосновывается необходимостью установить разумные формы отношения человека к природе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев внес определенный вклад в раскрытие взаимосвязи «истории людей и истории природы». Его концепция этногенеза основывалась на глубоком знании истории многих народов мира, в том числе России. Он сделал попытку раскрыть и влияние космических факторов на «историю людей», тем самым присоединившись к числу представителей русского космизма (В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и др.), которые поднимали и решали такого рода проблемы. Л. Н. Гумилева по праву следует считать представителем данного течения русской мысли. Но его идеи и взгляды требуют более тщательного анализа. Мы призываем и других исследователей обратиться к дальнейшему философскому осмыслению воззрений замечательного русского ученого и мыслителя – Льва Николаевича Гумилева.

### Библиографические ссылки

1. Владимирский БМ, Кисловский ДМ. *Пути русского космизма: судьбы людей и идей. Влияние Космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной*. Москва: URSS; 2011. 143 с.
2. Демин ВН. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Русский космос*. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
4. Гумилев ЛН. *Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению*. Санкт-Петербург: Кристалл; 2003. 416 с.
5. Гумилев ЛН. *Этногенез и биосфера Земли*. Москва: АСТ; 2007. 548 с.
6. Карак ПС. *Философия и методология науки. Учение о биосфере и ноосфере*. Минск: Экоперспектива; 2008. 262 с.
7. Вернадский ВИ. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. Москва: Наука; 2001. 376 с.
8. Гумилев ЛН. *Этносфера: история людей и история природы*. Москва: Экспрос; 1993. 544 с.
9. Моисеев НН. *Экология человечества глазами математика*. Москва: Молодая гвардия; 1988. 254 с.
10. Карак ПС. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского. *Вестник Магілёўскага дзяржаўна-га ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2018;1:13–22.
11. Дубинин НП. *Что такое человек*. Москва: Мысль; 1983. 334 с.

12. Медведь АН. Идеи В. И. Вернадского и научное творчество Л. Н. Гумилева. В: Яншин АЛ, Лапо АВ, редакторы. *В. И. Вернадский: pro et contra*. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт; 2000. с. 619–625.
13. Карако ПС. «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:40–50.
14. Карако ПС. Проблема философских оснований и научности космических идей А. Л. Чижевского. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:9–15.
15. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Москва: Наука; 1989. 261 с.

## References

1. Vladimirskij BM, Kislovskij DM. *Putyami russkogo kosmizma: sud'by lyudei i idei. Vliyanie Kosmosa na sotsial'nye protsessy. Poisk zhizni vo Vselennoi* [Ways of Russian cosmism: the fate of people and ideas. The influence of the cosmos on social processes. Search for life in the Universe]. Moscow: URSS; 2011. 143 p. Russian.
2. Demin VN. *Russkii kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Chast' 1. Russkii kosmos* [Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1. Russian space]. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
3. Marx K, Engels F. [German ideology]. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 3* [Essays. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
4. Gumilev LN. *Konets i vnov' nachalo: populyarnye lektsii po narodovedeniyu* [The end and the beginning again: popular lectures on ethnography]. Saint Petersburg: Kristal; 2003. 416 p. Russian.
5. Gumilev LN. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: AST; 2007. 548 p. Russian.
6. Karako PS. *Filosofiya i metodologiya nauki. Uchenie o biosfere i noosfere* [Philosophy and methodology of science. The doctrine of the biosphere and noosphere]. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 262 p. Russian.
7. Vernadsky VI. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [Chemical structure of the biosphere of the Earth and its environment]. Moscow: Nauka; 2001. 376 p. Russian.
8. Gumilev LN. *Etnosfera: istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]. Moscow: Ekopros; 1993. 544 p. Russian.
9. Moiseev NN. *Ekologiya chelovechestva glazami matematika* [Ecology of mankind through the eyes of a mathematician]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. 254 p. Russian.
10. Karako PS. Prerequisites and essence of V. I. Vernadsky's cosmic views. *Vesnik Magiljovskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja A. Gumanitarnyja navuki (gistoryja, filasofija, filalogija)*. 2018;1:13–22. Russian.
11. Dubinin NP. *Chto takoe chelovek* [What is a person]. Moscow: Mysl'; 1983. 334 p. Russian.
12. Medved' AN. V. I. Vernadsky's ideas and L. N. Gumilev's scientific creativity]. In: Yanshin AL, Lapo AV, editors. *V. I. Vernadsky: pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute; 2000. p. 619–625. Russian.
13. Karako PS. «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and its place in system of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:40–50. Russian.
14. Karako PS. The problem of the philosophical foundations and the scientific nature of the cosmic ideas A. L. Chizhevsky. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:9–15. Russian.
15. Vernadsky VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.  
Received by editorial board 10.02.2020.

УДК 1(091)

## РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Н. И. КУЛАК<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется мировоззрение представителей русской литературы XIX в. (Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого) в контексте философско-методологических принципов Г. В. Плеханова: марксистского понимания диалектического хода общественных явлений, материалистического объяснения истории, соотношения абстрактного и конкретного, антропологической сущности человека. В соответствии с данными принципами оцениваются интеллектуальные взгляды Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, тем самым раскрывается историко-философская концепция Г. В. Плеханова, а также выявляется ее глубокая взаимосвязь с русской традицией, которая ярче всего отражена при анализе идей названных представителей. Принцип материалистического монизма при осмыслении мировоззрения русских писателей стал центральным в концепции Г. В. Плеханова (это привело к философскому упрощению художественных творений русской и зарубежной мысли) и в его методологии, в том числе в идеологической оценке русской литературы.

**Ключевые слова:** философская методология Г. В. Плеханова; русская литературно-критическая мысль; Н. Г. Чернышевский; В. Г. Белинский; Л. Н. Толстой.

## RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL PRINCIPLES G. V. PLEKHANOV

N. I. KULAK<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The worldview of representatives of Russian literature of the XIX century is investigated (N. G. Chernyshevsky, V. G. Belinsky, L. N. Tolstoy) in the context of philosophical and methodological principles G. V. Plekhanov: a marxist understanding of the dialectical course of social phenomena, a materialistic explanation of history, the relationship of the abstract and the concrete, the anthropological essence of man. In accordance with these principles, their intellectual views are evaluated, thereby revealing the historical and philosophical concept of G. V. Plekhanov. It is shown that the appeal to philosophical and methodological principles allows us to identify the deep relationship of the historical and philosophical concept of G. V. Plekhanov with Russian tradition, which is most clearly reflected in the analysis of N. G. Chernyshevsky, V. G. Belinsky, L. N. Tolstoy. The principle of materialistic monism in comprehending the worldview of Russian writers became central to his concept, which led to the philosophical simplification of the artistic creations of Russian and foreign thought. This principle turned out to be general in the methodology of G. V. Plekhanov, including in the ideological assessment of Russian literature and in its historical and philosophical concept, which remains not fully understood in Russian philosophical thought.

**Keywords:** philosophical methodology G. V. Plekhanov; Russian literary critical thought; N. G. Chernyshevsky; V. G. Belinsky; L. N. Tolstoy.

---

### Образец цитирования:

Кулак НИ. Русская литература в контексте философско-методологических принципов Г. В. Плеханова. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:20–25.

### For citation:

Kulak NI. Russian literature in the context of philosophical-methodological principles G. V. Plekhanov. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:20–25. Russian.

---

### Авторы:

**Никита Иванович Кулак** – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор А. А. Легчилин.

### Authors:

**Nikita I. Kulak**, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.  
[kulak.nikita@inbox.ru](mailto:kulak.nikita@inbox.ru)

В истории русской философии Г. В. Плеханов является одним из почетных ученых. Его философское творчество и исследовательские интересы многогранны, но центральное положение занимает именно русская общественная мысль. Ее роли и месту в европейской и русской культурах посвящено немало критических трудов.

Первой такой литературно-критической работой, в которой Г. В. Плеханов начал использовать марксистский философско-категориальный аппарат, считается статья «Гл. И. Успенский» (1888). В ней, в частности, можно найти следующие слова: «Мысль крестьянина порабощена “властью земли” и природы. В лучшем случае она может дойти до создания какой-нибудь “рационалистической” секты, но никогда не может возвыситься до материалистического и единственно правильного взгляда на природу...» [1, с. 52]. Заслуженное внимание Г. В. Плеханов уделял анализу мировоззрения Н. Г. Чернышевского. В 1890 г. публикуется работа «Н. Г. Чернышевский» [2], за ней следуют «Н. Г. Чернышевский. Введение» (к немецкой книге 1894 г.) [3], «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» (1897) [4]. Кульминацией служит объемный труд «Н. Г. Чернышевский» (1909) [5]. В нем мыслитель подробно исследует литературно-философскую систему русского публициста. В статье «Г. В. Плеханов – историк русской философии» Б. В. Емельянов указывает: «Это был, по сути, первый анализ творчества русского философа и революционера, которого автор считал гордостью и славой русской мысли. В монографии была проанализирована эволюция мировоззрения Чернышевского и как философа-материалиста, и как предтечи и теоретика активного народничества» [6, с. 50].

Важное значение Г. В. Плеханов придавал творчеству В. Г. Белинского. Анализ его мировоззрения русский марксист посвятил следующие работы: «Белинский и разумная действительность» (1897), «В. Г. Белинский» (1898), «Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848)» (1909), «О Белинском» (1910).

Г. В. Плеханов «особенно чувствовал какое-то родство, какую-то кровную близость, какой-то пиетет к Белинскому и к Чернышевскому» [7, с. 131], как подмечает партийный коллега, публицист и издатель его работ в России А. Н. Потресов.

Не осталось без внимания и творчество Л. Н. Толстого в историко-философской концепции Г. В. Плеханова. Свое отношение к идеям литератора он выразил в работах: «Толстой и природа» (1908), «Отсюда и досюда» (1910), «Карл Маркс и Лев Толстой» (1911).

В круг философско-литературных интересов мыслителя также следует включить изучение творческой деятельности А. Н. Островского, М. Горького и др. Немало работ посвящено анализу мировоззрения и эстетической составляющей известных зарубежных

писателей: Г. Ибсена, И. Тэна, Ш. Сент-Бева, Ф. Брюнетьера, Г. Лансона, Г. Флобера, Г. Любке. В частности, написаны лекции об искусстве, французской живописи XVIII в. и французской литературе<sup>1</sup>.

Если подвести под общий знаменатель плехановский анализ творчества русских и зарубежных литературных мыслителей, то явно прослеживается критическое положение, исходящее из определенных сложившихся философско-методологических принципов, таких как *марксистское* понимание диалектического хода общественных явлений, материалистическое объяснение истории, соотношение абстрактного и конкретного, антропологическая сущность человека. С позиций данных принципов критически осмысливается творчество западноевропейских и русских мыслителей – это своеобразная категориальная сетка аналитического кредо Г. В. Плеханова.

Апологетический дух марксиста пронизывает анализ творчества русских литераторов. Однако следует заметить, что под воздействием их взглядов философское мировоззрение Г. В. Плеханова видоизменялось, что отразилось и на формировании его историко-философской концепции. Проследить это можно на примере анализа творчества наиболее ярких персоналий в контексте философского наследия Г. В. Плеханова: Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского и Л. Н. Толстого.

Огромное внимание теоретик марксизма уделял фигуре Н. Г. Чернышевского, философское творчество которого складывалось путем заимствования важных постулатов философии Г. Гегеля, которые им были приняты, но до конца не поняты. Здесь речь идет о пресловутой диалектике. Стоит заметить, что процесс построения собственной диалектической методологии и знакомство с главными постулатами гегелевской философии произошли у Г. В. Плеханова благодаря именно Н. Г. Чернышевскому и В. Г. Белинскому. Они сыграли особую роль в его историко-философской концепции, несмотря на критику.

В частности, анализируя работу «Н. Г. Чернышевский» (1909), Г. В. Плеханов приходит к удивительному заключению: «Диалектический метод материалистичен по своей природе, и под его влиянием даже исследователи, стоящие на идеалистической точке зрения, в своих рассуждениях являются подчас несомненно материалистами. Лучшим примером этого может служить сам Гегель, который в своей философии истории нередко покидает почву идеализма и становится, как выразились бы теперь люди, злоупотребляющие терминологией Маркса, экономическим материалистом. Но для того, чтобы понять во всей ее полноте материалистическую природу диалектического метода, нужно выяснить себе, что его сила заключается в сознании того, что ход идей определяется ходом вещей и что поэто-

<sup>1</sup>Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова : в 3 т. М. : Наука, 1973–1974. 3 т.

му субъективная логика мыслителя должна следовать за объективной логикой исследуемого явления» [5, с. 269].

В своих размышлениях Г. В. Плеханов констатирует, что Н. Г. Чернышевский осознавал это, однако до конца не смог развить данную идею: «Чернышевский был материалистом; но в его философских взглядах замечается лишь зародыш материалистической диалектики. Это не удивит нас, если мы припомним, что таким же недостатком страдало и мирозерцание его учителя Фейербаха. Только Марксу и Энгельсу, тоже прошедшим в свое время школу Фейербаха, удалось устранить этот недостаток и сделать новейший материализм *учением диалектическим по преимуществу*». Данный факт отразился на философской системе Н. Г. Чернышевского, который, по словам Г. В. Плеханова, «...бывший в философии решительным материалистом, оставался идеалистом в своих исторических и общественных взглядах» [5, с. 270].

Русский марксист посчитал ошибочной мысль Н. Г. Чернышевского, оценивая ее в идеалистическом направлении, тем самым выступая против различных форм философского идеализма и субъективизма. Для эволюции мировоззрения Г. В. Плеханова это имело решающее значение. Им была осознана идеалистическая основа, что привело к укреплению в его философских стремлениях диалектической и материалистической методологии в духе К. Маркса и Ф. Энгельса и послужило центральным звеном его историко-философской системы в критической оценке мировоззрения литературных персоналий.

Источником формирования философской концепции Г. В. Плеханова служила также и эстетическая теория, выработанная им благодаря Н. Г. Чернышевскому и его труду «Эстетическое отношение искусства к действительности». Теоретик марксизма считал, что это была попытка построить эстетику на основе материалистической философии Л. Фейербаха, которую сам Г. В. Плеханов разделял и развивал, однако считал, что Н. Г. Чернышевский и в данном аспекте идеалистически реализовал принцип соотношения абстрактного и конкретного, о чем указал в работе «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского»: «...сущность человека – “чувствительность”, “действительность”, а не вымысел и не абстракция... всякое превознесение вымысла и абстракции над действительностью не только ошибочно, но и вредно» [4, с. 258]. Итак, можно утверждать, что мыслитель твердо придерживался принципа конкретного в философии.

Г. В. Плеханов, опираясь на анализ творчества Г. Ибсена, четко выразил свою позицию по этому поводу: «...форма искусства, которая дает нам конкретное вместе с абстрактным, несовершенна в той самой мере, в какой живой, художественный образ обескровливается и бледнеет вследствие

примеси абстракции... Зачем нужна эта примесь абстракции?» [8, с. 461]. Изучив и усвоив принцип абстрактного и конкретного в творчестве Г. В. Плеханова, можно понять его типологию пролетарского и буржуазного искусства [9, с. 435–456].

Следующим ключевым принципом философско-методологической концепции Г. В. Плеханова, с позиций которого анализируется творчество русских мыслителей-литераторов, становится марксистское антропологическое понимание сущности человека, что позволяет выявить глубокую взаимосвязь с русской традицией, которая ярче всего отражена в творчестве Л. Н. Толстого и Н. Г. Чернышевского. Стоит отметить, что, поскольку Г. В. Плеханов пришел к философии марксизма через народническую идеологию, гносеологическая проблематика его интересовала меньше, чем ряд практических задач. При анализе проблемы человека исследователь часто занимал сторону Л. Фейербаха, с которым он солидаризировался. Как подчеркивал Г. В. Плеханов, «Фейербах взял “человека” за отправную точку своих философских рассуждений только потому, что, отправляясь от этой точки, он надеялся скорее прийти к цели, которая состояла в составлении правильного взгляда на материю вообще и на ее отношение к “духу”» [10, с. 131]. Сквозь призму творчества немецкого мыслителя и Г. В. Плеханов начинает иначе воспринимать морализм, сентиментализм, нигилизм, анархизм и другие актуальные практические проблемы. Цитируя К. Маркса, ученый писал, что человек «...вовсе не есть абстрактное существо, парящее вне мира. Человек – это мир человека, государство, общество» [11, с. 374].

Анализируя антропологическую составляющую в творчестве Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханов подчеркивал полное единство его философских изысканий с творчеством Л. Фейербаха, считаящего, что «организм есть субъект, а мышление – свойство (“предикат”) этого субъекта, так что мыслит не то отвлеченное существо, с которым оперировала некогда идеалистическая философия, а существо действительное, *тело*» [5, с. 238]. В работе «Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевский (вслед за Л. Фейербахом) исследует философию сквозь призму решения общих научных вопросов: об отношении духа к материи, о свободе человеческой воли и т. д. «При единстве природы мы замечаем в человеке два различных ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает). В каком же отношении между собою находятся эти два порядка явлений? Не противоречит ли их различие единству природы человека, показываемому естественными науками?» [12, с. 8]. Антропологический принцип Н. Г. Чернышевского в своей основе является материалистическим, по-

сколькo он стремится свести человеческие феномены к их естеству и ставит вопрос о материальных отличиях у человека и животного. «Антропология – это такая наука, которая, о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходят в человеческом организме, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые феномены...» [12, с. 30].

По мнению Г. В. Плеханова, Н. Г. Чернышевский смотрел на человека как на «очень многосложную химическую комбинацию» [5, с. 240], поэтому в своих размышлениях часто уходил в физиологию и проводил параллели между человеком и животным, что свело его представления к механистическому материализму.

В данном ключе Г. В. Плеханов анализирует взгляды на другого виднейшего представителя русской мысли – Л. Н. Толстого. Речь идет о его моральном принципе «непротивление злу насилием».

Г. В. Плеханов замечает: «...вся Россия разделилась на два лагеря: “Одни просто любят Толстого, другие – отсюда и досюда”... Люди более или менее передового образа мысли просто любят Толстого, между тем как охранители и реакционеры любят его лишь “отсюда и досюда”. Я не принадлежу ни к реакционерам, ни к охранителям... И, тем не менее, я тоже не могу “просто любить Толстого”; я тоже люблю его только “отсюда и досюда”. Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем. Больше того: я полагаю, что лишь при полном непонимании взглядов Толстого можно утверждать, как это делает г. Володин в той же “Киевской Мысли” (№ 310): “С Толстым радостно. Без Толстого страшно жить”. По-моему, как раз наоборот: “жить с Толстым” так же страшно, как “жить”, например, с Шопенгауэром. А если этого не замечает, в “простоте” любви своей к Толстому, нынешняя наша “интеллигенция”, то мне кажется, что это – очень плохой знак» [13, с. 161].

Говоря о страхе жить, конечно, исследователь имеет в виду нравственную, а не художественную сторону Л. Н. Толстого, при этом подчеркивает: Л. Н. Толстой не состоялся как мыслитель по причине того, что совершаемые в процессе философских построений логические действия опирались лишь на чувство страха, под которым рассматривается зависимость от религиозной составляющей. Данное обстоятельство поспособствовало тому, что Л. Н. Толстой не заметил слабые стороны своих рассуждений, а это послужило поворотом в сугубо идеалистическую плоскость. Также Г. В. Плеханов отмечал, что Л. Н. Толстой не только идеалист,

но и чистокровный, последовательный метафизик (касается приемов его мысли).

Г. В. Плеханов глубоко уважал Л. Н. Толстого как выдающегося художественного деятеля, о чем свидетельствует работа «Толстой и природа», но критиковал как философа: «Я давно знаю, что гр. Л. Н. Толстой – “толстовец”, и я прекрасно понимаю, что всякий истинный “толстовец” не может не быть врагом движения, подобного тому, которое совершается теперь в нашей стране: всякое *сектантство имеет свою логику*» [14, с. 350]. Как видим, здесь также проявилась марксистская ортодоксальная методология<sup>2</sup>.

Еще больший негативизм в адрес Л. Н. Толстого выражал мыслитель по поводу понимания сущности человека в духе той же марксистской методологии. В конце XIX – начале XX в. Л. Н. Толстой поставил вопрос: «Что происходит с человеком в современном мире?» Он высказал мнение о том, что человеческая природа изменчива (в контексте понимания нравственного бытия). Отсюда следует, что в своей антропологической системе, во-первых, он придерживался христианских ценностей, во-вторых, не ставил во главу идеологическую традицию западноевропейского сознания, суть которой заключается в преобладании субъективно-индивидуалистического начала над социально-субстанциональным. В работе «Христианское учение» Л. Н. Толстой пишет, что человек «ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся из зверя, – духовное существо, рождающееся из животного» [15, с. 55]. Исходя из данной фразы, можно предположить, что русский мыслитель понимал человека как часть онтологически не завершенной природы, который вследствие этого становится существом вневременным. Л. Н. Толстой отвергает индивидуализм «по причине его исходной онтологической несостоятельности, в силу чего в качестве антитезы личности как дискретному “Я” Толстой выдвигает не ограниченную условность социальной солидарности и коллективизма, какие бы формы они не принимали, а предельно всеобщую онтологическую категорию “Всего”, за которой стоит интерпретируемая в пантеистическом ключе идея Бога как квинтэссенция абсолютной универсальности бытия» [16, с. 24]. Опираясь на христианскую традицию, Л. Н. Толстой формировал свою антропологическую систему с целью принести блага другому человеку. Данные компоненты в понимании человека Л. Н. Толстым стали одними из главных возражений в его адрес со стороны Г. В. Плеханова: «Не можем не возмущаться до глубины души теми эклектиками, которые приглашают теперь проле-

<sup>2</sup>Иронизируя по поводу роли актуального тогда марксизма в русской культуре, он заметил: «Прежде у нас дополняли Маркса Кантом, Махом, Бергсоном. Я предсказывал, что скоро начнут “дополнять” его Фомой Аквинским. Это мое предсказание пока не оправдалось. Но зато теперь широко практикуется попытка “дополнить” Маркса гр. Толстым. А это еще более удивительно» [17, с. 626].

тариат преклониться перед величием нравственной проповеди Толстого. *Революционный пролетариат должен отнестись к этой проповеди со строгим осуждением*» [17, с. 636]. Главной претензией выступала нравственность, которой Л. Н. Толстой уделял огромное значение, а Г. В. Плеханов считал бесполезной в социалистическом деле<sup>3</sup>.

В заключение следует отметить, что принцип материалистического монизма при анализе мировоззрения русских писателей стал центральным в концепции Г. В. Плеханова. Это выразилось

в стремлении свести свои теоретические построения под марксистский аппарат, что в итоге привело к философскому упрощению в оценке художественных творений русских и зарубежных мыслителей. Ученый акцентирует внимание на диалектичности художественного метода, а в нем – на сугубо идеологической его стороне. Данный принцип имеет важное значение в методологии Г. В. Плеханова, в том числе и в его историко-философской концепции, которая остается до конца не изученной в русской философской мысли<sup>4</sup>.

### Библиографические ссылки

1. Плеханов ГВ. Гл. И. Успенский. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 5*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 41–95.
2. Плеханов ГВ. Н. Г. Чернышевский. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 4*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 70–180.
3. Плеханов ГВ. Н. Г. Чернышевский. Введение. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 4*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 47–69.
4. Плеханов ГВ. Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 5*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 238–281.
5. Плеханов ГВ. Н. Г. Чернышевский. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 4*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 181–397.
6. Емельянов БВ. Плеханов – историк русской философии. *Дискурс-Пи*. 2006;1:49–51.
7. Тютюкин СВ. *Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 1997. 376 с.
8. Плеханов ГВ. Генрик Ибсен. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 5*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 457–508.
9. Плеханов ГВ. Пролетарское движение и буржуазное искусство (Шестая литературно-художественная выставка в Венеции). В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 5*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 435–456.
10. Плеханов ГВ. Основные вопросы марксизма. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 124–196.
11. Плеханов ГВ. О так называемых религиозных исканиях в России. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 326–437.
12. Чернышевский Н. Г. *Эстетическое отношение искусства к действительности. Избранные работы*. Москва: Юрайт; 2017. 503 с.
13. Плеханов ГВ. Л. Н. Толстой «Отсюда и досюда». В: Плеханов ГВ. *Собрание сочинений. Том 24*. Рязанов Д, редактор. Ленинград: Государственное издательство «Москва»; 1927. с. 186–194.
14. Плеханов ГВ. Симптоматическая ошибка. В: Плеханов ГВ. *Собрание сочинений. Том 15*. Рязанов Д, редактор. Ленинград: Государственное издательство «Москва»; 1926. с. 350–354.
15. Толстой ЛН. Христианское учение. В: Толстой ЛН. *Избранные философские произведения*. Семькин НП, составитель. Москва: Просвещение; 1992. с. 49–113.
16. Гельфонд МЛ. Антропология Л. Н. Толстого. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2014;2:21–32.
17. Плеханов ГВ. Карл Маркс и Лев Толстой. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 5*. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. с. 622–640.

### References

1. Plekhanov GV. Gl. I. Uspensky. In: Plekhanov GV. *Izbrannnye filosofskie proizvedeniya. Tom 5* [Selected philosophical works. Volume 5]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 41–95. Russian.
2. Plekhanov GV. N. G. Chernyshevsky. In: Plekhanov GV. *Izbrannnye filosofskie proizvedeniya. Tom 4* [Selected philosophical works. Volume 4]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 70–180. Russian.

<sup>3</sup>В контексте сказанного можно привести размышления одного из потомков Г. В. Плеханова, известного венгерского философа Даниэля Якоча, в статье «Место Л. Н. Толстого в историко-литературной концепции Г. В. Плеханова»: «Плеханов считает главной отличительной чертой художественного таланта Толстого глубокое понимание и верное изображение диалектики психической жизни... Плеханов повторяет уже знакомое нам положение о диалектическом характере художественного изображения в произведениях писателя, причем говорит не только о диалектике души, но и о диалектике его художественных приемов, т. е. о диалектичности художественного метода Толстого вообще». (См.: Якоч Д. Место Л. Н. Толстого в историко-философской концепции Г. В. Плеханова // *Hungaro-slavica 1978 : VIII Internationaler Kongress der Slawisten (Zagreb, 3–9 Sept. 1978)* / herausgeb. von L. Hadrovics, A. Hollós. Budapest, 1978. p. 79–104).

<sup>4</sup>Мы неоднократно акцентировали на этом внимание (см.: Кулак Н. И. Философия А. Бергсона в критической оценке Г. В. Плеханова // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. 2019. № 3. С. 27–31 ; *Его же*. Г. В. Плеханов и неокантианство: две парадигмы философии истории // *Учен. зап. ВГУ им. П. М. Машерова : сб. науч. тр. Витебск*, 2019. Т. 30. С. 89–93 ; *Его же*. Философское мировоззрение А. И. Герцена в оценке Г. В. Плеханова // *Архивариус*. 2019. № 10. С. 48–50).

3. Plekhanov GV. [N. G. Chernyshevsky. Introduction]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 4* [Selected philosophical works. Volume 4]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 47–69. Russian.
4. Plekhanov GV. [Aesthetic theory N. G. Chernyshevsky]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 5* [Selected philosophical works. Volume 5]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 238–281. Russian.
5. Plekhanov GV. [N. G. Chernyshevsky]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 4* [Selected philosophical works. Volume 4]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 181–397. Russian.
6. Emelianov BV. Plekhanov – historian of Russian philosophy. *Discourse-P*. 2006;1:49–51. Russian.
7. Tyutyukin SV. *G. V. Plehanov. Sud'ba russkogo marksista* [G. V. Plekhanov. The fate of the Russian Marxist]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 1997. 376 p. Russian.
8. Plekhanov GV. Henryk Ibsen. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 5* [Selected philosophical works. Volume 5]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 457–508. Russian.
9. Plekhanov GV. [Proletarian movement and bourgeois art (Sixth literary and art exhibition in Venice)]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 5* [Selected philosophical works. Volume 5]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 435–456. Russian.
10. Plekhanov GV. [The main issues of marxism]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophical works. Volume 3]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1957. p. 124–196. Russian.
11. Plekhanov GV. [About the so-called religious searches in Russia]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophical works. Volume 3]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1957. p. 326–437. Russian.
12. Chernyshevsky NG. *Esteticheskoe otnoshenie iskusstva k deistvitel'nosti* [Aesthetic attitude of art to reality. Selected works]. Moscow: Yurayt; 2017. 503 p. Russian.
13. Plekhanov GV. [L. N. Tolstoy «From here to here»]. In: Plekhanov GV. *Sobranie sochinenii. Tom 24* [Collected works. Volume 24]. Ryazanov D, editor. Leningrad: State Publishing House «Moscow»; 1927. p. 185–194. Russian.
14. Plekhanov GV. [Symptomatic error]. In: Plekhanov GV. *Sobranie sochinenii. Tom 15* [Collected works. Volume 15]. Ryazanov D, editor. Leningrad: State Publishing House «Moscow»; 1926. p. 350–354. Russian.
15. Tolstoy LN. [Christian doctrine]. In: Tolstoy LN. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Semykin NP, compiler. Moscow: Prosveshchenie; 1992. p. 49–113. Russian.
16. Gelfond ML. Anthropology of Leo Tolstoy. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2014;2:21–32. Russian.
17. Plekhanov GV. [Karl Marx and Leo Tolstoy]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 5* [Selected philosophical works. Volume 5]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. p. 622–640. Russian.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020.  
Received by editorial board 12.05.2020.

---

---

# Ф ИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

---

## PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

---

---

УДК 001:165.5

### ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В. С. САЙГАНОВА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются истоки исторической эпистемологии и современные тенденции ее развития как перспективного направления в теории познания. Выявляется проблемное поле исторической эпистемологии, включающей изучение понятий и концептов теории познания в историческом развитии и истории развития объектов научного знания, а также социальных, практических, методологических и технологических условий познания в исторической и культурной динамике. Делается вывод о том, что историческая эпистемология является междисциплинарным теоретическим направлением философской мысли, которое позволяет комплексно исследовать взаимодействие социокультурных факторов развития науки, ее методы, объекты, теории, и рассматривает саму науку как культурную и социальную ценность.

**Ключевые слова:** знание; истина; научное знание; историческая эпистемология; культурно-историческая эпистемология; социальная эпистемология.

---

#### Образец цитирования:

Сайганова В.С. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:26–30.

#### For citation:

Saiganova VS. Historical epistemology: origin and present state. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:26–30. Russian.

---

#### Автор:

**Вероника Святославовна Сайганова** – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

#### Author:

**Veronica S. Saiganova**, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.  
veros23@yandex.ru

## HISTORICAL EPISTEMOLOGY: ORIGIN AND PRESENT STATE

V. S. SAIGANOVA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Discusses the origins and current trends in the development of historical epistemology as a promising direction in the theory of knowledge. The problem field of historical epistemology is revealed. The main issues of historical epistemology are the study of the concepts of the theory of knowledge in historical development; the history of the development of objects of scientific knowledge; social, practical, methodological and technological conditions of cognition in historical and cultural dynamics. The conclusion is made that historical epistemology is an interdisciplinary theoretical direction of philosophical thought. This direction allows us to comprehensively study the interaction of sociocultural factors in the development of science, its methods, objects, theories, considering science as a cultural and social value.

**Keywords:** knowledge; truth; scientific knowledge; historical epistemology; cultural-historical epistemology; social epistemology.

Современный этап развития социально-гуманитарного знания определяется многочисленными дискуссиями о влиянии науки и научно-технического способа производства на гуманитарную культуру и социальные практики. В данных дискуссиях продолжает уверенно проявлять себя эпистемологическая проблематика, которая в своем классическом проявлении сопряжена с поиском и формулированием универсальных характеристик истинного, достоверного знания. В начале XX в. социогуманитарный дискурс постепенно сместился в сторону постклассических вариаций эпистемологии, что привело к семантическому и методологическому плюрализму в понимании знания, истины, содержания самой эпистемологии. В итоге современное социально-гуманитарное знание продолжает находиться в процессе самопоиска и самоопределения. Это связано по меньшей мере с несколькими обстоятельствами. Во-первых, современное общество перманентно пребывает в состоянии тотальной зависимости от своей научной и научно-технологической результативности, что выражается в постоянном стремлении к прогрессу и совершенствованию рациональных, научных, производственных практик. Во-вторых, нарастает непредсказуемость природных и социальных процессов из-за сложно контролируемых темпов развития науки и технологий. В связи с этим гуманитарная культура пересматривает само понятие знания, а эпистемология как наука о знании постоянно обнаруживает новые формы своего проявления в культуре.

Если для классической эпистемологии свойственно относительное единство в философском исследовании знания, то постклассические ее вариации представляют собой разноплановые подходы, каждый из которых претендует на уникальность в объяснении природы знания, его структуры и границ. С определенной долей условности и учетом разной степени проявления собственно эпистемологической проблематики можно назвать следующие постклассические направления эпистемологии: эволюционную эпистемологию (К. Поппер,

С. Тулмин, К. Лоренц), натурализованную (У. Куайн, Р. Гир), генетическую (Ж. Пиаже), социальную (А. Шюц, К. Хюбнер, Д. Блур и др.), феминистскую (С. Хардинг, К. Берад, Д. Харауэй), экспериментальную (А. Пинильос, Ш. Симпсон, У. Бакуолтер, Дж. Шафер и др.), историческую (Г. Башляр, А. Койре, А. Кромби, Э. Мейерсон, Ж. Кангилем, Ж.-Ф. Бронштейн и др.). Данные направления предлагают альтернативные подходы к анализу знания, учитывая разные факторы формирования способов познания, познавательных практик и представлений о достоверном знании.

Особый интерес представляет историческая эпистемология, поскольку она не только вписывается в актуальные тенденции в философии науки (так называемые практический и онтологический повороты, а также поворот к материальному), но и подчеркивает особую значимость исторических процессов для решения современных проблем теории познания. При этом, как отмечают современные исследователи, данное направление обращается не к самой истории теории познания, а к истории научных практик, демонстрируя то, как «эпистемические нормы, принципы, понятия и концепции происходят из этих практик и, в свою очередь, порождают новые способы производства знания и новые формы общественной жизни» [1, с. 155].

Предпосылки исторической эпистемологии восходят к идеям, сформировавшимся в исследованиях в области истории науки и критики позитивизма во Франции в начале XX в. В частности, к истокам исторической эпистемологии можно отнести социологическую программу исследования науки (П. Бурдьё, Л. Пэнто, Ж. Фабиани, Ш. Сулье), представители которой, используя эмпирический материал (тематика, структура и положение академической философии в университетах), подчеркивают маргинальный характер исторической эпистемологии. С одной стороны, она не является приоритетной сферой для академических исследований, а с другой – представляет собой пространство для свободного выбора тем для философской рефлексии над знанием [2, с. 153].

Социологическое направление не ставит перед собой задач расширения проблемного поля и содержания исторической эпистемологии, а больше концентрируется на академических условиях развития эпистемологии как дисциплины.

Также истоки исторической эпистемологии следует усматривать в теоретических исследованиях во французской философии аналитического толка (Ж.-Ф. Бронштейн, П. Анжель, Ф. Реканати). В рамках теоретического подхода (в отличие от социологического) в эпистемологических исследованиях на первый план выходит содержание философских теорий, а не их институциональная реализация. Ж.-Ф. Бронштейн делает акцент на том, что историческая эпистемология во Франции представляет собой философскую рефлексию над историей науки в определенном «французском стиле» [3], что в дальнейшем позволило рассматривать историческую эпистемологию не только в широком контексте французской философии XX в. (Г. Башляр, М. Фуко, Ж. Кангилем), но и в англоязычной философии науки (Я. Хаккинг, П. Галисон). Французская историческая эпистемология не наследует позитивистскую ориентацию и не рассматривает вопросы об основаниях науки, а опирается в своих исследованиях лишь на саму науку (дисциплинарную или академическую) и ее историю. По мере развития и закрепления эпистемологии как академической дисциплины в университетах Франции происходит становление ее как научной философии, и уже к концу XX в. французская эпистемология начинает активно взаимодействовать с аналитической философией. Однако основным ориентиром французской исторической эпистемологии на долгое время закрепляется история науки как предмет и критерий философской рефлексии над научным познанием.

Во второй половине XX в. традиция исторической эпистемологии продолжилась в американской эпистемологической философии М. Вартофски, который соединил исторический подход к истине и принцип моделирования на уровнях индивида и общества для объяснения того, как получается истинное знание. К историческим эпистемологам в определенной степени можно отнести и Т. Куна, так как именно он одним из первых обосновал не только историческую эволюцию науки, выступая против антиисторизма и абсолютизма в рассмотрении критериев научности, но и определил парадигмальную природу научного знания. В философско-методологической литературе иногда происходит сопоставление концептов «парадигма» Т. Куна и «эпистема» М. Фуко, которые были сформулированы с учетом историзма и имеют схожие эпистемологические ориентации.

Также исторический анализ научного познания развивался в марксистской истории и философии науки в западных и советских философско-методо-

логических исследованиях. В рамках западной ветви исторической эпистемологии можно вспомнить Дж. Бернала, который рассматривал науку в широком социально-историческом контексте, выделяя социальные функции научного знания, и условия его формирования, и Г. Фрондентайля, придававшего большое значение анализу истории науки для развития математических теорий. М. Б. Гессен, как представитель советской ветви ранней исторической эпистемологии, изучал проблемы механики в контексте развития науки и техники и развивал экстерналистский подход к описанию истории науки.

Среди современных мыслителей к традиции исторической эпистемологии в западной философии науки можно отнести Я. Хакинга, М. Фридмана, П. Галисона, Г. Хатфилда, Н. Картрайт, Дж. Дюпре и многих других авторов, которые, являясь практикующими исследователями в областях физики, биологии, экономики и др., рассматривают научное знание через анализ его истории. В рамках исторической эпистемологии динамично развивающимся комплексом исследований представлена современная российская философия науки в лице И. Т. Касавина, Б. И. Пружинина, П. П. Гайденко, Н. И. Кузнецовой, И. С. Дмитриевой, Л. А. Микешинной, А. А. Печенкина, Б. Н. Поруса, Л. В. Шиповаловой и др. Современная российская историческая эпистемология сосредоточена преимущественно на истории и философии науки, но появляются предпосылки становления такого направления, как исследования науки и технологий.

Основными проблемами исторической эпистемологии в обобщенном виде являются эпистемологические понятия и концепты в историческом развитии; история развития объектов научного знания; тенденции развития научного способа познания; когнитивные, социальные, практические, методологические и технологические условия познания в исторической и культурной динамике. Данные проблемы позволяют констатировать, что историческая эпистемология представляет собой междисциплинарное теоретическое направление философской мысли, которое позволяет комплексно исследовать взаимодействие не только социокультурных факторов развития науки, но и ее методы, объекты и теории.

Историческая эпистемология тесно смыкается с исторической онтологией, которая предлагает в реалистическом ключе интерпретировать истории идей как внутренний поиск философской рефлексии условий и перспектив собственного исторического развития. Особенно интересным является то, что историческая эпистемология соединяет «историю идей с историей развития науки и научных практик производства знания» [4, с. 20], т. е., сохраняя философскую рефлексию, она включает в свое поле эмпирические и экспериментальные практики и ото-

бражает, каким образом эпистемологические нормы и принципы происходят из этих практик и порождают новые способы производства и воспроизводства знания. Говоря о новых способах получения знания, историческая эпистемология обращена не только и не столько в историю, прошлое, сколько в будущее, что позволяет уделять должное внимание перспективам философского осмысления общества, культуры, науки. Историческая эпистемология способна принять вызовы не только прошлого, но и современности, показывая значимость исторических процессов для постановки новых вопросов о науке, знании, их роли в современном обществе и формулировки ответов на эти вопросы.

Сегодня исследования российских ученых в области исторической эпистемологии наиболее актуальны для развития предметного поля философии науки, поскольку существуют серьезные методологические наработки, традиции в рассмотрении историчности как базовой характеристики научного познания (например, историко-генетическая модель научной рациональности, разрабатываемая В. С. Стёпиным, В. Н. Порусом и П. П. Гайденко). Однако, несмотря на кажущуюся ясность и очевидность историчности знания вообще и науки в частности, существует некоторое противоречие между самой историчностью, которая определяется через дискретность в развитии науки, и устоявшимся пониманием научной предметности, системного единства научного познания, инвариантности научных предметов. В контексте этой проблематичности перспективными могут оказаться исследования, направленные на совмещение базовых характеристик научности и их исторической и культурной определенности. Такое совмещение могло бы обеспечить взаимодействие социальных институтов и культурных феноменов, понимание не только внутренней и внешней логики развития науки, но и рисков, неопределенностей, связанных с этим развитием.

В решении этих и других вопросов российская эпистемология, философия науки разделились на два направления, ориентированных на анализ социокультурной обусловленности научного знания: социальную (или социально-историческую) эпистемологию, разрабатываемую преимущественно И. Т. Касавиным, и культурно-историческую эпистемологию, получившую свое обоснование в работах Н. С. Автономовой и Б. И. Пружинина. Рассматривая познание как сложный социальный и культурный феномен, данные направления тематически схожи, но методологически разнятся. Социальная эпистемология описывает реальность современной науки, акцентируя ее включенность во все виды отношений (экономические, правовые и др.) на правах социального института, подчиненного общественным нормам. И. Т. Касавин подчеркивает значение социальных условий познания для существования знания в обществе, где «содержание и форма

знания социальны от начала до конца» [5, с. 908]. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным общественным явлением и в системе отношений социального производства имеет идеологизированный статус.

Знание в его субъект-объектной структуре зависит от социальных условий познания, однако акцентируется не просто социальность науки, но ее культурно-историческая ценность – такова установка культурно-исторической эпистемологии, которая находит свои истоки в практике культурной истории, междисциплинарных культурно-психологических исследований, *cultural studies* и философском дискурсе. В целом культурно-историческая эпистемология заимствует у постпозитивизма антинормативную установку, но преодолевает связанный с ней релятивизм, а методологическая норма понимается и используется как инструмент познания. Российские ученые в качестве парадигмы для междисциплинарных исследований подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии. Так, Б. И. Пружинин отмечает, что «культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание ученого на историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [6, с. 140], когда ученый способен увидеть символические смыслы своих конкретных прикладных результатов. Уникальность культурно-исторической эпистемологии, по мнению ее адептов, состоит в том, что ее методология не может быть представлена в традиционной форме, а именно в виде рекурсивного списка предписаний, так как культурно-историческая эпистемология погружена в самую познавательную деятельность и обнаруживает себя как ее важнейшая составляющая лишь в ходе этой работы [6, с. 140].

По-разному социальная и культурно-историческая эпистемология относятся и к истине. Для культурно-исторической эпистемологии истина самоценна и зависит от ценностей культуры, а не от социальных условий и потребностей. Она мыслится как культурно-исторический феномен, стремление к ней является внутренней мотивацией сообщества ученых, а не внешней, навязанной социальными институтами. Таким образом, культурно-историческая эпистемология подчеркивает в познавательном отношении динамику живой науки как культурного феномена, некую произвольность мнений ученых, что предполагает «обсуждение и интерсубъективную проверяемость, нахождение пределов познанного (встречу познанного и непознанного), т. е. непрерывную динамику познанного» [7, с. 272].

Итак, историческая эпистемология является достаточно перспективным направлением современных исследований науки, которое включает описание условий ее генезиса, анализ ключевых проблем

и разработку новых областей применения теоретических конструкций; основывается на принципах неклассического историцизма и дополняет ситуационные исследования науки и анализ ее исторических данных. Следует отметить, что современная историческая эпистемология весьма плюралистична и представляет собой неоднородный феномен. Социальные и культурные практики активно используют подходы исторической эпистемологии, исследования в рамках которой насыщены многими коннотациями теорий социального конструктивизма, терминологией современной социологии и философии науки. Возможность полилога исследовательских стратегий, обмен смыслами между несо-

вместимыми методами анализа знания, открытость для нового и допустимость альтернативных способов интерпретаций истории науки – особенности исторической эпистемологии. Данная ее специфика не исключает непредсказуемость результата исследования, наличие рисков, но и дает возможность для открытий в исследовании науки. Современная историческая эпистемология больше напоминает проект, который открыт новым проблематизациям, разработкам исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия и конструктивной научной коммуникации, основанной на творческом поиске и признании науки исторической, социальной и культурной ценностью.

### Библиографические ссылки

1. Шиповалова ЛВ. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований. *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2018;1(4):153–167. DOI: 10.5840/dspl20181453.
2. Соколова ТД. Историческая эпистемология во Франции: к истории формирования дисциплины. *Эпистемология и философия науки*. 2019;56(1):150–168. DOI: 10.5840/eps201956113.
3. Braunstein J-F. Historical Epistemology, Old and New. In: Braunstein J-F, Schmidgen H, Schöttler P, editors. *Epistemology and history. From Bachelard and Canguilhem to today's history of science*. Paris: Max Planck Institute for the History of Science; 2012. p. 33–41.
4. Шиповалова ЛВ. О возможности совместимости историчности и объективности научного знания. *Вестник СПбГУ*. 2012;6:19–23.
5. Касавин ИТ. Социальная эпистемология. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2009. с. 907–912.
6. Пружинин БИ. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014;1:135–141.
7. Щедрина ТГ. Культурно-историческая эпистемология и социальная эпистемология: два пути к реальности. В: Автономова НС, Щедрина ТГ, редакторы. *Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2014. с. 262–272.

### References

1. Shipovalova LV. Contemporary historical epistemology. An analytical review of research directions. *The digital scholar: philosopher's lab*. 2018;1(4):153–167. DOI: 10.5840/dspl20181453. Russian.
2. Sokolova TD. Historical epistemology in France: to the history of the discipline's formation. *Epistemology and philosophy of science*. 2019;56(1):150–168. DOI: 10.5840/eps201956113. Russian.
3. Braunstein J-F. Historical Epistemology, Old and New. In: Braunstein J-F, Schmidgen H, Schöttler P, editors. *Epistemology and history. From Bachelard and Canguilhem to today's history of science*. Paris: Max Planck Institute for the History of Science; 2012. p. 33–41.
4. Shipovalova LV. [On the possibility of compatibility of historicity and objectivity of scientific knowledge]. *Vestnik SPbGU*. 2012;6:19–23. Russian.
5. Kasavin IT. [Social epistemology]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation»; 2009. p. 907–912. Russian.
6. Pruzhinin BI. Knowledge as a value: an essay on cultural-historical epistemology. *Humanities research in the Russian Far East*. 2014;1:135–141. Russian.
7. Shchedrina TG. [Cultural-historical epistemology and social epistemology: two paths to reality]. In: Avtonomova NS, Shchedrin TG, editors. *Kulturno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa Isayevicha Pruzhinina* [Cultural-historical epistemology: problems and prospects. To the 70<sup>th</sup> anniversary of Boris Isaevich Pruzhinin]. Moscow: Russian political encyclopedia; 2014. p. 262–272. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2020.  
Received by editorial board 15.07.2020.

## ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТИВИЗМА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

И. Э. БУРАКЕВИЧ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 200030, г. Минск, Беларусь

Исследуется эвристический потенциал конструктивизма в становлении и развитии постакадемической науки. Проблематизирован сдвиг философско-методологического дискурса в анализе состояния и основных тенденций развития современной науки. Выявлено, что конструктивизм может заложить основы философско-методологического осмысления новых феноменов научного познания. Эвристика конструктивистской исследовательской программы эксплицирована, с одной стороны, на примере формирования новой дисциплинарной онтологии на основе синергетической парадигмы, а с другой – в развертке содержательных и методологических аспектов технаук и конвергирующих технологий.

**Ключевые слова:** конструктивизм; постакадемическая наука; технаука; конвергирующие технологии; синергетика.

## THE HEURISTIC POTENTIAL OF CONSTRUCTIVISM IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF POSTACADEMIC SCIENCE

I. E. BURAKEVICH<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is to explicate the heuristic potential of constructivism in the formation and development of postacademic science. The displacement in philosophical and methodological discourse in the analysis of the state and basic trends of contemporary science is problematized. The article reveals that constructivism can lay the foundation for philosophical and methodological understanding of new phenomena in the development of scientific knowledge. The heuristic of the constructivist research program is explicated, on the one hand, by the example of the formation of a new disciplinary ontology based on the synergetic paradigm, and on the other, in the development of substantive and methodological aspects of technoscience and converging technologies.

**Keywords:** constructivism; postacademic science; technoscience; converging technologies; synergetics.

В традиционном философско-методологическом дискурсе современный этап в развитии научного знания получил название постнеклассической науки. Выделение данного этапа в эволюции научного знания сопряжено с рядом трансформаций, в том числе с изменением характера научной деятельности и объекта науки, повышением значимости меж-

дисциплинарных и проблемно ориентированных форм исследований, распространением комплексных исследовательских программ, повышением значения целей экономического и социально-политического характера, включением аксиологических параметров в состав объяснительных положений. Наиболее репрезентативно данный подход пред-

### Образец цитирования:

Буракевич И.Э. Эвристический потенциал конструктивизма в становлении и развитии постакадемической науки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:31–36.

### For citation:

Burakevich IE. The heuristic potential of constructivism in the formation and development of postacademic science. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:31–36. Russian.

### Автор:

**Ирина Эдуардовна Буракевич** – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н. К. Кисель.

### Author:

**Irina E. Burakevich**, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.  
[irinavansovich@gmail.com](mailto:irinavansovich@gmail.com)

ставлен в трудах В. С. Степина. Эвристика подобно-го анализа исторического развития научного знания заключается в выявлении факторов его социокультурной детерминации.

Несмотря на эвристичность и востребованность подхода к анализу исторического развития научного знания, предложенного В. С. Степиным, можно констатировать, что в современном философско-методологическом дискурсе, посвященном анализу состояния и перспектив развития современной науки, наметился определенный сдвиг. Во многом это проявляется в стремлении учесть изменяющиеся функции науки в обществе и ее новые формы, новый тип взаимоотношений. Названные метаморфозы наиболее яркое отражение находят в контексте так называемой постакадемической науки. Ее возникновение, по мнению ряда исследователей, приходится на последнюю треть XX в. и связано с рядом факторов, главным из которых является встроенность науки в экономику «в качестве одного из важнейших звеньев» [1, с. 56]. Выделение постакадемической науки как нового этапа эволюции научного знания обусловлено рядом трансформаций содержательного и институционального характера. Так, становление и развитие постакадемической науки влечет за собой существенные изменения в ее внутренней организации: фундаментальные и прикладные исследования не противопоставляются друг другу, а в ряде случаев сменяются базисными и специализированными исследованиями. Во многом это объясняется практической нацеленностью, эффективностью и быстрой внедряемостью последних. Трансформации во внутренней организации научного знания с неизбежностью влекут за собой изменения в понимании социального статуса субъекта современных научных исследований, который все чаще предстает как кастомизатор, идентифицирующий проблемы (*problem identifier*) и решающий их (*problem solver*). Кардинально перестраивается и традиционный этос науки: на смену универсальности приходит партикуляризация научного знания и направленность на решение практических задач, бескорыстности и общедоступности научного знания – коммерциализация, организованному скептицизму – экономическая обусловленность и зависимость от социальных, политических и частных интересов.

Данные изменения привели к формированию постакадемической философии науки, одной из ключевых характеристик которой является своего рода слияние философии науки и философии техники (*science and technology studies, STS*). В контексте *STS* исследуется взаимодействие науки и общества в разных проекциях – экономической, инновационно-технологической, ценностной [2, с. 212]. Это, в свою очередь, указывает на то, что проблемное поле *STS* включает вопросы производства научного знания, разнообразных форм взаимосвязи науки и техники, аксиологическое измерение и т. д.

Философско-методологическое осмысление основных трендов постакадемической науки может быть осуществлено с позиций эпистемологического конструктивизма, рассматривающего познание в качестве процесса построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, которые опосредуют взаимодействие человека с миром и другим людьми. Подобное представление о природе познания фундирует «твердое ядро» исследовательской программы конструктивизма. В качестве ее «защитного пояса» выступают идеи, сформулированные и обоснованные в рамках радикального конструктивизма. Среди них особое значение имеют идеи о познании как активном процессе сугубо конструктивной деятельности субъекта, об адаптивном значении познания, о знании как конструктивно-понятийном феномене.

Конструктивистский тренд многолик в своих проявлениях, но во всех версиях он неизменно противостоит реализму на том основании, что акцент в рассмотрении знания смещается от «знания что» на «знание как». С позиций конструктивизма объективная реальность рассматривается не как внешняя по отношению к познающему реальность субъекту, а как реальность, участником и звеном которой является сам человек с его когнитивным аппаратом и нормами деятельности. И тогда реальность – это не внешняя данность или сугубо внутренняя конструкция, а реальность, образующаяся на границе пересечения внутреннего и внешнего. Это означает, что деление на природу и человека, субъект и объект, характерное для классической эпистемологии, в рамках конструктивизма рассматривается как носящее узконаправленный характер и неспособное отражать реальную специфику взаимодействия природы и человека, субъекта и объекта.

Эвристика конструктивистской исследовательской программы, как и самого конструктивизма, многообразна в своих транскрипциях. Один из первых эпизодов, свидетельствующих о ее продуктивности, связан с утверждением в современной науке синергетической парадигмы. Ключевые идеи синергетики во многом созвучны базовым установкам конструктивизма.

В контексте синергетической парадигмы, как и в конструктивизме, подчеркивается идея о том, что человек в актах познания и деятельности не столько отражает реальность, сколько активно конструирует ее. Подобно тому как прохождение сложной системы через точку бифуркации может кардинально изменить ее качественное состояние, так и человек обладает способностью выбирать перспективы собственного развития и конструировать желаемое будущее. Таким образом, и синергетика, и конструктивизм указывают на открытость будущего. В данном случае особый акцент делается на активной созидательной роли человека. Иными словами, человек не должен ждать будущего как чего-

то неизбежного, он должен активно конструировать приемлемое для себя будущее.

Человеческая личность в конструктивизме рассматривается с точки зрения ее проективной и конструктивной деятельности. Жизнь человека, подобно развитию сложной самоорганизующейся системы в синергетике, заранее ничем и никем не предзадана. И тогда постижение и познание реальности осуществляется не непосредственно, а опосредованно – путем создания конструктов, абстракций, идеализаций, которые, строго говоря, и делают возможным познание. При этом стоит отметить, что конструирование социальной реальности осуществляется человеком произвольно: необходимо учитывать потенции среды и внутренние тренды развития сложных социальных систем; конструировать желаемое будущее, а не просто отражать мир, выжидая, что будет; обустривая и перестраивая социальную реальность, созидать самого себя.

Вместе с тем стоит отметить, что человек, созидая и изменяя социальную среду, испытывает на себе ее обратное влияние, поскольку не все, что мы хотим осуществить, возможно осуществить. Иными словами, в самой реальности заложены внешние факторы, ограничивающие нашу способность конструирования (например, готовность людей к тем или иным изменениям и т. д.). Кроме того, необходимо учесть, что само по себе конструирование не является самоцелью. Конструируя социальную среду, человек преследует собственные цели. А поскольку цель всегда отсылает в будущее, то можно утверждать, что, с одной стороны, конструирование – это своего рода попытка предвосхитить опыт, создать конструкции, которые окажутся полезными не только в настоящем, но и в будущем. Однако, с другой стороны, конструирование может рассматриваться и как попытка установления контроля над тем, что человек воспринимает, чтобы элиминировать какие-либо отклонения или возмущения от собственных предпочитаемых целевых состояний [3, с. 145].

Из этого следует, что в контексте синергетической парадигмы выстраивается единая картина реальности, предполагающая соразмерность мира и человеческого бытия. Становление природы и становление человека и конструктов его сознания представляют собой два взаимосвязанных и сопряженных процесса. Человек, конструируя мир, конструирует себя, а конструируя себя и конструкты в своем сознании, конструирует мир. Это указывает на то, что человек и мир, субъект и объект познания находятся в процессе коэволюции [4].

Таким образом, при детальном анализе ключевых идей синергетической парадигмы обнаруживается их тесная взаимосвязь и переплетенность с конструктивистскими установками. Как в синергетике, так и в конструктивизме особое внимание уделяется роли познающего субъекта, который не

столько отражает мир, сколько конструирует его в актах познания и деятельности. Кроме того, и синергетика, и конструктивизм указывают на то, что реальность в какой-то мере является результатом познавательной активности постигающего ее субъекта.

Новая квалификация происходящих в науке изменений, затрагивающих все три ее ипостаси, обозначается сдвигом в философско-методологическом ракурсе, зафиксированном в содержании термина «постакадемическая наука». На сегодняшний день конструктивистский тренд в развитии современного научного познания обнаруживает себя главным образом в междисциплинарной и трансдисциплинарной методологиях научного поиска.

Ярким примером вхождения конструктивистских идей в эпистемологическое пространство постакадемической науки является технонаука. Этот феномен отражает трансформационные процессы, происходящие как в современном обществе, так и в контексте исследовательских практик в науке. Многие исследователи подчеркивают возрастающую роль технонауки как важнейшего фактора в развитии инновационной экономики.

Технонаука возникает в последней трети XX в. вследствие взаимодействия нескольких видов деятельности: научной, производственной и информационной. В Оксфордском словаре технонаука определяется как «взаимопроникновение науки и технологии, представляющее собой единую дисциплину, в которой фундаментальные знания применяются для решения технических проблем, а технические знания применяются для решения фундаментальных проблем (перевод наш. – И. Б.)» [5]. При этом понятие технонауки не тождественно понятию технознания и представляет собой новую форму организации науки, интегрирующую многие аспекты как естествознания и техники, так и социально-гуманитарного познания. Будучи своего рода переплетением исследовательской деятельности с практикой создания и внедрения новых технологий, технонаука обладает рядом отличительных особенностей, которые созвучны ключевым идеям конструктивистской исследовательской программы.

Во-первых, технонаука изменяет принцип взаимосвязи науки и техники. Если ранее инициатором технологических новаций выступала наука и разветка взаимодействия происходила от науки к технологии, то в контексте технонауки развитие новых технологий все чаще иницируется со стороны производства или рынка. Таким образом, стремительное сближение фундаментальной науки и технологий приводит к тому, что поиск перспективных технологических решений стимулирует проведение научных исследований.

Во-вторых, технонаука существенно изменяет установки научного поиска, который в данном случае исходит не столько из стремления углубиться

в познание природы изучаемого объекта, сколько из контекста приложения. И тогда в качестве критерия истинности выступает не что иное, как технологическая эффективность. В связи с этим Ж. Оттуа полагал, что успешным является исследование, в контексте которого формируются новые знания, приносящие пользу, поэтому «объективность современной науки лежит в ее эффективной действительности (перевод наш. – И. Б.)» [6, с. 262].

В-третьих, для технонауки характерен особый тип объектов исследования, в качестве которых, в частности, выступают комплексные системы, включающие самого человека. Она характеризуется ориентацией на человека-потребителя. Так, Б. Г. Юдин подчеркивает, что технонаука направила свои интересы на человека, его потребности, устремления и чаяния, погружая его в мир, обустроенный наукой и технологиями, причем делая это не только извне, но и как бы изнутри, одновременно преобразуя человеческий мир и самого человека [7, с. 146]. Если наука середины XX в. была ориентирована на модернизацию экономики, то на рубеже XX–XXI столетий произошло смещение интереса в сторону потребностей человека. Ярким примером «человекоразмерности» технонауки являются информационные и биомедицинские технологии.

В-четвертых, в контексте технонауки в качестве модели познания выступает конструирование. Картина мира, с которой имеет дело технонаука, как полагает В. С. Швырев, выходит за рамки только объектных представлений, она затрагивает человеческий мир [8, с. 43]. Иными словами, конструируемый человеком мир наполняется искусственными созданиями био- и нанотехнологий. И тогда технологические конструкты выступают как искусственный аналог того, что сама природа в данных условиях создать не может. Вместе с тем это вовсе не означает, что человек конструирует реальность по своему замыслу, отменяя законы природы: он лишь актуализирует новые приложения объекта.

Акцентирование внимания на конструктивной составляющей процесса познания с неизбежностью указывает на то, что в контексте технонауки осуществляется снятие субъект-объектного дуализма. В рамках радикального конструктивизма подобная познавательная ситуация получила название «автопоэтический процесс». Этимология понятия «автопоэзис», которое в своих работах использовали представители радикального конструктивизма Ф. Варела и У. Матурана, восходит к греческим словам *auto*, что означает «само», и *poesis*, которое переводится как «добраивание». Это означает, что субъект-объектная бинарная оппозиция классики сменяется взаимообусловленностью составляющих познавательного отношения человека к миру.

В-пятых, в рамках технонауки изменяется представление об ученом, который вынужден покинуть «башню из слоновой кости» чистой науки и вклю-

читься в активное взаимодействие с обществом. В современных условиях исследователь все больше напоминает бизнесмена, разрабатывающего инновационный продукт и стремящегося к получению прибыли от его реализации. Таким образом, научно-технический прогресс все значительнее детерминируется интересами и потребностями человека.

Экспликация отличительных особенностей технонауки позволяет сделать вывод о том, что она способствует фундаментальному сдвигу в исследовательской культуре. Будучи своеобразным симбиозом науки и техники, технонаука не вписывается в «классические дихотомии природы и культуры, науки и технологии, представления и вмешательства» [9, с. 8]. Вместе с тем стоит отметить, что отождествлять технонауку с источником исключительно прикладных знаний неправомерно, поскольку это означало бы конец науки как таковой. Прикладное знание, будучи потенциально уникальным и фрагментарным, нуждается в опоре на фундаментальные знания.

Эвристика конструктивизма в контексте технонауки заявляет о себе прежде всего в возможности проектирования результатов научной деятельности на фоне всевозрастающей коммерциализации науки. Однако это вовсе не означает, что технонаука может быть сведена к своего рода бизнес-проекту. Конструктивная составляющая технонауки скорее указывает на возможность контроля за технологическими процессами и актуализацию новых приложений объекта исследования.

Не менее отчетливо конструктивистские идеи заявляют о себе и в контексте конвергирующих *NBIC*-технологий (нано- и биотехнологии, информационные и когнитивные технологии). Впервые термин «*NBIC*-технологии» был использован в 2002 г. в отчете, подготовленном для Всемирного центра оценки технологий специалистом в области нанотехнологий М. Роко и социологом У. Бейнбриджем. При экспликации сущности предлагаемой ими технологической тетраэдрической концепции исследователи указывают, что для получения конечного продукта необязательно должно осуществляться взаимовлияние и взаимопроникновение всех четырех технологий.

Упомянутая конвергенция наиболее наглядно может быть продемонстрирована при обращении к информационно-коммуникационным технологиям. Их успешное развитие и усиливающееся распространение во многом связано с открывающимися возможностями в моделировании практически любого процесса. Так, с одной стороны, информационные технологии могут быть использованы для компьютерной симуляции наноустройств [10, с. 100]. В свою очередь, нанотехнологии также оказывают влияние на развитие информационных технологий и, в частности, применяются для проектирования возрастающих мощностей вычислительных

и коммуникационных устройств. С другой стороны, с помощью информационных систем становится возможным моделирование систем биологических. Вместе с тем на данном уровне также можно зафиксировать и обратное влияние биотехнологий на информационные технологии (например, разработка так называемых ДНК-компьютеров). К тому же информационные технологии вносят существенный вклад и в исследование мозга.

Процесс конвергенции NBIC-технологий не сводится к междисциплинарным взаимодействиям в концептуальном и методологическом пространстве классической и особенно неклассической науки XX в., а знаменует собой существенный когнитивный сдвиг, открывающий новые перспективы в реализации трансдисциплинарного проекта в рамках постакадемической науки. На трансдисциплинарный характер NBIC-технологий указывают и М. Роко, и У. Бейнбридж: «После столетий фрагментации науки на дисциплины настало время для нового возрождения, основанного на целостном видении, охватывающем природу и общество» [11]. Кроме того, исследователи полагают, что успешное развитие науки возможно лишь на основе целостного взгляда на науку и технику, предполагающего новые технические возможности, которые в первую очередь нацелены на удовлетворение человеческих потребностей.

Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день вопрос о социальных последствиях внедрения NBIC-технологий остается открытым. С одной стороны, конвергентное развитие указанных областей знания может способствовать решению глобальных кризисов, экономических, экологических, энергетических и ряда других существующих проблем. С другой стороны, активное развитие NBIC-технологий не только существенно изменяет жизненный мир человека, но и легитимизирует претензии на трансформацию природы человека, его идентичности. В процессе развития NBIC-технологий дадут о себе знать такие факторы, как уровень развития науки, ее материальное обеспечение, подготовка необходимых кадров, готовность общества к внедрению результатов развития конвергентных технологий.

Таким образом, трансдисциплинарные тренды в современных научных исследованиях позволяют конструировать природоподобные и социобиотехнические системы. Иными словами, конвергирующие технологии утверждают необходимость соединения в процессе освоения универсума природного и социального начал, фундаментальной науки и технического творчества. В этих тенденциях формирования трансдисциплинарной методологии дает знать о себе положительная эвристика конструктивистской исследовательской программы, утверждающей самоценность конструктивного начала в познании и социальной практике.

Конструктивистский тренд в современном научном познании, чрезвычайно многоликий в своих проявлениях, может заложить основы философско-методологического осмысления новых феноменов в развитии научного познания. С одной стороны, идеи конструктивизма определяют формирование новой онтологии, все больше уходящей от натуралистических интерпретаций универсума к представлению о том, что познающий субъект не столько отражает мир, сколько конструирует его в актах познания и деятельности. С другой стороны, конструктивистские идеи сегодня сопрягаются с различными исследовательскими направлениями в рамках постакадемической науки, такими как технонаука и конвергирующие технологии. Это свидетельствует о безусловной востребованности исследовательской программы конструктивизма как в научном освоении универсума, так и в философских дискурсах, посвященных анализу природы познания и познавательного отношения человека к миру. Эвристика конструктивистской исследовательской программы заявляет о себе и в формировании новой дисциплинарной онтологии на основе синергетической парадигмы, приобретающей универсальный характер, и в развертке содержательных и методологических аспектов технонауки и конвергирующих технологий. Это обстоятельство указывает на своего рода амбивалентность эвристического потенциала конструктивизма: в теоретическом аспекте – в рамках синергетики, в реализации современных научных проектов – в контексте технонауки.

### Библиографические ссылки

1. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического. *Вопросы философии*. 2015;6:53–64.
2. Кисель Н.К. Постакадемический тренд в современной философии науки. В: *Философия и социальные науки в современном мире. Материалы международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 210–214.
3. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм. *Философия науки*. 2006;12:134–152.
4. Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир [Интернет]. 2020 [прочитано 1 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergeticheski-konstruiruemyj-mir/>.
5. Technoscience. In: *Oxford English and Spanish dictionary, thesaurus, and Spanish to English translator* [Internet]. 2020 [cited 2020 March 1]. Available from: <https://www.lexico.com/definition/technoscience>.
6. Hottois G. Technosciences and ethics. *Poznań Studies in the Philosophy of Science and Humanities*. 2004;81:261–265.
7. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы. *Век глобализации*. 2008; 2:146–154.

8. Швырев ВС. О соотношении познавательной и проективно-конструктивной функций в классической и современной науке. В: Лекторский ВА, редактор. *Познание, понимание, конструирование*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2007. с. 30–48.

9. Nordmann A. Collapse of distance: epistemic strategies of science and technoscience. *Danish yearbook of philosophy*. 2006;41:7–34.

10. Прайд В, Медведев ДА. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания. *Философские науки*. 2008;1:97–116.

11. Bensaude-Vincent B. Technoscience and convergence: a transmutation of values? *Summerschool on ethics of converging technologies. Germany* [Internet]. 2008 [cited 2020 February 29]. Available from: <https://pdfs.semanticscholar.org/0c09/252d52489aeca1808f6c0710acc19e92f44f.pdf>.

## References

1. Lebedev SA. [Reassessment of epistemological]. *Voprosy filosofii*. 2015;6:53–64. Russian.

2. Kissel NK. Post-academical trend in modern philosophy of science. In: *Filosofiya i sotsial'nye nauki v sovremennom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 30-letiyu fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 sentyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Philosophy and social sciences in the modern world. Materials of the international scientific conference on the 30<sup>th</sup> anniversary of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University; 2019 September 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 210–214. Russian.

3. Knyazeva EN. [Epistemological constructivism]. *Filosofiya nauki*. 2006;12:134–152. Russian.

4. Knyazeva EN. [Synergetically constructed world] [Internet]. 2020 [cited 2020 March 1]. Available from: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergeticheski-konstruiromy-mir/>. Russian.

5. Technoscience. In: *Oxford English and Spanish dictionary, thesaurus, and Spanish to English translator* [Internet]. 2020 [cited 2020 March 1]. Available from: <https://www.lexico.com/definition/technoscience>.

6. Hottois G. Technosciences and ethics. *Poznań Studies in the Philosophy of Science and Humanities*. 2004;81:261–265.

7. Yudin BG. [Technoscience, human, society: relevance of humanitarian expertise]. *Vek globalizatsii*. 2008;2:146–154. Russian.

8. Shvyrev VS. [On the correlation of cognitive and projective-constructive functions in classical and modern science]. In: Lektorskii VA, editor. *Poznanie, ponimanie, konstruirovaniye* [Cognition, understanding, construction]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 2007. p. 30–48. Russian.

9. Nordmann A. Collapse of distance: epistemic strategies of science and technoscience. *Danish Yearbook of Philosophy*. 2006;41:7–34.

10. Pride V, Medvedev DA. Phenomenon of NBIC-convergence: reality and expectations. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2008;1:97–116. Russian.

11. Bensaude-Vincent B. Technoscience and convergence: a transmutation of values? *Summerschool on Ethics of Converging Technologies. Germany* [Internet]. 2008 [cited 2020 February 29]. Available from: <https://pdfs.semanticscholar.org/0c09/252d52489aeca1808f6c0710acc19e92f44f.pdf>.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2020.  
Received by editorial board 23.03.2020.

УДК 111.83

## МУДРОСТЬ ЖИЗНИ В АФОРИЗМАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ДРЕВНОСТИ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. В. РУБАНОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются представления о мудрости жизни, которые содержатся в афоризмах мыслителей древности и Нового времени. Показано, что к основным из этих представлений относятся сохранение душевного спокойствия, управление своими желаниями и страстями, а также жизнь согласно следующим принципам: будь счастливым, если хочешь им быть; цени то, что имеешь; измени отношение к жизни, если ею неудовлетворен; цени и люби других людей; воспринимай труд как источник радости и наслаждения; не попадай в зависимость от чувства жадности и стремления к наживе.

**Ключевые слова:** мудрость жизни; мыслители древности; мыслители Нового времени; афоризмы.

## WISDOM OF LIFE IN THE APHORISMS OF THE THINKERS OF ANCIENT AND NEW TIME

A. V. RUBANAU<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezależnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ideas about the wisdom of life contained in the aphorisms of thinkers of antiquity and new time are considered. It is shown that the following are related to the main ones: preservation of peace of mind, mastery of one's desires and passions; life according to the principles: be happy if you want to be; appreciate what you have; change your attitude to life if it is unsatisfying; value and love other people; take labour as a source of joy and pleasure; do not get addicted to feelings of greed and desire for profit.

**Keywords:** wisdom of life; thinkers of antiquity; thinkers of the New time; aphorisms.

---

### Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:37–46.

### For citation:

Rubanau AV. Wisdom of life in the aphorisms of the thinkers of ancient and New time. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:37–46. Russian.

---

### Автор:

**Анатолий Владимирович Рубанов** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

### Author:

**Anatoly V. Rubanau**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.  
[rubanov.bsu@gmail.com](mailto:rubanov.bsu@gmail.com)

Историческая ретроспектива дает веские основания говорить о том, что отношение к жизни двух наиболее ярких поколений мыслителей – древних мудрецов и философов Нового времени – было сродни восприятию ее как самооценности, т. е. прежде всего как ценности самой по себе, которая дарована людям богами, судьбой, природой и т. п.

Уже в Екклесиасте мы встречаем строки: «Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем» (9:7–9) [1, с. 611]. И в продолжение читаем: «Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?» (3:22) [1, с. 608].

Схожие мотивы содержатся в Авесте («Жизнь каждого предназначена для радости и земных удовольствий, а если их нет и есть страх и ложь, то она хуже смерти» [2]) и в наставлениях Лао-цзы («Жизнь коротка, и поэтому не следует терять времени, нужно наслаждаться ею» [3]).

Продолжение такой оценки жизни мы находим у древнегреческих авторов, в частности у Аристотеля («Чувство жизни относится к вещам, которые сами по себе доставляют удовольствие (потому что жизнь... – благо по природе)» [4, с. 261]) и Эпикура («Наслаждение есть и начало, и конец счастливой жизни» [5, с. 434]), который уточняет, что конечная цель блаженной жизни состоит в телесном здоровье и душевной безмятежности [5, с. 434]. А также оговаривается, что «никакое наслаждение само по себе не есть зло; но средства достижения иных наслаждений доставляют куда больше хлопот, чем наслаждений» [5, с. 438].

Наконец, у древнеримских авторов мы встречаем следующие высказывания: «Живи, помня, как коротка жизнь» [6, с. 59]; «Пользуйся нынешним днем, менее всего доверяя грядущему. Лови мгновение!» [7] (Гораций); «Я считаю жизнь единственным благом» [6, с. 48]; «Пока есть возможность, живите весело! Пока мы откладываем жизнь, она проходит» [8] (Сенека); «Уметь наслаждаться прожитой жизнью – значит жить дважды» [6, с. 51] (Марциал).

Путь к правильному пониманию первых истин жизни, ведущих к удовлетворенности ею, древние авторы связывали с овладением мудростью. Согласно Аристотелю, мудрость – это наука, которая исследует причины и первоначала жизни и познает цель, ради которой надлежит действовать и которая есть в каждом отдельном случае то или иное благо [9, с. 67–69].

В Екклесиасте мы читаем: «Превосходство знания в том, что мудрость дает жизнь владеющему ею» (7:12) [1, с. 610]. Такие же мысли мы встречаем во многих других авторитетнейших источниках, например в Авесте («На земле люди могут обрести лучшую жизнь, радость, славу и всякое благо силою разума. И тому, кто хорош характером, нравом и поведением, надо благодарить разум», «Разум дороже всех богатств мира») [2]. В древнегреческом афоризме утверждается: «Бог создал мир и сказал: “Тот, у кого есть разум, да продолжит свой путь”» (Ο θεός έφκίασε τον κόσμο κι είπε: ‘Οπόχει μυαλό ας πορεύεται) [10]. В высказываниях философов античного мира читаем: «Одному только разуму как мудрому попечителю можно верить свою жизнь» [11] (Пифагор); «Величайшее из благ есть разумение... от него произошли все остальные добродетели. Это оно учит, что нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно» [5, с. 435] (Эпикур); «Мудрость – родная мать счастья» [12] (Софокл); «Мудрость сильнее рока» [13] (Вергилий); «Один только разум может обеспечить безмятежный покой» [14] (Сенека) и т. п.

Главное правило мудрой жизни «ничего слишком», которое чаще всего ассоциируется с именем древнегреческого мыслителя Солона, содержится во многих других известных высказываниях, например в древнекитайском афоризме «Всегда знай свой предел» и в позиции «срединного пути», или «пути золотой середины», предполагавшего соразмерность во всех проявлениях жизни, который проповедовал Конфуций. Схожее видим в античных афоризмах: «Главное правило в жизни – ничего сверх меры» (*Adprime in vita esse utile, ut ne quid nimis*); «Золотая середина» (*Aurea mediocritas*); «Всякое излишество вредит» (*Omne nimium nocet*).

Такую жизненную позицию проповедовали многие античные авторы. Вот лишь некоторые их высказывания: «Если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным», «Умеренность умножает радости жизни и делает удовольствие еще большим» [15] (Демокрит); «Тот наиболее богат, кто доволен малым, ибо такое довольство свидетельствует о богатстве натуры», «Наслаждение, роскошь – вот что вы называете счастьем, а я думаю, что ничего не желать – вот блаженство богов, и потому нуждаться лишь в небольшом есть приближение к этому высшему счастью» [16] (Сократ); «Излишество в удовольствиях – это распушенность, и она заслуживает осуждения», «Разумный гонится не за тем, что приятно, а за тем, что избавляет от неприятностей» [17] (Аристотель); «Из этой жизни хорошо уйти, как с пира: не жажда, но и не упившись» [18] (Диоген Синопский); «Мера должна быть во всем» [19] (Гораций); «Всякое излишество есть порок» [20] (Сенека).

Тогда же для обозначения осмысленной удовлетворенности жизнью, сопровождаемой позитивными эмоциями, прежде всего настроением радости,

начало использоваться понятие «счастье». Демокрит полагал, что «счастлив тот, кто при малых средствах пользуется хорошим расположением духа; несчастлив тот, кто при больших средствах не имеет душевного веселья» [15]. По мнению Горация, «счастлив тот, кто вдали от забот своими волами обрабатывает отцовскую землю» [7].

В высказываниях древних авторов мы встречаем прямые советы-указания на другие источники удовлетворенности жизнью, производные от мудрого отношения к ней.

Первыми в ряду этих источников стоят инициатива, действия и жизненная позиция самого человека. В одном из античных афоризмов прямо сказано: «Хочешь быть счастливым – будь им!» (*Si felix esse vis, este!*). «Просыпаясь утром, спроси себя: “Что я должен сделать?”. Вечером, прежде чем заснуть: “Что я сделал?”» [11], – советовал Пифагор. «Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем» [20], – призывал Сенека.

Второе условие жизненного счастья касается сохранения душевного спокойствия, овладения своими желаниями и страстями: «Живи, сохраняя покой. Придет весна, и цветы распустятся сами» [21] (китайская пословица); «Нет греха тяжелее страсти» [3] (Лао-цзы); «Властвует над страстями не тот, кто совсем воздерживается от них, но тот, кто пользуется ими так, как управляют кораблем или конем, то есть направляют их туда, куда нужно и полезно» [22] (Аристотель); «Владей страстями, иначе страсти овладеют тобою» [23] (Эпиктет); «Управляй своим настроением, ибо оно если не повинуется, то повелевает» [24] (Гораций).

Третье условие удовлетворенности жизнью выражено формулой «цени то, что имеешь». В качестве примера приведем древнегреческую поговорку «Что имеем не храним, потерявши – плачем» (Πέθανε να σ'αγαλώ, ζήσε να μη σε θέλω), древнекитайские пословицы «Как знать, будет ли будущее так хорошо, как настоящее» и «Когда есть вино, почаще думай о времени, когда его не будет», а также слова Эпикура: «Не порти впечатление от того, что имеешь, желая того, чего у тебя нет. Помни о том, что когда-то ты лишь только надеялся получить то, чем обладаешь сейчас» [25].

Четвертое условие жизненной удовлетворенности, логически вытекающее из третьего, можно выразить следующим образом: если тебе не нравится твоя текущая жизнь и ты не в состоянии изменить ее, пересмотри свое отношение к ней, действуй, сообразуясь с обстоятельствами, но не попадай в зави-

симость от них. По этому поводу мы встречаем такие высказывания: «Кубок жизни был бы сладок до приторности, если бы не падали в него горькие слезы» [11] (Пифагор); «Если человек имеет возможность рассуждать и может созерцать солнце, луну и звезды и наслаждаться дарами земли и моря – он не одинок и не беспомощен» [26] (Эпиктет); «Пытайся подчинить себе обстоятельства, а не подчиняться им» [27] (Гораций); «Даже в тех случаях, когда нам не до шуток, нас угнетает не неприятность сама по себе, а то, как мы ее воспринимаем» [28] (Сенека); «Ни один человек не счастлив, пока он не считает себя счастливым», «Измени отношение к вещам, которые тебя беспокоят, и ты будешь от них в безопасности» [29] (Марк Аврелий).

Пятое условие счастливой жизни гласит: цени и люби других людей. Прежде всего сошлемся на Конфуция, который писал: «Для народа человеколюбие нужнее, чем огонь и вода. Я видел, как от огня и воды погибали, но не видел, чтобы кто-нибудь погиб от человеколюбия», «Владеть собой настолько, чтоб уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желаем, чтобы с нами поступали, – вот что можно назвать учением о человеколюбии» [30]. В одном из античных афоризмов на этот счет также сказано предельно четко: «Если хочешь любви, люби» (*Si vis amari, ama*). А вот и другие высказывания: «Единственное, чем всякий честный человек должен руководствоваться в своих поступках, – это справедливо или несправедливо то, что он делает, и есть ли это деяние доброго или злого человека» [31] (Сократ); «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное» [32] (Платон); «Приставляя одно доброе дело к другому так плотно, чтобы между ними не оставалось ни малейшего промежутка, – вот что я называю наслаждаться жизнью» [29] (Марк Аврелий).

Шестое условие удовлетворенности жизнью состоит в восприятии труда как источника радости и наслаждения. По этому поводу читаем: «Труд и сам по себе наслаждение (радость)» (*Labor est etiam ipse voluptas*); «Всякий вид работы приятнее, чем покой» [33] (Демокрит); «Праздность и ничегонеделание влекут за собой порочность и нездоровье – напротив того, устремление ума к чему-либо приносит за собой бодрость, вечно направленную к укреплению жизни» [34] (Гиппократ).

В «Трудах и днях» Гесиодом был воссоздан личный образец, прославлявший честный крестьянский труд, обогащение посредством собственного труда и бережливости.

Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее  
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.  
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.  
Если ты трудишься, – скоро богатым, на зависть ленивцам,  
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.

(309–313)

Если богатство великое кто иль насильем добудет,  
Или разбойным своим языком — как бывает нередко  
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти  
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, —  
Боги легко человека такого унижат, разрушат  
Дом, — и лишь краткое время он тешиться будет богатством.

(321–326) [35, с. 49–50]

В последних фразах Гесиода содержится указание на еще одно – седьмое – условие удовлетворенности жизнью: преодоление чувства жадности, стремления к наживе, в целом излишне завышенных притязаний человека, затмевающих собой подлинные радости жизни.

Вот как относились к этим чувствам другие древние мудрецы. В Екклесиасте читаем: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того» (5:9) [1, с. 609]. Авеста гласит: «Тот, кто приобрел богатство через грех и радуется, то эта его радость – хуже несчастья»; «Тот человек сильнее, кто отстраняет от себя пятых демонов: жадность, злобу, трусость, похоть и неудовлетворенность» [2]. Лао-цзы призывает освободиться от «стремления иметь», ибо «отрицание Пути – это: роскошные апартаменты и заросшие сорняками поля, богатая одежда, пресыщение пищей и совершенно пустые хранилища» [36].

Существует ряд античных афоризмов и высказываний на эту тему: «Чем больше люди имеют, тем больше желают иметь» (*Homines quo plura habent, eo cupiunt ampliora*), «Жадность есть источник всего зла» (*Radix malorum est cupiditas*), «Чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам» [31] (Сократ); «Жадность до денег, если она ненасытна, гораздо тягостней нужды, ибо чем больше растут желания, тем большие потребности они порождают» [15] (Демокрит); «Бедность заключается не в уменьшении имущества, а в увеличении ненасытности» [32] (Платон); «Если ты хочешь сделать кого-то богатым, нужно не прибавлять ему денег, а убавлять его желания» [25] (Эпикур); «О, на что только ты не толкаешь алчные души людей, проклятая золота жажда!» [37] (Вергилий); «Деньгами надо управлять, а не служить им», «Не тот беден, кто мало имеет, а тот, кто хочет многого» [20] (Сенека). Еще в Авесте было сформулировано понимание богатства, которое несовместимо с жадностью и наживой: «Богатыми следует считать разумных, здоровых и живущих без страха, довольных своею жизнью людей, имеющих добрую славу, уповающих на единственно чистую, добрую веру, и тех, чье богатство праведное. Не имеющих этих достоинств следует считать бедными» [20]. В целом можно говорить о том, что в древние времена в стремлениях и действиях человека созерцательное начало чаще преобладало над деятельным, стремление к душевному покою – над силой страстей, размышления, исходящие из жизненного опыта, – над знаниями, порождаемыми наукой.

В Новое время ситуация в этом плане существенно изменилась. Однако у знаменитых европейских мыслителей этого периода сохранилось, хотя и приобрело несколько иные оттенки, весьма схожее отношение к жизни, в котором доминировало восприятие ее самооценности, ассоциирующееся со стремлением к счастью, удовлетворением желаний и состоянием радости.

Вот наиболее известные и четкие высказывания, выражающие самооценку человеческой жизни: «В желании выражается сущность человека», «Удовольствие – переход человека от меньшего совершенства к большему», «Счастье – не награда за добродетель, а сама добродетель; не потому мы наслаждаемся счастьем, что обуздали свои страсти, а наоборот, наслаждение счастьем делает нас способными обуздать их» [38] (Б. Спиноза); «Наше счастье вовсе не состоит и не должно состоять в полном удовлетворении, при котором не оставалось бы больше ничего желать, что способствовало бы только отупению нашего ума. Вечное стремление к новым наслаждениям и новым совершенствам – это и есть счастье» [39] (Г. В. Лейбниц); «Склонность к радости и надежде – истинное счастье; склонность к опасению и меланхолии – настоящее несчастье», «Мое высшее счастье, мое полное удовлетворение состоит в том, чтобы читать, гулять, мечтать, думать» [40] (Д. Юм); «Жажда счастья никогда не иссякает в сердце человека» [41] (Ж. Ж. Руссо); «Страсти без конца осуждают, им приписывают все человеческие несчастья и при этом забывают, что они являются также источником всех наших радостей» [42] (Д. Дидро); «Желание есть движущая сила души; душа, лишённая желаний, застаивается. Нужно желать, чтобы действовать, и действовать, чтобы быть счастливым», «Желания – это цветы любви, а наслаждения – ее плоды» [43] (К. Гельвеций); «Где нет стремления к счастью, там нет и стремления вообще. Стремление к счастью – это стремление стремлений», «Там, где прекращается желание, прекращается и человек» [44] (Л. Фейербах).

В то же время у И. Канта, считавшего, что мотивом морального поступка является ориентация на выполнение долга, мы читаем, что «жизнь людей, преданных только наслаждению без рассудка и без нравственности, не имеет никакой цены» [45].

Главный путь к правильному пониманию первоначал жизни, а следовательно, и достижению счастья новоевропейские философы, как и древние мудрецы, связывали с овладением знаниями, которые

позволяют познать и сформировать мудрое отношение к ней. По мнению М. Монтеня, «нет стремления более естественного, чем стремление к знанию» [46]. Ему созвучны мысли Б. Паскаля («Величие человека в его способности мыслить» [47]) и Г. В. Лейбница («Мы тем свободнее, чем больше поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработаны, чем больше поддаемся страстям» [48]). Признание Р. Декартом того, что «люди, которых особенно волнуют страсти, больше всего могут насладиться жизнью», сочетается с его утверждением, что «истинное величие души, дающее человеку право уважать себя, больше всего заключается в осознании того, что нет ничего другого, что ему принадлежало бы по большому праву, чем распоряжение своими собственными желаниями» [49].

Схожие мысли мы встречаем у Дж. Локка: «Основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их». А в качестве аргументации этого тезиса он приводит следующий довод: «Порок не в том, чтобы иметь желания, а в неумении подчинить их правилам разума; дело не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них» [50]. Также у К. Гельвеция находим: «На земле нет ничего более достойного уважения, чем ум», «Наука о человеке – это наука мудрецов» [51]. Как призыв звучит обобщающий вывод И. Канта: «Решись быть мудрым! Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков девиз Просвещения!» [52].

Во многом близки изречениям древних мыслителей сформулированные философами Нового времени правила мудрой жизни. Прежде всего в них воспроизводится принцип «ничего слишком»: «Мудрый человек счастлив, довольствуясь малым, а глупцу всего мало: вот почему все люди несчастны» [53] (Ф. Ларошфуко); «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте – таково правило мудрости. Ни воздержание, ни излишества не дают счастья» [54] (Вольтер); «Человеку свойственно по природе своей соблюдать умеренность не только из-за заботы о своем здоровье в будущем, но также из-за хорошего самочувствия в настоящем» [52] (И. Кант).

Как и их предшественники, европейские мыслители Нового времени отмечали особое значение в достижении удовлетворенности проживаемой жизнью активной деятельной позиции, усилий самого человека: «Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали», «Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее» [46] (М. Монтень); «Счастье и несчастье человека в такой же степени зависит от его нрава, как и от судьбы» [53] (Ф. Ларошфуко); «Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук» [50] (Дж. Локк); «Единственное искусство быть счастливым – созна-

вать, что счастье в твоих руках» [41] (Ж. Ж. Руссо); «Свою судьбу нужно выбирать свободно и так же переносить и осуществлять» [55] (Г. Гегель).

Повторяется и принцип жизненной удовлетворенности, который выражен формулой «цени то, что имеешь». Особенно часто мы встречаем упоминание об этом у Б. Паскаля: «Мы никогда не живем настоящим, все только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано», «Мы никогда не живем, но только надеемся жить, и так как мы постоянно надеемся быть счастливыми, то отсюда неизбежно следует, что мы никогда не бываем счастливы», «Человек чувствует, как тщетны доступные ему удовольствия, но не понимает, как суетны чаемые; в этом причина людского непостоянства» [56].

Это же можно сказать по поводу особой роли восприятия человеком своей жизни и особенностей отношения к ней: «Хороши или плохи события жизни, во многом зависит от того, как мы их воспринимаем», «Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать», «Самым лучшим доказательством мудрости является непрерывное хорошее расположение духа» [57] (М. Монтень); «Если вы хотите, чтобы жизнь улыбалась вам, подарите ей сначала свое хорошее настроение», «Как только вы вообразите, что не в состоянии выполнить определенное дело, с этого момента его осуществление становится для вас невозможным» [58] (Б. Спиноза); «Мудрому не свойственно тратить силы сверх надобности» [48] (Г. В. Лейбниц); «Всегда наслаждаться – значит вовсе не наслаждаться» [54] (Вольтер); «Искусство усиливать наслаждение заключается в умении быть скупым на него» [41] (Ж. Ж. Руссо); «Кто сам считает себя несчастным, тот становится несчастным» [43] (К. Гельвеций).

Воспроизводится и пятое условие удовлетворенности жизнью: цени и люби других. Причем особо выделяется феномен дружбы: «Дружба удваивает радости и сокращает наполовину горести» [59] (Ф. Бэкон); «Людам полезнее всего делать то, что способствует укреплению дружбы» [58] (Б. Спиноза); «Любить – это находить в счастье другого свое собственное счастье», «Я совершенно согласен с Мальбраншем и Цицероном, когда они говорят, что человек рожден не для себя, но для других» [48] (Г. В. Лейбниц); «Все почести этого мира не стоят одного хорошего друга» [54] (Вольтер); «Величайшее удовольствие, какое только может чувствовать честный человек, – это доставлять удовольствие своим друзьям» [60] (Вольтер); «Разве вам не известно, что настоящее блаженство заключается в том, что все люди нуждаются друг в друге и что вы ожидаете помощи от себе подобных точно так же, как они ждут ее от вас?», «Самый счастливый человек тот, кто дарит счастье наибольшему числу людей» [61] (Д. Дидро); «Делать счастливыми других – вот самый верный способ стать счастливым в этом мире; быть добродетельным – значит забо-

титься о счастье себе подобных» [62] (П. Гольбах). А с именем И. Канта связано происхождение двух важнейших нравственных максим: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству», «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [63].

Следующее исходящее от древних авторов условие удовлетворенности жизнью, которое состоит в восприятии труда как источника радости и наслаждения, также нашло отражение в афоризмах мыслителей Нового времени, особенно у Вольтера и Ж. Ж. Руссо. Вот высказывания Вольтера: «Жить – значит работать. Труд есть жизнь человека», «Труд часто является отцом удовольствия» [54]; «Работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду» [64]. Близки им по смыслу афоризмы Ж. Ж. Руссо: «Трудись для того, чтоб наслаждаться», «Воздержанность и труд – вот два истинных врача человека: труд обостряет его аппетит, а воздержанность мешает злоупотреблять им» [65]. По мнению К. Гельвеция, «если человек с ранних лет усвоил привычку к труду, труд ему приятен. Если же у него этой привычки нет, то лень делает труд ненавистным» [51].

Наконец, в истории мысли того времени осталось немало высказываний, сдерживавших и осуждавших ненасытное стремление к богатству и роскоши. Например, Ф. Бэкон полагал: «Богатство не может быть достойной целью человеческого существования» [59]; «Хорошо, когда оно служит нам, и очень плохо – когда повелевает нами» [66]. Ж. Ж. Руссо считал: «Деньги, которыми обладаешь, – орудие свободы; те, за которыми гонишься, – орудие рабства», «Роскошь развращает всех: и богача, который ею пользуется, и бедняка, который алчет ее», «Распущенность нравов – неизбежное следствие роскоши – в свою очередь ведет к испорченности вкуса» [65]. К. Гельвеций советовал: «Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только умерь свою жадность» [51]. И своего рода итогом звучат слова И. Канта: «Дайте человеку все, чего он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это все не есть все» [67].

В целом можно говорить о том, то в древние времена в стремлениях и действиях людей созерцательное начало чаще преобладало над деятель-

ным, стремление к душевному покою – над силой страстей, а размышления, исходящие из жизненного опыта, – над знаниями, порождаемыми наукой. В эпоху Нового времени люди стали гораздо более деятельными, желания и накал страстей неизмеримо возросли, обращение к научным знаниям стало доминировать над использованием опыта практической жизни. Но первоосновы жизненной мудрости, сформулированные древними, прежде всего античными авторами, остались прежними. Так, отношение к жизни древних мудрецов было сродни восприятию ее как самоценности, дарованной людям богами, судьбой, природой и т. п. У знаменитых мыслителей Нового времени это отношение сохранилось, хотя и приобрело несколько иные оттенки. В нем начала доминировать ассоциация со стремлением к счастью, удовлетворением желаний и состоянием радости. Кратко это отношение в обоих случаях можно выразить словами: «Цени жизнь и радуйся жизни!»

Путь к такой правильной жизни мыслители разных исторических периодов связывали с разумом, а точнее, с овладением мудростью – наукой, которая, согласно Аристотелю, исследует причины и первоначала жизни и познает цель, ради которой надлежит действовать. Главное правило мудрого отношения к жизни «ничего слишком» чаще всего ассоциируется с аналогичным высказыванием Солона и «путем золотой середины» Конфуция.

Это правило сочетается с другими аксиомами, указывающими пути достижения жизненной удовлетворенности, которые являются производными от мудрого отношения к своему бытию:

- живи по правилу: «Хочешь быть счастливым – будь им!»;
- сохраняй душевное спокойствие, управляй желаниями и страстями;
- цени то, что имеешь;
- если не нравится твоя текущая жизнь и ты не в состоянии ее изменить, пересмотри свое отношение к ней;
- цени и люби других;
- воспринимай труд как источник радости и наслаждения;
- не попадай в зависимость от чувства жадности и стремления к наживе (согласно Авесте, богатыми следует считать разумных, здоровых и живущих без страха, довольных своею жизнью людей, имеющих добрую славу).

### Библиографические ссылки

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Москва: Российское библейское общество; 2002. 1337 с.
2. Цитаты из книги Авесты [Интернет]. 2020 [процитировано 4 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.wisdoms.one/drev/d7.html>.
3. Лао-Цзы, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 4 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/lao-tszy>.

4. Аристотель. Никомахова этика. В: Аристотель. *Сочинения. Том 4.* Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 629 с.
5. Диоген Лаэртский. *О жизни и изречениях знаменитых философов. Книга X. Эпикур.* Москва: Мысль; 1979 [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/diogenl/txt10.htm>.
6. Казаченок ТГ, Громыко ИН. *Античные афоризмы.* Минск: Вышэйшая школа; 1987. 318 с.
7. Гораций [Интернет]. 2020 [процитировано 4 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9/8>.
8. Луций Анней Сенека, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 4 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/lutsii-annei-seneka>.
9. Аристотель. Метафизика. В: Аристотель. *Сочинения. Том 1.* Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. с. 63–367.
10. Пословицы и поговорки: греческие [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://proposlovi-ci.ru/publ/grechskie/25>.
11. Пифагор. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%84%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80>.
12. Софокл, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 6 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/sofokl/155646>.
13. Вергилий – цитаты и афоризмы [Интернет]. 2020 [процитировано 6 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://millionstatusov.ru/aut/vergili.html>.
14. Сенека Луций Анней – цитаты и афоризмы [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://millionstatusov.ru/aut/seneka.html>.
15. Афоризмы и цитаты Демокрита [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.su/aforizmu-i-citaty-demokrita>.
16. Афоризмы. Сократ [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.orator.ru/sokrat.html>.
17. Афоризмы и цитаты Аристотеля [Интернет]. 2020 [процитировано 8 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.su/aforizmu-i-citaty-aristotelya>.
18. Изречения и афоризмы Диогена [Интернет]. 2020 [процитировано 8 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.su/izrecheniya-i-aforizmu-diogena>.
19. Мера – цитаты и афоризмы [Интернет]. 2020 [процитировано 6 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.su/mera-citaty-i-aforizmu>.
20. Высказывания, афоризмы и цитаты Сенеки [Интернет]. 2020 [процитировано 6 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_seneka.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka.html).
21. Китайские пословицы. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5\\_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B).
22. Высказывания, афоризмы и цитаты Аристотеля [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_aristotel.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel.html).
23. Эпиктет [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/%D1%8D%D0%BF%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%82>.
24. Квинт Гораций Флакк, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/kvint-goratsii-flakk>.
25. Эпикур, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/epikur>.
26. Эпиктет [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/quote/207527>.
27. Высказывания, афоризмы и цитаты Квинта Горация Флакка [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_kvint\\_goraciy\\_2.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_kvint_goraciy_2.html).
28. Луций Анней Сенека [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/172410>.
29. Марк Аврелий, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/mark-avrelii/43217>.
30. Афоризмы, цитаты, высказывания, изречения [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://moudrost.ru/avtor/confucius1.html>.
31. Сократ, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/sokrat/160248>.
32. Платон [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/170038>.
33. Демокрит, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/demokrit/48324>.
34. Гиппократ, цитаты [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/gipprokrat/44361>.
35. Песниод. *Работы и дни. Земледельческая поэма.* Москва: Недра; 1927. 88 с.
36. Любомудрость.рф [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://xn--90agtfjcnjif8ho.xn--p1ai/avtor/84lao-tzu2.html>.
37. Вергилий [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/189008>.
38. Бенедикт Спиноза. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%82\\_%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D0%B0](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%82_%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D0%B0).
39. Готфрид Вильгельм Лейбниц [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/gotfrid-vilgelm-leibnits/126960>.
40. Дэвид Юм [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/devid-ium/128858>.

41. Мир афоризмов! Мудрые мысли, цитаты, притчи. Руссо Жан-Жак [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://aphoristic-world.ru/index.php/authors/1251-russo-zhan-zhak>.
42. Дени Дидро [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/quote/416203>.
43. Клод Адриан Гельвеций – афоризмы [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://tululu.org/aforizmy/author/146>.
44. Людвиг Фейербах [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/man/lyudvig-feierbah>.
45. Иммануил Кант [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/quote/303094>.
46. Мишель де Монтень. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D0%B5%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C>.
47. Высказывания, афоризмы и цитаты Блеза Паскаля [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_blez\\_paskal\\_2.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_blez_paskal_2.html).
48. Цитаты и афоризмы Лейбница [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.su/citaty-i-aforizmy-lejbnica>.
49. Рене Декарт [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/man/rene-dekart>.
50. Высказывания, афоризмы и цитаты Джона Локка [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_djon\\_lokk.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_djon_lokk.html).
51. Высказывания, афоризмы и цитаты Клода А. Гельвеция [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_klod\\_gelveciy.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_klod_gelveciy.html).
52. Высказывания, афоризмы и цитаты Иммануила Канта [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_immanuel\\_kant.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuel_kant.html).
53. Франсуа де Ларошфуко. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%9B%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%84%D1%83%D0%BA%D0%BE>.
54. Вольтер [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/volter/36998>.
55. Высказывания, афоризмы и цитаты Георга В. Ф. Гегеля [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_georg\\_gegel.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_georg_gegel.html).
56. Блез Паскаль [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/blez-paskal/20987>.
57. Афоризмы. Мишель де Монтень [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.orator.ru/monten.html>.
58. Афоризмы. Бенедикт (Барух) Спиноза [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.orator.ru/spinoza.html>.
59. Фрэнсис Бэкон [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/frensis-bekon/13979>.
60. Афоризмы. Вольтер Франсуа Мари Аруэ [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.orator.ru/volter.html>.
61. Дени Дидро [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://socratify.net/quotes/deni-didro/33586>.
62. Поль Анри Гольбах. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%90%D0%BD%D1%80%D0%B8%D0%93%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B0%D1%85>.
63. Иммануил Кант [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/163584>.
64. Вольтер. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80>.
65. Афоризмы Жан-Жака Руссо [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.] Доступно по: <http://www.orator.ru/russo.html>.
66. Фрэнсис Бэкон [Интернет]. 2020 [процитировано 7 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/quote/509106>.
67. Кант И. Материал из Викицитатника [Интернет]. 2020 [процитировано 5 мая 2020 г.]. Доступно по: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B8%D0%BB\\_%D0%9A%D0%B0%D0%B%D1%82](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B8%D0%BB_%D0%9A%D0%B0%D0%B%D1%82).

## References

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo; 2002. 1337 p. Russian.
2. Quotes from the book Avesta [Internet]. 2020 [cited 2020 May 4]. Available from: <http://www.wisdoms.one/drev/d7.html>. Russian.
3. Lao Tzy, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 4]. Available from: <https://socratify.net/quotes/lao-tszy>. Russian.
4. Aristotle. [Nicomachean ethics]. In: Aristotle. *Sochineniya. Tom 4* [Essays. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. p. 53–293. Russian.
5. Diogenes Laertes. *O zhizni i izrecheniyakh znamenitykh filosofov. Kniga X. Epikur* [About the lives and sayings of famous philosophers. Book X. Epicurus]. Moscow: Mysl'; 1979. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/diogenl/txt10.htm>. Russian.
6. Kazachenok TG, Gromyko IN. *Antichnye aforizmy* [Ancient aphorisms]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 1987. 318 p. Russian.
7. Horace (155 quotes) [Internet]. 2020 [cited 2020 May 4]. Available from: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/160393>. Russian.
8. Lucius Annaeus Seneca, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 4]. Available from: <https://socratify.net/quotes/lutsii-annei-seneka>. Russian.

9. Aristotle [Metaphysics]. In: Aristotle. *Sochineniya. Tom 1* [Essays. Volume 1]. Asmus VF, editor. Moscow: Mysl'; 1976. p. 63–367. Russian.
10. Proverbs and sayings: Greek [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://proposlovici.ru/publ/grechskie/25>. Russian.
11. Pythagoras. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://ru.wikiquote.org/wik/%D0%9F%D0%B8%D1%84%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80>. Russian.
12. Sophocles, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 6]. Available from: <https://socratify.net/quotes/sofokl/155646>.
13. Virgil – quotes and aphorisms [Internet]. 2020 [cited 2020 May 6]. Available from: <https://millionstatusov.ru/aut/vergilii.html>.
14. Seneca Lucius Annaeus-quotes and aphorisms [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://millionstatusov.ru/aut/seneka.html>.
15. Aphorisms and quotations of Democritus [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-demokrita>.
16. Aphorisms. Socrates [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://www.orator.ru/sokrat.html>.
17. Aphorisms and quotations of Aristotle [Internet]. 2020 [cited 2020 May 8]. Available from: <https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-aristotelya>.
18. Sayings and aphorisms of Diogenes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 8]. Available from: <https://citaty.su/izrecheniya-i-aforizmy-diogena>.
19. Measure – quotes and aphorisms [Internet]. 2020 [cited 2020 May 6]. Available from: <https://citaty.su/mera-citaty-i-aforizmy>.
20. Seneca's sayings, aphorisms, and quotations [Internet]. 2020 [cited 2020 May 6]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_seneka.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka.html).
21. Chinese proverbs. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5\\_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B).
22. Aristotle's sayings, aphorisms, and quotations [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_aristotel.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel.html).
23. Epictetus (117 quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://tsitaty.com/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8D%D0%BF%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%82>.
24. Quintus Horace Flaccus, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/kvintgoratsii-flakk>.
25. Epicurus, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/epikur>.
26. Epictetus [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://citaty.info/quote/207527>.
27. Sayings, aphorisms, and quotations by Quintus Horatius Flaccus [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_kvint\\_goraciy\\_2.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_kvint_goraciy_2.html).
28. Lucius Annaeus Seneca (450 quotes) [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0/172410>.
29. Marcus Aurelius, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/markavrelii/43217>.
30. Aphorisms, quotes, and sayings [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://moudrost.ru/avtor/confucius1.html>.
31. Socrates, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/sokrat/160248>.
32. Plato [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/170038>.
33. Democritus, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/demokrit/48324>.
34. Hippocrates, quotes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/gippokrat/44361>.
35. Gesiod. *Raboty i dni. Zemledel'cheskaya poema* [Jobs and days. Agricultural poem]. Moskva: Nedra; 1927. 88 p.
36. Lyubomudrost'.rf [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://xn--90agtfjcnjif8ho.xn--p1ai/avtor/84lao-tzu2.html>.
37. Virgil [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/189008>.
38. Benedict Spinoza. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%82\\_%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D0%B0](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%82_%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D0%B0).
39. Gottfried Wilhelm Leibniz [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://socratify.net/quotes/gotfrid-vilgelm-leibnits/126960>.
40. David Hume [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://socratify.net/quotes/devid-ium/128858>.
41. The world of aphorisms! Wise thoughts, quotes, parables. Rousseau Jean-Jacques [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <http://aphoristic-world.ru/index.php/authors/1251-russo-zhan-zhak>.
42. Denis Diderot [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.info/quote/416203>.
43. Claude Adrian Helvetius – aphorisms [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <http://tululu.org/aforizmy/author/146>.
44. Ludwig Feuerbach [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.info/man/lyudvig-feierbah>.
45. Immanuel Kant [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.info/quote/303094>.
46. Michel de Montaigne. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB%D1%8C\\_%D0%B4%D0%B5\\_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%B4%D0%B5_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C).
47. Sayings, aphorisms, and quotes by Blaise Pascal [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_blez\\_paskal\\_2.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_blez_paskal_2.html).
48. Quotes and aphorisms of Leibniz [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.su/citaty-i-aforizmy-lejbnica>.

49. Rene Descartes [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.info/man/rene-dekart>.
50. Sayings, aphorisms, and quotes by John Locke [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_djon\\_lokk.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_djon_lokk.html).
51. Sayings, aphorisms and quotes by Claude A. Helvetius [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_klod\\_gelveciy.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_klod_gelveciy.html).
52. Sayings, aphorisms, and quotes by Immanuel Kant [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_immanuil\\_kant.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuil_kant.html).
53. Francois de La Rochefoucauld. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%9B%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%84%D1%83%D0%BA%D0%BE>.
54. Voltaire [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/volter/36998>.
55. Sayings, aphorisms, and quotations by Georg V. F. Hegel [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: [http://www.wisdoms.one/aforizmi\\_georg\\_gegel.html](http://www.wisdoms.one/aforizmi_georg_gegel.html).
56. Blaise Pascal [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <https://socratify.net/quotes/blez-paskal/20987>.
57. Aphorisms. Michel de Montaigne [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://www.orator.ru/monten.html>.
58. Aphorisms. Benedict (Baruch) Spinoza [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://www.orator.ru/spinoza.html>.
59. Francis Bacon [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://socratify.net/quotes/frensis-bekon/13979>.
60. Aphorisms. Voltaire Francois Marie Arouet [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <http://www.orator.ru/volter.html>.
61. Denis Diderot [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://socratify.net/quotes/deni-didro/33586>.
62. Paul Henri Holbach. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%90%D0%BD%D1%80%D0%B8%D0%93%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B0%D1%85>.
63. Immanuel Kant [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://tsitaty.com/%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0/163584>.
64. Voltaire. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80>.
65. Aphorisms Of Jean-Jacques Rousseau [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: Доступно по: <http://www.orator.ru/russo.html>.
66. Francis Bacon [Internet]. 2020 [cited 2020 May 7]. Available from: <https://citaty.info/quote/509106>.
67. Kant I. Material from Wikiquote [Internet]. 2020 [cited 2020 May 5]. Available from: [https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B8%D0%BB\\_%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B8%D0%BB_%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82). Russian.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2020.  
Received by editorial board 10.05.2020.*

УДК 1(091):2+28

## НЕИСЛАМСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН

Я. А. КОРШУНОВА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются неисламские элементы в системе религиозных представлений белорусских татар-мусульман. Показаны особенности возникновения и становления данной этнокультурной группы на белорусских территориях и охарактеризованы ее конститутивные признаки. Выявляются факторы, повлиявшие на формирование системы религиозных взглядов белорусских татар-мусульман, раскрываются ее основные составляющие, которые представлены разными конкретно-историческими традициями как монотеистического, так и немонотеистического типов. Анализируется смысловое содержание и причины устойчивости неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман. На примере некоторых фрагментов текстов знахарского характера, которые обнаруживаются в корпусе славяноязычных арабографических рукописей, показаны значение и особенности функционирования до- и неисламских элементов.

**Ключевые слова:** ислам; неисламские представления; белорусские татары; религиозные представления; арабографические рукописи.

---

### Образец цитирования:

Коршунова ЯА. Неисламские элементы в системе религиозных представлений белорусских татар-мусульман. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:47–52.

### For citation:

Korshunova YA. Non-Islamic elements in the system of religious beliefs of the Belarusian tatar-muslim. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:47–52. Russian.

---

### Автор:

**Янина Александровна Коршунова** – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. Г. Карасева.

### Author:

**Yanina A. Korshunova**, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.  
[janina-korschunova@yandex.by](mailto:janina-korschunova@yandex.by)

## NON-ISLAMIC ELEMENTS IN THE SYSTEM OF RELIGIOUS BELIEFS OF THE BELARUSIAN TATAR-MUSLIM

Y. A. KORSHUNOVA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses non-Islamic elements in the system of religious beliefs of the ethnocultural group of Belarusian muslim tatars. The features of the emergence and formation of this ethnocultural community in the Belarusian territories are shown, its constitutive features are characterized. The factors that influence the formation of the system of religious beliefs of Belarusian muslim tatars are revealed, its main components are revealed, which are represented by different concrete historical traditions of both monotheistic and non-monotheistic types. The semantic content and reasons for the stability of non-Islamic elements in the religious beliefs of Belarusian muslim tatars are analysed. The meaning and features of the functioning of pre- and non-Islamic elements are shown on the example of some fragments of texts of a healer character, which are found in the corpus of slavic arabic manuscripts.

**Keywords:** Islam; non-Islamic beliefs; Belarusian tatars; religious beliefs; religious worldview; arabographic manuscripts.

### Введение

Более шести веков назад на территорию ВКЛ пришли представители разных тюркских племен, которые в процессе адаптации к новым условиям проживания прошли через определенные преобразования: утратили родные языки, изменили исконный уклад жизни и культурные обычаи, при этом сохранили этническое происхождение и религию. Таким образом, примерно в XV–XVI вв. возникла этнокультурная общность белорусских татар-мусульман. Их религиозные представления формировались в ситуации сосуществования как ислама, так и до- и неисламских, а также профанных (в значительной степени нерелигиозных) верований и, как наиболее значимые смыслы их жизни, фиксировались в рукописном наследии.

В условиях мировоззренчески открытого и поликонфессионального общества актуальным является исследование взаимодействия ислама и элементов неисламского происхождения. В настоящее время в процессе изучения опыта белорусских татар можно выявить новые идейные линии диалога культур и религий, поскольку, несмотря на многовековую лояльную и мирную историю интеграции татар-мусульман в славянско-христианскую среду, отношение современных белорусов к исламу остается настороженным из-за его неоднозначного мирового имиджа.

Неисламские включения в религиозные представления белорусских татар анализируются на основе исследований группы рукописей со знахарскими текстами, так как они наиболее рельефно демонстрируют особенности функционирования неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар. Тема знахарства в рукописном наследии татар ВКЛ привлекла внимание ученых (преимущественно этнографов) еще в первой половине XX в. Ее разрабатывали Дж. Александрович (Насыфи), М. Александрович, Я. Шинкевич,

С. Кричинский [1, с. 275], позже – И. Радишевская и И. Сынькова и др. [1–4]. Также в настоящей статье использованы данные и результаты предшествующих исследований по истории и культуре белорусских татар. Их изучением занимались представители различных социогуманитарных дисциплин (истории, филологии, культурологии, социологии): А. Дрозд, И. Канапацкий, М. Ленсу, М. Мамаразаков, Я. Станкевич, П. Сутер, И. Сынькова, Я. Тышкевич [1; 3–10]. Вместе с тем до настоящего времени неисламские элементы в религиозных представлениях белорусских татар не были изучены целостно с позиции философии.

Объектом исследования в данной статье выступают религиозные представления белорусских татар. Предметом – неисламские элементы в данных представлениях. Цель статьи – определить причины сохранения неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар и выявить их смыслы на основе арабографических рукописей с фрагментами знахарского содержания. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать систему религиозных представлений белорусских татар;
- 2) определить историко-культурные условия появления и сохранения неисламских представлений в их рукописных текстах;
- 3) описать особенности и содержание текстов знахарского характера в корпусе арабографических рукописей белорусских татар.

Белорусские татары-мусульмане – этнокультурная группа, которая сформировалась из разных представителей тюркских племен, постепенно оседавших на территории Беларуси. Впервые о появлении татар на территории ВКЛ упоминается в 1397 г., когда князь Витовт привел их с собой в качестве союзников из похода на Крым [10, с. 13]. Однако и до и по-

сле этого на территории ВКЛ оказывались тюрки из Поволжья, Крыма, Ногайской и Кипчакской степей и др. Находясь на чужой территории и окунувшись в иную этнокультурную среду, татары группировались прежде всего по признакам этнического происхождения и религиозной принадлежности. В связи с этим их общность тяготела к более или менее компактной локализации в среде славянского населения. Оседавшие в ВКЛ татары говорили на разных тюркских языках и диалектах, что затрудняло коммуникацию не только с местным населением, но и между собой. По этой причине они практически сразу приняли язык местного населения – в основном белорусский (в некоторые периоды – польский и русский). Переход на язык местного населения, наряду с толерантной внутренней политикой ВКЛ и комфортными условиями проживания, способствовал адаптации татар [11, с. 93–94]. Со временем их уклад жизни и культурные обычаи изменялись, однако этническое происхождение и религия (ислам) оставались прежними. В результате сформировалась этнокультурная (собственно, этнорелигиозная) общность, характеристики которой позволяют определить ее как самобытную группу белорусских татар-мусульман. Трансформацию этноса белорус-

ских татар можно проследить по комплексу конститутивных признаков: территория, происхождение, язык, уклад жизни, самобытная культура (см. таблицу).

Под давлением процесса интеграции в принимающую культуру татары переняли обычаи населения ВКЛ, однако это усвоение произошло преимущественно на бытовом уровне – смыслозадающей основой их жизни остался ислам. Этот синтез возможен в силу однотипности религиозных систем, формирующих культуры. Для татар и балтославян такими системами были монотеистические, трансцендентно ориентированные ислам и христианство (мировоззренческие доминанты) и отчасти иудаизм, а также остаточные элементы архаичных поли- и нетеистических, обобщенно называемых языческими, имманентно ориентированных представлений тюркских и балтославянских народов. На основании факторов, определяющих социально-культурную и историческую локализацию общности белорусских татар-мусульман, а также структуру их религиозных представлений, можно предположить, что предмет данной статьи размещается на пересечении типов религиозных мировоззрений (см. таблицу).

**Трансформация конститутивных признаков этнокультурной группы белорусских татар**  
**Transformation of constitutive features of the ethnocultural group of Belarusian tatars**

Признаки этноса			Изменения признаков	
			Исходное состояние	В результате адаптации
Территория			Поволжье, Крым, Ногайская степь, Кипчакская степь и др.	Территория ВКЛ
Происхождение			Тюркское	Тюркское
Язык			Тюркские диалекты	Белорусский
Самобытная культура	Уклад жизни: • экономика; • социально-политическая культура; • повседневные практики		Военное дело, кочевое животноводство; тюркские обычаи	Военное дело, земледелие, кожевничество; славяно-балтские обычаи
	Мировоззрение	домонотеистического типа локального происхождения	Тюркские доисламские верования	Балтославянские дохристианские верования
		монотеистического типа универсального распространения	Ислам	Ислам. Факторы местного влияния: • христианство (католицизм, православие, протестантизм); • иудаизм
Нерелигиозное		Моральные нормы Аксиомы жизненного опыта Бытовые представления		

Учение ислама зафиксировано в священном тексте – Коране. Им же закреплена совокупность религиозных и нравственных норм, предписаний и запретов – шариат, направленный на регулирование различных жизненных ситуаций и поступков людей с точки зрения религии. Изначально сохранение традиции ислама белорусскими татарами происходило через устную передачу предписаний Корана, проповеди и соблюдение норм шариата. Передача предписаний Корана в письменной форме была затруднена, поскольку в процессе адаптации к новым условиям жизни знатоки текста утрачивали знание арабского языка (священный язык ислама). Религиозные специалисты еще помнили арабский алфавит и уже знали белорусский язык, поэтому для перевода Корана был создан вариант белорусско-арабского алфавита [8, с. 51]. Также началось формирование обширного корпуса арабографических славяноязычных рукописей (текстов), дополняющих Коран, что связано со следующим обстоятельством. Первичный текст, в котором фиксируется религиозная традиция, является священным для последователей и с момента канонизации должен храниться без искажений. Однако традиция (как любое временное явление) претерпевает изменения, вместе с этим устаревают понимание и применение текста [12]. Для того чтобы текст мог быть актуальным, его необходимо переосмыслить и переформировать толкования и комментарии. В этой традиции можно выделить по крайней мере два уровня: специальный (сакральный) и повседневный (профанный/обыденный). Первый создается религиозными специалистами, второй – мирянами. Специалисты занимаются толкованием и комментированием принципиальных положений, тогда как миряне применяют канонические предписания священных текстов, толкований, комментариев для решения повседневных проблем.

Арабографические рукописи белорусских татар условно можно разделить на три группы:

- канонические рукописи, чистота которых тщательно сохраняется, – Коран и Сунна;
- толкования и комментарии, подготовленные специалистами, называются тефсирами и таджвидами. Тефсиры – рукописи, включающие текст Корана на арабском языке с подстрочным польско-белорусским переводом и комментариями, не имеющими непосредственного отношения к тексту Корана [9, с. 145]. Таджвиды – тексты, содержащие правила чтения Корана и произношения арабских звуков;
- тексты для практического применения – китабы, полукитабы и хамаилы. Китабы – это религиозные книги, в которых есть описания обрядов и ритуалов, рассказы о деяниях пророка Мухаммеда, назидательные поучения, восточные сказки, исторические предания, повести и легенды [6, с. 12]. Полукитабы имеют практически то же содержание, но отличаются гораздо меньшим объемом. Хамаи-

лы – это небольшие книги, своего рода справочники, вмещающие информацию по широкому кругу вопросов [13, с. 152]. В некоторых из них находятся знахарские тексты, где говорится о попытке соединения положений ислама и элементов неисламских верований.

Ислам представляет собой строгий монотеизм, из-за чего его сосуществование с доисламскими политеистическими представлениями парадоксально. Однако данная ситуация естественна для продолжателей религий такого типа. В монотеистических религиях верующий вверяет Богу свою судьбу, ориентируется на вечность, следуя Творцу, и находит в этом блаженство. Однако культурная инерция, наряду с повседневными нуждами человека как существа, принадлежащего наличному миру, становятся причиной обращения к практикам немонотеистического, магического характера. Это в целом является причиной дуализма в представлениях последователей монотеизма, в частности соединения ислама и доисламских верований в религиозных представлениях белорусских татар. Некоторые исследователи указывают, что для татар ВКЛ мир виделся пространством, населенным множеством злых и добрых духов, контакт с которыми можно устанавливать и поддерживать посредством магических практик. Такие верования иногда считают пережитками шаманизма, и упоминания реликтовых шаманских представлений татар ВКЛ в литературе достаточно часты, однако не обоснованы фундаментальными исследованиями [3, с. 186]. Также сохранение и функционирование доисламских верований в религиозных представлениях татар были возможны потому, что этнические и государственные образования, из которых вышли тюрки, официально приняли ислам только к середине или даже к концу XIV в.

Наиболее ярко сочетание ислама и неисламских элементов выражено в хамаилах белорусских татар. Выделяют три группы хамаилов:

- моллинские, предназначенные для мулл и содержащие молитвы и описания обрядов;
- фалдейские, предназначенные для знахарей и гадателей;
- универсальные [5, с. 13–14].

В последних размещаются молитвы, знахарские рецепты и заговоры, астрологические календари и гороскопы, лечебные тексты – то, что необходимо для повседневного использования. Такие сборники хранились и велись в каждой семье, белорусские татары вносили в них необходимую в самых разных ситуациях информацию: повседневные молитвы, лечение болезней, толкование снов и т. д. Сведения, которые записывались в хамаилы, татары получали из разных источников: от родственников, соседей, из собственного опыта. По этой причине хамаилы содержат разноплановые записи, которые не всегда связаны между собой. Общим для них является

наличие стихов (аятов) из Корана и молитв (дуа) на арабском или тюркском языках, поскольку главным вспомогательным средством в решении проблем для мусульманина является Коран, слова которого обладают святостью [3, с. 183]. В силу встроенности белорусских татар в среду славянско-христианского населения в хамаилы попадали лечебные тексты-заговоры, включающие фрагменты балтославянских дохристианских представлений.

В рукописях татар тексты лечебной направленности почти всегда расположены рядом с другими магическими текстами общего назначения. Это связано с тем, что в сознании белорусских татар болезни и другие неблагоприятные ситуации имеют одну причину – воздействие злых сил [3, с. 186]. Большинство знахарских и лечебных текстов направлено против источника человеческих бед – шайтана (дьявола в мусульманской мифологии) [3, с. 184]. Другая темная сила – ферея – злой дух, который вредит человеку. Данный персонаж встречается в иранской и тюркской мифологии, у него есть аналоги в польском, белорусском и литовском фольклоре. В таком же ключе в текстах упоминается мара – мифический персонаж из старославянской мифологии, связанный со смертью [3, с. 185]. Упоминание в текстах татар мары, наряду с шайтаном и фереями, свидетельствует не только о влиянии славянского окружения на формирование их картины мира, но и указывает на сохранение дохристианских представлений в этом окружении.

Белорусские татары интерпретировали образ ферея в контексте ислама и представляли его в своих текстах как отрицательную силу, противодействовать которой можно посредством молитвы. В одном из знахарских текстов (в так называемом фале Сулеймана (белорусские татары фалами называли гадательные тексты)) рассказано о 12 планетах, каждая из которых покровительствует конкретному человеку и ферею, который может нанести вред только тому, кому покровительствует та же планета

[2, с. 240]. В начале текста описывается процесс создания первых людей, говорится о том, что судьба всей человеческой расы записана на планетах и звездах, причем планеты называются знаками зодиака. В 12 ключевых пунктах фала представлены названия планет и звезд, характеристика каждого ферея, указаны болезни, вызванные по его вине, и описаны действия, ведущие к исцелению [2, с. 250]. Текст предоставляет важную информацию, которая может помочь излечить больного и защитить здорового человека от злых духов и напастей. В фале даются соответствующие молитвенные формулы, которые после произнесения нужно сжечь, погрузить в воду, закопать и т. д. Подобные лечебные процедуры были известны также и в славянском мире [2, с. 244]. В них сочетаются обращение к Богу через молитву и нехарактерные для ислама или христианства сопутствующие практики, направленные на ускорение результата этого послания.

По мере интеграции в славяно-христианскую среду татарами-мусульманами были восприняты не только некоторые местные, балтославянские, дохристианские верования, но и единичные периферийные элементы двух других связанных с исламом монотеистических религий – христианства и иудаизма. Так, в заговорах на белорусском или польском языках упоминаются Иисус Христос (Иешуа, Иса), Дева Мария, Иоанн Креститель (Новый Завет), а также Давид, Илья-пророк (Старой Завет). Примечательно, что в некоторых текстах Деву Марию называют Святой Марией, Чистой Девой. Кроме того, к ней обращаются, как и к Богу, с просьбой о помиловании, что довольно далеко от канонов ислама [4, с. 252]. Также имеет место заимствование принципиально новых для татар элементов христианских традиций и обрядов, что фиксировалось в письменных источниках. При этом некоторые практики переняты почти полностью, а другие представляют собой соединение христианской традиции с татаро-мусульманской [7, с. 12].

## Заключение

Система религиозных представлений белорусских татар-мусульман характеризуется сочетанием ислама с неисламскими элементами, относящимися к разным конкретно-историческим традициям (тюркские доисламские и балтославянские дохристианские верования, христианство, иудаизм). Такое соединение обнаруживается в текстах знахарского

характера, которые содержатся в некоторых арабско-графических рукописях. Восприятие неисламских религиозных представлений от местного населения обусловлено не только общностью территории, языка и бытовых условий, но и тем, что само исламское учение признает значимость других авраамических монотеистических религий – иудаизма и христианства.

## Библиографические ссылки

1. Сынкова І. Знахарскія тэксты ў рукапісах татараў ВКЛ. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze* = *Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре* = *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 281–299.

2. Radziszewska I. Praktyki magiczne w chamailach Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie tzw. Fału Sulejmana). W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze* =

*Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре* = *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 235–256.

3. Сынкова І. Знахарскія тэксты ў кантэксце традыцыйнай культуры беларускіх татараў. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2017;24(2):177–193.

4. Сынкова І. Хрысціянскія матывы ў знахарскіх замовах беларускіх мусульман. W: Lewickiej M, Łapicz Cz, redaktorzy. *Dialog chrześcijańsko-muzułmański: Klucz do wspólnej przyszłości. Tomek 2*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. s. 249–257.

5. Drozd A, Dziekan MM, Majda T. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tomek 3*. Warszawa: Res Publica Multiethnica; 2000. 84 s.

6. Канапацкі ІБ. Татары ў Беларусі. Іх рэлігія. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1996;2:8–13.

7. Ленсу МЯ, Мамаразаков МС. Эволюция мусульманского культа у белорусских татар (социологический анализ). У: Александрович І, рэдактар. *Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы. Матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 26–27 сакавіка 1993 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: БДПУ; 1993. с. 219–226.

8. Станкевіч Я. *Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом*. Вільня: Друкарня Я. Левіна; 1933. 274 с.

9. Сутер П. Литовско-татарские тefsиры как объект интерференциального исследования. In: Bairašauskaitė T, Kobeckaitė H, redaktorai. *Kipciaku tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrimų perspektyva*. Vilnius: Danielius; 1994. p. 145–152.

10. Tyszkiewicz J. *Z historii Tatarów polskich, 1794–1944*. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku; 2002. 219 s.

11. Коршунова ЯА. Культурный контекст и идейные истоки формирования религиозных представлений татар-мусульман Беларуси. *Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия. Паліталогія. Сацыялогія*. 2019;2:92–100.

12. Семенов ВС. Проблема трансляции культуры на примере судьбы Бхагавадгиты. В: Брагинский ВИ, Челышев ЕП, редакторы. *Художественные традиции литератур Востока и современность: ранние формы традиционализма*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1985. с. 38–72.

13. Цітавец АІ. Беларускія кнігазборы татарскіх рукапісных кніг. В: Березкина НЮ, редактор. *Информационное обеспечение науки Беларуси: от рукописей к электронным информационным ресурсам*. Минск: Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; 2006. с. 147–156.

## References

1. Synkova I. [Magical texts in the manuscripts of the Grand Duchy of Lithuania Tatars]. In: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 275–289. Belarusian.

2. Radziszewska I. Praktyki magiczne w chamałach Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie tzw. Fału Sulejmana). In: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 235–256.

3. Synkova I. [The healing texts in the context of the traditional culture of the belarusian tatars]. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2017;24(2):177–193. Belarusian.

4. Synkova I. [The Christian motives in the incantations of the belarusian muslims]. W: Lewickiej M, Łapicz Cz, redaktorzy. *Dialog chrześcijańsko-muzułmański: Klucz do wspólnej przyszłości. Tomek 2*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. s. 249–257. Belarusian.

5. Drozd A, Dziekan MM, Majda T. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tomek 3*. Warszawa: Res Publica Multiethnica; 2000. 84 s.

6. Konopatsky IB. [Tatars in Belarus. Their religion]. *Belaruski gistorychny chasopis*. 1996;2:8–13. Belarusian.

7. Lensu MYa, Mamarazakov MS. [The evolution of the Muslim cult of the Belarusian Tatars (sociological analysis)]. In: Alexandrovich I, editor. *Tatary-musul'mane na zemljah Belarusi, Litvy i Pol'shchy. Materyjaly I Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 26–27 sakavika 1993 g.; Minsk, Belarus'* [Muslim tatars in Belarus, Lithuania and Poland. Proceedings of the 1<sup>st</sup> International scientific and practical conference; 1993 March 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 1993. p. 219–226. Belarusian.

8. Stankevich Ja. *Belaruskija musul'mane i belaruskaja literatura arabskim pis'mom* [Belarusian muslims and Belarusian literature in Arabic script]. Vilnius: Drukarnja Ja. Levina; 1933. 274 p. Belarusian.

9. Suter P. [Lithuanian-Tatar tefsirs as an object of interference research]. In: Bairašauskaitė T, Kobeckaitė H, redaktorai. *Kipciaku tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrimų perspektyva*. Vilnius: Danielius; 1994. p. 145–152. Russian.

10. Tyszkiewicz J. *Z historii Tatarów polskich, 1794–1944*. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku; 2002. 219 s.

11. Korshunova YA. The cultural context and ideological origins of the formation of religious ideas of the Tatars-muslims of Belarus. *Vesnik of Brest University. Series 1. Philology. Politology. Sociology*. 2019;2:92–100. Russian.

12. Sementsov BC. [The problem of broadcasting culture on the example of the fate of the Bhagavadgita]. In: Braginskii VI, Chelyshev EP, editors. *Khudozhestvennye traditsii literatur Vostoka i sovremennost': rannie formy traditsionalizma* [Artistic traditions of the literatures of the East and modernity: early forms of traditionalism]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka»; 1985. p. 38–72. Russian.

13. Tsitavets AI. [Belarusian book collections of tatar manuscript books]. In: Berezkina NYu, editor. *Informatsionnoe obezpechenie nauki Belarusi: ot rukopisei k elektronnyim informatsionnym* [Information support of science in Belarus: from manuscripts to electronic information resources]. Minsk: Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus; 2006. p. 147–156. Belarusian.

УДК 316.48

## ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОЙ ФЛЕКСИБИЛЬНОСТИ И ТИПОВ РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Ю. С. СМЕРНОВА<sup>1)</sup>, А. Е. ДОВГИЛОВИЧ<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

<sup>2)</sup>Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Поднимается проблема когнитивной детерминации конфликтного поведения. Анализируется когнитивная гибкость как элемент когнитивной составляющей конфликтной компетентности личности, связанной с использованием оптимальных стратегий поведения в конфликте. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи когнитивной гибкости и типов реагирования старших школьников и студентов на конфликт. Показано, что высокие показатели когнитивной гибкости сопряжены со склонностью учащихся отдавать предпочтение оптимальному типу реагирования на конфликт, нацеленному на разрешение противоречия. Низкий уровень когнитивной гибкости коррелирует с выбором старшими школьниками и студентами неоптимальных типов реагирования на конфликт: агрессии и ухода.

**Ключевые слова:** конфликт; конфликтное поведение; тип реагирования на конфликт; когнитивная гибкость; старшие школьники; студенты.

---

### Образец цитирования:

Смирнова ЮС, Довгилович АЕ. Взаимосвязь когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт старших школьников и студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:53–59.

### For citation:

Smirnova YS, Dovgilovich AE. The relationship of cognitive flexibility and conflict response type of senior school and university students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:53–59. Russian.

---

### Авторы:

**Юлия Сергеевна Смирнова** – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

**Алесь Евгеньевич Довгилович** – независимый исследователь.

### Authors:

**Yuliya S. Smirnova**, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences. [smiry@bsu.by](mailto:smiry@bsu.by)

**Ales E. Dovgilovich**, independent researcher. [ales.dovgilovich98@gmail.com](mailto:ales.dovgilovich98@gmail.com)

## THE RELATIONSHIP OF COGNITIVE FLEXIBILITY AND CONFLICT RESPONSE TYPE OF SENIOR SCHOOL AND UNIVERSITY STUDENTS

Y. S. SMIRNOVA<sup>a</sup>, A. E. DOVGILOVICH<sup>b</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

<sup>b</sup>Independent researcher, Minsk, Belarus

Corresponding author: Y. S. Smirnova (smiry@bsu.by)

The problem of cognitive determination of conflict behaviour is analysed in the article. Cognitive flexibility is considered as an element of the cognitive component of conflict competence contributing to the using optimal conflict behaviour strategies. The results of the empirical study of the relationship between cognitive flexibility and conflict response type of senior school and university students are presented in the article. The high level of cognitive flexibility are associated with students' tendency to choose the optimal type of conflict response – conflict solution. The low level of cognitive flexibility is associated with the choice of non-optimal types of response in the conflict – aggression and avoiding.

**Keywords:** conflict; conflict behaviour; type of conflict response; cognitive flexibility; senior school students; university students.

Конфликтное взаимодействие представляет собой актуальную область социально-психологических исследований [1]. В большинстве своем они направлены на поиск факторов, детерминирующих характер поведения участников конфликта. Взаимосвязь этих факторов (социальные и индивидуальные, личностные и ситуативные, когнитивные, эмоциональные, мотивационные и др.) с различными стратегиями поведения субъекта в конфликте является предметом анализа. Во многом такой подход к изучению конфликтов обусловлен спецификой социально-психологического понимания его природы, с позиций которого конфликт выступает как «интегральный феномен, связывающий воедино интрапсихические процессы (переживания, эмоции, восприятие, отношение и т. д.) с интерпсихическими (взаимоотношения, коммуникация и т. д.) в ситуации актуального взаимодействия социальных субъектов в форме противодействия, противоборства» [1, с. 359]. Соглашаясь с таким пониманием социально-психологического конфликта, мы обратились к анализу когнитивных процессов (интрапсихическая составляющая) во взаимосвязи с интерпсихическими процессами (интерпсихическая составляющая) в условиях конфликта.

Когнитивная активность субъекта конфликта обеспечивает восприятие и интерпретацию конфликтной ситуации, формирование образов себя и оппонента в данных условиях и реализуется за счет таких социально-познавательных процессов, как категоризация, прототипизация, схематизация, эвристизация, стереотипизация, атрибутирование и др., которые уже неоднократно выступали предметом нашего анализа [2; 3]. О роли когнитивных факторов в детерминации конфликтного поведения

говорили многие авторы<sup>1</sup>[4]. Серьезный вклад в разработку данной проблематики внесла Н. В. Гришина, подчеркивая решающее значение «определения ситуации» в возникновении конфликта и переходе к конфликтному взаимодействию [4]. М. М. Главатских установлены общие (сила, активность и оценка) и уникальные (опасность, обида, общительность, решительность, доброта) категории восприятия, формирующие образ конфликтной ситуации, причем последние сопряжены с использованием субъекта различных стратегий конфликтного поведения<sup>2</sup>. Далее мы еще обратимся к анализу когнитивных факторов конфликтного поведения как интрапсихической составляющей, а сейчас перейдем к интерпсихическим процессам.

Интерактивная сторона конфликта включает действия и реакции субъектов на действия друг друга и реализуется посредством различных стратегий и тактик конфликтного взаимодействия. Наибольшую популярность в анализе конфликтного поведения приобрела так называемая модель «двойной интерес», предлагающая дифференцировать способы реагирования в конфликте в зависимости от того, насколько субъект ориентирован на удовлетворение своих интересов и учитывает интересы оппонента. Так, общеизвестной является типология К. Томаса, согласно которой существует пять основных стратегий поведения в конфликте: уход, уступчивость, доминирование, сотрудничество и компромисс [4, с. 218]. Н. В. Гришина, анализируя способы реагирования человека на возникающие противоречия, описывает базовые модели: уход, борьбу и диалог [4]. М. М. Кашапов также рассматривает три варианта поведения в конфликте: уход, агрессию и оптимальное разрешение [5; 6]. При-

<sup>1</sup>Главатских М. М. Взаимосвязь образа конфликтной ситуации с поведением в конфликте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 24 с.

<sup>2</sup>Там же.

чем автор исходит из идеи о том, что в процессе жизнедеятельности на основе индивидуально-психологических особенностей у человека формируется ведущий тип реагирования, который является «относительно устойчивой характерологической особенностью личности, в значительной степени определяющей способ ее взаимодействия в конфликтной ситуации» [5, с. 50].

Выбор оптимального типа реагирования на конфликт выступает в качестве индикатора высокого уровня конфликтной компетентности личности, под которой понимают способность субъекта благоприятным образом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликта и уметь их конструктивно разрешать [5; 6]. Анализируя структуру конфликтной компетентности, М. В. Башкин рассматривает наряду с мотивационным и регулятивным компонентами когнитивный [6, с. 145]. Именно он отвечает за анализ субъектом конфликтной ситуации, оценку и контроль своего поведения в ней, обеспечивая поиск нестандартных решений. Когнитивный компонент является ведущей структурной характеристикой конфликтной компетентности старшеклассников, в структуре которой доминирует креативный элемент. Выбор студентами конструктивного решения в конфликте также осуществляется с помощью творческого восприятия ими конфликтной ситуации, способности проявлять гибкость мышления и поведения [5, с. 57–58]. Таким образом, отказ от стандартных, шаблонных оценок, интерпретаций, вариантов реагирования и поиск новых, оригинальных стратегий являются основой конструктивного разрешения конфликта.

В свете сказанного прогностическую ценность приобретает категория когнитивной гибкости, под которой понимают «ментальную способность, характеризующую умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности» [7, с. 134]. Ее разработку в русскоязычной психологии осуществляли российские исследователи С. С. Кургинян и Е. Ю. Осаволук [7; 8]. На наш взгляд, когнитивную гибкость можно рассматривать в структуре когнитивного компонента конфликтной компетентности личности.

В целях определения характера взаимосвязи показателей когнитивной гибкости и стратегий поведения в конфликте было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие старшеклассники и студенты. С одной стороны, образовательная среда является сферой, где межличностные конфликты распространены и могут быть сопряжены с целым рядом нежелательных последствий, включая ухудшение социально-психологического климата в учебной группе, физического и психического состояния участников, снижение эффективности учебного процесса и успе-

ваемости и т. д. С другой стороны, учебная группа выступает в качестве микромоделей социума, в которой учащиеся имеют возможность сформировать и расширить репертуар конструктивных способов урегулирования конфликта. Причем если на более ранних этапах обучения ответственность за разрешение школьных противоречий несут преимущественно взрослые (педагоги, родители, психологи и др.), то в старших классах и в высшей школе такая обязанность (ответственность) все в большей степени переходит на самих учащихся, которые готовятся к самостоятельной жизни. Очень важно, чтобы в этот период старшеклассники и студенты получили богатый позитивный опыт конструктивного разрешения конфликтов, который заложит основу успешного их преодоления в будущем. Обеспечение такого положительного опыта и развитие конфликтной компетентности составляют зону ответственности учреждений образования и их сотрудников, а это требует знания психологических факторов, детерминирующих конфликтное поведение учащихся. С учетом сказанного в качестве предмета исследования выступила взаимосвязь когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт старшеклассников и студентов.

Для сбора данных использовались методика диагностики ведущего типа реагирования Кашапова и Киселевой [6], опросник когнитивной гибкости Денниса и Вандер Вала в русскоязычной адаптации С. С. Кургиняна и Е. Ю. Осаволук [8]. Первая методика включает три шкалы: «агрессия», «уход» и «разрешение», – соответствующие основным типам реагирования на конфликт. Опросник когнитивной гибкости позволяет измерить интегральный показатель когнитивной гибкости и такие ее составляющие, как способность к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию (шкала «альтернативы») и восприятие этой ситуации как контролируемой (шкала «контроль»). Стоит обратить внимание, что авторы русскоязычной версии методики проводили ее адаптацию на выборке студентов в возрасте от 17 до 25 лет [8, с. 117]. В нашем случае мы вышли за рамки такого ограничения, включив в состав выборки учащихся старших классов. Эмпирическую базу исследования составили 62 студента (28 юношей и 34 девушки; 38 человек – студенты гуманитарного профиля обучения, 24 – естественно-научного) и 61 учащийся старших классов (29 юношей и 32 девушки; 21 школьник углубленно изучает гуманитарные предметы, 40 – естественно-научные). Для статистической обработки данных применялся коэффициент корреляции Спирмена, *U*-критерий Манна – Уитни. Были получены следующие результаты.

Для начала охарактеризуем показатели когнитивной гибкости и стратегий поведения в конфликте учащихся старших классов и студентов. Интегральный показатель когнитивной гибкости

бильности (106,28), показатели по шкалам «альтернативы» (65,15) и «контроль» (41,07) имеют средний уровень выраженности. Статистически значимых различий в показателях когнитивной гибкости обнаружено не было. Показатели по шкалам «агрессия» (14,41), «уход» (16,93) и «разрешение» (26,97) также свидетельствуют о среднем уровне выраженности этих типов реагирования. Статистически значимых различий в уровне выраженности типа реагирования «разрешение» у учащихся старших классов и студентов выявлено не было. Типы реагирования «агрессия» и «уход» более выражены у студентов ( $p \leq 0,006$ ). Данные показатели также сравнивались у учащихся разных полов. Вопреки ожиданиям статистически значимых различий в показателях когнитивной гибкости юношей и девушек найдено не было, причем ни у студентов, ни у учащихся старших классов. Эти результаты расходятся с данными авторов адаптации методики, которые обратили внимание на то, что у мужчин эти показатели выше, нежели у женщин [9].

Что касается типов реагирования на конфликт, то различия по полу были обнаружены в показателях по шкале «уход» ( $p = 0,034$ ): у девушек предрасположенность уклоняться от взаимодействия в конфликте выражена в большей степени. Имеющиеся данные также позволили сравнить показатели у учащихся гуманитарного и естественно-научного профилей обучения. Интегральный показатель когнитивной гибкости и показатель по шкале «контроль» выше у учащихся естественно-научного профиля обучения ( $p \leq 0,039$ ). Различий в зависимости от профиля обучения по шкале «альтернативы» обнаружено не было. Что касается типов реагирования на конфликт, то различия между гуманитариями и «естественниками» были найдены в показателях по шкалам «агрессия» и «уход» ( $p = 0,002$ ): у учащихся гуманитарного профиля эти варианты поведения в конфликтной ситуации более выражены, чем у учащихся естественно-научного профиля.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице.

**Взаимосвязь показателей когнитивной гибкости и типов реагирования учащихся на конфликт**

**The correlation of cognitive flexibility and types of students' response in conflict**

Когнитивная гибкость	Ведущий тип реагирования на конфликт		
	Агрессия	Уход	Разрешение
Интегральный показатель	$r = -0,280; p = 0,002$	$r = -0,364; p < 0,001$	$r = 0,401; p < 0,001$
Шкала «альтернативы»	$r = -0,218; p = 0,015$	$r = -0,112; p = 0,218$	$r = 0,455; p < 0,001$
Шкала «контроль»	$r = -0,256; p = 0,004$	$r = -0,523; p < 0,001$	$r = 0,211; p = 0,019$

Чем выше общий уровень когнитивной гибкости и способности к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и восприятие ее как контролируемой, тем в меньшей степени учащимся свойственен агрессивный тип реагирования на конфликт и в большей мере оптимальный, и наоборот. Склонность к уходу тем сильнее выражена, чем ниже общий уровень когнитивной гибкости и восприятие проблемной ситуации как контролируемой, и наоборот. Таким образом, высокие показатели когнитивной гибкости сопряжены с выбором конструктивной стратегии, направленной на разрешение конфликта, а низкие – с выбором агрессивного способа реагирования на конфликт или уклонением от его решения.

Рассмотрим структуру корреляционных связей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт у студентов и старших школьников. Если в отношении типов реагирования «уход» и «разрешение» обнаруживается сходство структуры их корреляций с показателями когнитивной гибкости студентов и учащихся старших

классов, то в отношении агрессивного типа реагирования данные взаимосвязи не идентичны. У студентов склонность к агрессивному реагированию в конфликте сопряжена с восприятием ситуации как неконтролируемой ( $r = -0,297; p = 0,019$ ), у учащихся старших классов – с низкой способностью к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию ( $r = -0,256; p = 0,047$ ). Также обращает на себя внимание гораздо большая сила связи оптимального типа реагирования на конфликт с показателем по шкале «альтернативы» у студентов в сравнении со старшими школьниками ( $r = 0,599$  при  $p < 0,001$  и  $r = 0,298$  при  $p = 0,020$  соответственно). Такие различия в структуре взаимосвязей показателей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт могут быть связаны с особенностями образовательной среды в средней и высшей школе, в частности с большей дифференцированностью форм обучения студентов и их самостоятельностью. Полученные результаты согласуются с материалами других исследований. Как отмечают М. М. Кашапов и М. В. Башкин, в связи с изменениями социаль-

ных условий при переходе от старшего школьного возраста к студенческой жизни происходит качественная перестройка структуры конфликтной компетентности, расширяются ее функциональные возможности, что обеспечивает большую гибкость поведения студентов в конфликте по сравнению со старшими школьниками [5, с. 62–63].

Интерес представляет также анализ структуры корреляционных связей девушек (рис. 1) и юношей (рис. 2). Сходство полученных структур заключается в наличии статистически значимой положительной корреляции между способностью юношей и девушек к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и склонностью выбирать оптимальный тип реагирования на конфликт, а также в наличии статистически значимой отрицательной корреляции между восприятием ситуации как контролируемой и уходом как типом реагирования на кон-

фликт. При этом следует заметить, что сила этих связей неодинакова: первая у юношей сильнее, чем у девушек ( $r = 0,645$  при  $p < 0,001$  и  $r = 0,248$  при  $p = 0,045$  соответственно), вторая сильнее у девушек, чем у юношей ( $r = -0,614$  при  $p < 0,001$  и  $r = -0,373$  при  $p = 0,004$  соответственно). Различия также состоят в том, что у юношей агрессивный тип реагирования на конфликт не имеет статистически значимых корреляций с составляющими когнитивной гибкости (см. рис. 2), а у девушек обнаружены статистически значимые отрицательные корреляции с показателями и по шкале «альтернативы» ( $r = -0,277$ ;  $p = 0,024$ ), и по шкале «контроль» ( $r = -0,326$ ;  $p = 0,008$ ) (см. рис. 1). У юношей оптимальный тип реагирования положительно коррелирует не только с альтернативным взглядом на ситуацию, как у девушек, но и с ее восприятием как контролируемой ( $r = 0,398$ ;  $p = 0,002$ ).

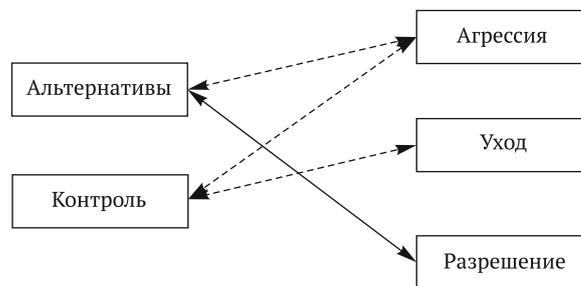


Рис. 1. Структура корреляционных связей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт у девушек:  
 ↔ положительная корреляция; ↔ отрицательная корреляция  
 Fig. 1. The structure of correlations between cognitive flexibility and types of girls' response in conflict:  
 ↔ positive correlation; ↔ negative correlation

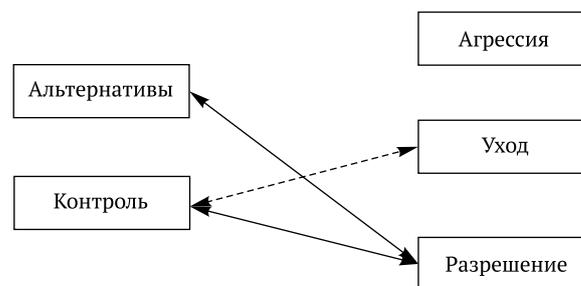


Рис. 2. Структура корреляционных связей когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт у юношей:  
 ↔ положительная корреляция; ↔ отрицательная корреляция  
 Fig. 2. The structure of correlations between cognitive flexibility and types of boys' response in conflict:  
 ↔ positive correlation; ↔ negative correlation

Можно предположить, что девушкам свойственно использование в конфликте стратегии разрешения вне зависимости от их когнитивной гибкости и способности преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменение условий, у юношей же предрасположенность к оптимальному реагированию на конфликт предполагает наличие достаточ-

но высокого уровня когнитивной гибкости. Выбор агрессивного типа реагирования, напротив, выражен у юношей в некоторой степени без учета их когнитивной гибкости, девушки же склонны выбирать такую стратегию при низкой способности к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию и восприятию ее как контролируемой.

Полученные результаты в целом согласуются с выводами других исследователей, указывающих на наличие гендерных различий в конфликтном поведении и приписывающих склонность к проявлению агрессии и использование когнитивных стратегий совладания в конфликте в большей степени мужчинам, нежели женщинам [9].

Интересным является ракурс анализа полученных данных с учетом профиля получаемого образования. В общем, по выборке структура корреляционных связей когнитивной флексибельности и типов реагирования на конфликт у гуманитариев и «естественников» схожа. Различия обнаруживают себя, если учесть не только профиль обучения, но и степень получаемого образования. И у учащихся старших классов, и у студентов независимо от профиля обучения восприятие ситуации как неконтролируемой сопряжено с предрасположенностью к уходу от решения конфликта. У студентов (без учета профиля обучения) способность к альтернативному взгляду на проблемную ситуацию положительно коррелирует с оптимальным типом реагирования на конфликт. При этом у учащихся старших классов, углубленно изучающих гуманитарные предметы, присутствует статистически значимая отрицательная корреляция показателей по шкалам «альтернативы» и «агрессия» ( $r = -0,452$ ;  $p = 0,040$ ), не обнаруженная у старшеклассников-«естественников». У студентов-«естественников» восприятие ситуации как контролируемой статистически отрицательно коррелирует со склонностью к агрессивному типу реагирования на конфликт ( $r = -0,566$ ;  $p = 0,004$ ), у студентов-гуманитариев данная корреляция не обнаружена. Установленные различия могут быть связаны с тем, что анализ социальных процессов, разнообразия их проявления и интерпретаций оказывается чаще в фокусе внимания у гуманитариев, нежели у «естественников». Это и определяет различный вклад когнитивной гибкости в анализ учащимися разного профиля актуальных ситуаций социального взаимодействия, включая конфликты. В свете сказанного прогностически ценной в объяснении профильных различий в структуре корреляций показателей когнитивной флексибельности

и типов реагирования на конфликт представляется категория образовательной субкультуры, принадлежность к которой оказывает влияние на формирование общекультурного и профессионального мировоззрения субъекта и актуализацию последнего в повседневной жизни<sup>3</sup>. При этом следует заметить, что апелляция к категории образовательных субкультур в данном случае требует проведения дополнительного исследования, поскольку формальная принадлежность к профильному классу или факультету еще не является достаточным основанием для отнесения учащегося к соответствующей образовательной субкультуре; необходимо учитывать степень включенности в нее субъекта, интернализацию соответствующих установок, ценностей и норм, а в нашем исследовании эти показатели не фигурировали.

Таким образом, высокий уровень когнитивной флексибельности, способность к выработке альтернативных объяснений происходящего и восприятию ситуации как контролируемой связаны с выбором студентами и учащимися старших классов оптимального типа реагирования на конфликт, направленного на разрешение противоречия. Напротив, низкие показатели когнитивной флексибельности сочетаются с предпочтением неконструктивной стратегии ухода или деструктивной стратегии агрессии. Полученные результаты позволяют рассматривать когнитивную флексибельность как элемент в структуре конфликтной компетентности, высокий уровень которой лежит в основе гибкости поведения субъекта в условиях конфликта и обеспечивает его конструктивный исход. Существуют различия в структуре взаимосвязей компонентов когнитивной флексибельности и типов реагирования на конфликт юношей и девушек, а также учащихся гуманитарного и естественно-научного профилей обучения. Следует также подчеркнуть, что некоторые изменения в структуре данных взаимосвязей происходят при переходе от старшего школьного возраста к студенческому. Последнее может быть связано с изменением социальных условий, вызывающим перестройку структуры конфликтной компетентности и расширение ее функциональных возможностей.

### Библиографические ссылки

1. Журавлев АЛ, Вахин АА. Социально-психологические аспекты исследования конфликта. В: Степанов ЕИ, редактор. *Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов*. Москва: Ленанд; 2015. с. 357–372.
2. Смирнова ЮС. Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов. *Философия и социальные науки*. 2016;3:105–109.
3. Смирнова ЮС. Прототипический подход к анализу категории «конфликт». *Молодой ученый*. 2011;8:95–98.
4. Гришина НВ. *Психология конфликта*. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 464 с.
5. Кашапов ММ, Башкин МВ. *Психология конфликтной компетентности*. Ярославль: ЯрГУ; 2010. 128 с.
6. Кашапов ММ, редактор. *Метакогнитивные основы конфликтной компетентности*. Ярославль: ЯрГУ; 2012. 428 с.

<sup>3</sup>Фофанова Г. А. Структурные и содержательные особенности диалогической самости студентов гуманитарной и естественно-научной образовательных субкультур : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Минск, 2017. 28 с.

7. Осаволук ЕЮ, Кургинян СС. Когнитивная флексибельность личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.

8. Кургинян СС, Осаволук ЕЮ. Опросник когнитивной флексибельности: структура русскоязычной версии (CFI-R), надежность и валидность опросника. *Психологический журнал*. 2018;39(2):105–119. DOI: 10.7868/S0205959-218020101.

9. Хачатурова МП. Сравнительно-психологический анализ выбора стратегии совладания с конфликтами. В: Леонов НИ, редактор. *Социальный мир человека. Выпуск 4. Материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций»; 28–30 июня 2012 г.; Ижевск, Россия*. Ижевск: ERGO; 2012. с. 56–60.

## References

1. Zhuravlev AL, Vahin AA. [Socio-psychological aspects of the conflict research]. In: Stepanov EI, editor. *Sovremennaya konfliktologiya v kontekste kul'tury mira. Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov* [Modern conflictology in the context of a culture of peace. Proceedings of the I International congress of conflictology]. Moscow: Lenand; 2015. p. 357–372. Russian.

2. Smirnova YS. Attributions in interpersonal conflicts. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016;3:105–109. Russian.

3. Smirnova YS. The prototypical approach to the analysis of the category «conflict». *Molodoi uchenyi*. 2011;8:95–98. Russian.

4. Grishina NV. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Saint Petersburg: Piter; 2000. 464 p. Russian.

5. Kashapov MM, Bashkin MV. *Psikhologiya konfliktnoi kompetentnosti* [Psychology of conflict competence]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2010. 128 p. Russian.

6. Kashapov MM, editor. *Metakognitivnye osnovy konfliktnoi kompetentnosti* [Metacognitive foundations of conflict competence]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2012. 428 p. Russian.

7. Osavolyuk EYu, Kurginyan SS. Person's cognitive flexibility: theory, measurement, and practice. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144. Russian.

8. Kurginyan SS, Osavolyuk EYu. The cognitive flexibility inventory (CFI): adaptation for Russian-speaking sampling. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018;39(2):105–119. DOI: 10.7868/S0205959218020101. Russian.

9. Hachaturova MP. [Comparative psychological analysis of the choice of coping strategies in conflicts]. In: Leonov NI, editor. *Sotsial'nyi mir cheloveka. Выпуск 4. Материалы IV Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций»; 28–30 июня 2012 г.; Ижевск, Россия* [The social world of man. Issue 4. Materials of the IV international conference «Man and the world: psychology of conflict and the risk of innovation»; 2012 June 28–30; Izhevsk, Russia]. Izhevsk: ERGO; 2012. p. 56–60. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.06.2020.  
Received by editorial board 14.06.2020.

## ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ

Г. А. ФОФАНОВА<sup>1)</sup>, А. А. СОРОКИНА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Подчеркивается, что сотрудники являются одним из ценных активов организации. Отмечается, что психологические, а не деловые характеристики персонала играют порой ключевую роль в успешности внедрения организационных изменений. Раскрывается толерантность к неопределенности – личностное свойство, означающее стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и отдавать предпочтение более сложным задачам, иметь возможность самостоятельно выйти за рамки принятых ограничений. Данный параметр определенным образом связан с особенностями оценки организационной ситуации, норм и правил распределения благ, управленческих решений – организационной справедливости. Представлены результаты эмпирического исследования соотношения толерантности к неопределенности сотрудников и организационной справедливости.

**Ключевые слова:** организационная справедливость; процедурная справедливость; справедливость взаимодействия; дистрибутивная справедливость; толерантность к неопределенности сотрудников; сотрудники; руководители организации; холдинг; Беларусь.

## ORGANIZATIONAL JUSTICE AND TOLERANCE TO UNCERTAINTY OF EMPLOYEES

G. A. FOFANOVA<sup>a</sup>, A. A. SOROKINA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: G. A. Fofanova (gfofanova@gmail.com)

Employees are one of the organization's valuable assets. Psychological rather than business characteristics of personnel sometimes play a key role in the success of implementing organizational changes. One of these characteristics is tolerance for uncertainty – a personal quality, which means a desire for change, novelty and originality, a willingness to go the wrong way and prefer more complex tasks, have the ability to be independent and go beyond the accepted limits. At the same time, this parameter is in a certain way connected with the features of assessing the organizational situation, norms and rules of distribution of benefits, managerial decisions organizational justice. The results of an empirical study of the relationship between tolerance and uncertainty of employees and organizational justice are presented in this article.

**Keywords:** organizational justice; procedural justice; interaction justice; distributive justice; employee uncertainty tolerance; employees; organization leaders; holding company; Belarus.

### Образец цитирования:

Фофанова ГА, Сорокина АА. Организационная справедливость и толерантность к неопределенности сотрудников. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;3:60–65.

### For citation:

Fofanova GA, Sorokina AA. Organizational justice and tolerance to uncertainty of employees. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;3:60–65. Russian.

### Авторы:

**Галина Александровна Фофанова** – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

**Анастасия Анатольевна Сорокина** – магистрант кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.

### Authors:

**Galina A. Fofanova**, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

*gfofanova@gmail.com*

**Anastasia A. Sorokina**, master's degree student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

*evilovastasya@gmail.com*

## Введение

Организации занимают важное место в жизни любого сообщества. Эффективность их работы во многом определяется способом принятия организационных решений. Одним из основных параметров оценки организационного взаимодействия является справедливость. В типичных для организации формализованных отношениях, участники которых обладают различным статусом и ставят перед собой разные цели, соблюдение определенных требований дает возможность разрешать возникающие конфликты и сохранять позитивное общение. По мнению ряда исследователей (В. Ф. Спиридонов, С. С. Баранская, О. А. Гулевич), одним из психологических феноменов, позволяющих личности успешно функционировать во внутриорганизационных отношениях, является именно организационная справедливость.

История изучения феномена организационной справедливости насчитывает не один десяток лет. На протяжении такого длительного времени создавались концепции и теории (разработаны в рамках социального обмена и групповых ценностей), основанные на идеях распределения ресурсов и благ между лицами и положившие начало теории дистрибутивной справедливости (Дж. Адамс, Дж. Хоманс); проводились исследования, связанные с характеристиками взаимодействия и общения между людьми – справедливости взаимодействия (Р. Фольгер, Дж. Тибо и Л. Уокер). Согласно определению С. С. Баранской организационная справедливость – это психологическая оценка сотрудником честности во внутриорганизационных отношениях. Выделяют три вида организационной справедливости: процедурную, межличностную и дистрибутивную (распределение справедливости). Так, *процедурная справедливость* связана с официальной политикой, решениями и методами, посредством которых регулируется процесс распределения достигнутых результатов. Она включает в себя такие нормы, как контроль за процессом и результатом, единообразие, возможность апелляции, нейтрализация предубеждений, точность и полнота информации, на основе которой было принято решение, а также соответствие взаимодействия этическим нормам. *Межличностная справедливость* – та форма справедливости, которая поддерживается со стороны руководства и распространяется среди рабочего персонала. Здесь рассматриваются связи между отдельными лицами в организации, в том числе взаимодействие администрации с работниками. *Дистрибутивная справедливость* имеет жизненно важное значение как для всего общества в целом, так и для каждой организации в частности,

она касается распределения ресурсов: справедливым считается вознаграждение, которое соответствует вкладу сотрудника в общее дело и полученному результату [1; 2].

Обращение к понятию «неопределенность» в большинстве случаев связано с высоким темпом изменений, происходящих в современных социальных системах; трансформацией коммуникаций, когда человек оказывается вовлеченным во множество ситуаций общения; появлением новых общественных ситуаций, отсутствовавших ранее в опыте субъекта. Толерантность к неопределенности как предмет исследования представлена в работах, изучавших структуру и содержание данного понятия (С. Баднер, С. Бокхер) и рассматривавших ее как стабильную черту личности (Р. Дж. Холмон, А. П. Макдональд, Р. В. Нортон, Д. Л. Маклайн), ситуационно-специфическую установку (Е. Г. Луковицкая), интегральную способность (А. В. Карпов), динамическую характеристику (В. де Рома, Л. Т. Кадж и Д. Л. Макколум, Т. В. Корнилова). Интерес к феномену у русскоязычных исследователей появляется лишь в 1990-х гг. при обострении межнациональных проблем и обращении психологии к явлениям межэтнической толерантности. Толерантность к неопределенности была отнесена к подвидам понятия «толерантность» без учета многообразия трактовок (А. С. Обухов и М. С. Мириманова). Н. И. Петрова выделяет три аспекта толерантности: толерантность к неопределенности, окружающим и окружающей среде [3]. Однако имеются сложности в интеграции толерантности и интолерантности к неопределенности в русскоязычный дискурс. А. И. Гусев обозначает основные из них: термин при переводе на русский язык утрачивает изначальное толкование; интеграция самого понятия осуществляется в определенном социальном и научном контекстах, что накладывает отпечаток на его использование [4]. Так, в доминирующем контексте деятельностного подхода толерантность к неопределенности рассматривается в контексте принятия решения Т. В. Корниловой [5] или социально-психологической установки в работах Е. Г. Луковицкой<sup>1</sup>.

Согласно подходу Т. В. Корниловой толерантность к неопределенности – отношение личности к условиям отсутствия устойчивых ориентиров выбора и невозможности применить устоявшиеся клише или готовые решения и соответствующая этому отношению регуляция собственного поведения. Автор выделяет виды интолерантности к неопределенности, выражающейся в стремлении к ясности и определенности как в отношении к миру в целом (и миру идей), так и во взаимодействии с окружаю-

<sup>1</sup>Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Спб., 1998. 36 с.

щими [5]. Понимание толерантности к неопределенности апеллирует как к субъективной неуверенности, так и к принятию человеком нового, неизвестного, противоречивого, неясного. Толерантность к неопределенности отражает разное отношение человека к условиям неопределенности: позитивное (новые возможности проявления себя, умение действовать и принимать решения при неполной ориентировке в ситуации, а также соглашаться с чем-то неясным) и негативное (неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснить). Стоит отметить, что в работе Т. В. Корниловой было сформировано новое понятие – межличностная интолерантность к неопределенности, при которой человек может воспринимать неопределенность и переносить ее в различные сферы своей жизни, тогда как именно неопределенность в отношениях с другими людьми является для него стрессогенным фактором [6].

Толерантность к неопределенности сотрудника во многом обуславливает его эффективность и конкурентоспособность и является одним из значимых человеческих факторов функционирования организации. Следует отметить, что существует ряд позиций, влияющих на соотношение толерантности

к неопределенности и организационной справедливости: характеристики самой рабочей среды (гигиенические условия), стили управления, особенности трудового коллектива, личностные и статусные качества сотрудников. В фокусе данного исследования находится такое явление, как справедливость, поскольку этот феномен не сводится исключительно к личностным чертам, а зависит также от содержания деятельности сотрудника и ситуационно-организационных факторов. Несмотря на объективную необходимость освоения данного проблемного поля, в настоящий момент в научной литературе представлено относительно небольшое количество эмпирических исследований, особенно в Беларуси, в то время как изучение организационной справедливости дает возможность оценивать степень честности внутриорганизационных отношений, а данные о показателях организационной справедливости и толерантности к неопределенности сотрудников и взаимодействия этих параметров позволят с некоторой долей вероятности предсказать, насколько успешно сотрудник будет справляться с ситуациями неопределенности (в том числе связанными с процедурами принятия решений, распределения благ, организационных норм и т. д.), часто возникающими в профессиональной деятельности.

### Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 120 сотрудников одного из холдингов Беларуси со смешанной долей частного и государственного капиталов. Среди респондентов – 30 мужчин и 90 женщин в возрасте от 23 до 63 лет (средний возраст составил 39 лет). В качестве методологических оснований представленного эмпирического исследования были определены концепция организационной справедливости Баранской и концепция толерантности к неопределенности Корниловой. В настоящем исследовании использовались опросник «Организационная спра-

ведливость» в адаптации С. С. Баранской (позволяет респондентам дать субъективную оценку организационной справедливости) [1] и «Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности», разработанный Т. В. Корниловой (рассматривает толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, межличностную интолерантность к неопределенности) [5]. Также использовалась авторская анкета, содержащая вопросы о возрасте, стаже, занимаемой должности, семейном статусе и т. д.

### Результаты и их обсуждение

Об *организационной справедливости* сотрудников уже говорилось ранее [7]. Обобщив результаты, можно сказать, что оценивают организационную справедливость сотрудники по-разному. Так, высокий показатель организационной справедливости наблюдается у сотрудников в возрасте от 35 до 45 и после 50 лет, которые удовлетворены заработной платой, находятся в официально зарегистрированных отношениях, имеют детей, работают в данной организации от полугода до года, а также от 15 лет. Низкий показатель организационной справедливости был выявлен у сотрудников в возрасте от 45 до 50 лет, которые недовольны заработной платой, состоят в незарегистрированных романтических отношениях, не имеют детей и работают в одной организации от 1 до 5 лет.

Рассмотрим результаты анализа *толерантности к неопределенности* сотрудников, под которой понимается генерализованное личностное свойство, означающее стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и отдавать предпочтение более сложным задачам, иметь возможность самостоятельно выйти за рамки принятых ограничений [6]. Высокие показатели были выявлены у 31 % сотрудников, средние – у 58, низкие – у 11 %. Полученные результаты можно объяснить не только личностными параметрами сотрудников, но и тем, что в организации, находящейся в стадии изменений и выхода на новый уровень, остаются те из них, которые демонстрируют готовность к решению сложных задач в кратчайшие сроки, разработке креативных проектов

и самостоятельности. Таким образом, организация претерпевает изменения, а сотрудники находятся в ситуации, требующей конкурентоспособности и возможности преодолевать трудности.

**Интолерантность к неопределенности** фокусируется на стремлении к ясности, упорядоченности во всем, на предположении о главенствующей роли правил и принципов, а также дихотомическом разделении правильных и неправильных способов, мнений и ценностей [6]. Высокие показатели были обнаружены у 40 % сотрудников, что говорит о восприятии ситуации неопределенности как угрозы, стремлении все пояснить в собственной работе. Среднее значение – у 41 % сотрудников, которые придерживаются принципов в зависимости от обстоятельств и для которых правила не играют ключевой роли. Низкие показатели видны у 19 % респондентов. Вероятно, такие данные могут быть связаны со спецификой выборки: в исследовании участвуют преимущественно сотрудники технических профессий; предприятие стремится к формализации и требует от работников придерживаться четких планов. Результаты согласуются с исследованием Т. В. Корниловой, согласно которому студенты технических специальностей более интолерантны, нежели студенты гуманитарного профиля [8]. Следует отметить, что эти два параметра (толерантность к неопределенности и интолерантность к неопределенности) не являются полюсами одного континуума. Интолерантность к неопределенности – стремление к ясности, которое вовсе не отрицает принятия неопределенности как таковой.

**Межличностная интолерантность к неопределенности** – стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях и дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, моноличности, статичности в отношениях с другими [6]. Высокие показатели выявлены у 22 % сотрудников, которые в межличностных отношениях на работе будут требовать максимальной ясности и однозначности. У сотрудников с таким показателем потенциально могут возникнуть сложности с соблюдением границ, что может привести к конфликтам. Кроме того, поставленная для них задача может быть менее привлекательной, если кажется нерешаемой. Средние показатели были обнаружены у 67 % сотрудников. В межличностных отношениях они будут соблюдать баланс, но в работе могут требовать четкого выполнения поставленных задач. Низкие показатели были определены у 11 % сотрудников, которые осознают, что работающие с ними люди неподконтрольны и независимы, поэтому изменение поведения руководства, коллег или клиентов не скажется на их деятельности. Они умеют соблюдать границы, а решения в организации должны приниматься очень быстро и оперативно.

При анализе показателей сотрудников по **толерантности к неопределенности с различной организационной справедливостью** установлено, что у сотрудников с низким уровнем организационной справедливости наблюдается низкая и средняя толерантность к неопределенности. В это же время сотрудники со средним уровнем организационной справедливости имеют среднюю толерантность к неопределенности (15 %), а с высоким уровнем организационной справедливости – высокую (11 %). Данные результаты могут быть связаны с тем, что высокая толерантность к неопределенности выявлена у руководителей, которые могут признать, что другой человек неподконтролен и независим, от него невозможно требовать каких-либо гарантий и вечного исполнения однажды принятых на себя обязательств. Такие люди обладают способностью узнавать другого человека только до той степени, которую оппонент может и хочет обеспечить, они умеют соблюдать границы в отношениях.

Также проводился статистический анализ различий по критериям, выявленным с помощью авторской анкеты. Применение критерия Краскела – Уоллиса позволило найти различия ( $p < 0,0$ ) в уровне толерантности к неопределенности между подчиненными и руководителями. У руководителей организации толерантность к неопределенности оказалась выше, чем у подчиненных. Вероятно, руководители имеют больше ответственности, именно от их действий зависит успешность выполнения определенных заданий. Чтобы предприятие эффективно функционировало, руководитель должен нестандартно мыслить. Каждое его решение лишь предположение относительно того, как лучше действовать. Оно может оказаться неверным, и тогда всю стратегию придется пересматривать. Однако у таких людей это не вызывает страха. По остальным критериям статистически значимых различий не установлено.

При рассмотрении показателей сотрудников по **интолерантности к неопределенности с организационной справедливостью** выявлено, что для сотрудников с высоким уровнем организационной справедливости характерна низкая (19 %) и средняя (23 %) интолерантность к неопределенности. Работники со средним уровнем организационной справедливости имеют среднюю (10 %) и высокую (22 %) интолерантность к неопределенности. У сотрудников с низким уровнем организационной справедливости наблюдается высокая (18 %) и средняя (8 %) интолерантность к неопределенности. Таким образом, сотрудники, стремящиеся к ясности и понятности организационной системы, в меньшей степени удовлетворены происходящими в организации изменениями, существующими правилами и процедурами (в том числе связанными с управлением, распределением и т. п.). С одной стороны, это может быть связано не только с лич-

ностными особенностями работников, но и с их недостаточной информированностью о стратегии и тактике организации, дефицитом ресурсов для решения быстро меняющихся задач. С другой стороны, динамичность и изменчивость организационной среды являются вполне приемлемыми для сотрудников с низкими показателями интолерантности к неопределенности, что позволяет им оценивать справедливость в организации достаточно высоко.

Анализ показателей сотрудников по **межличностной интолерантности к неопределенности с различной организационной справедливостью** показал, что сотрудники с низким уровнем организационной справедливости имеют высокую (23 %) и среднюю (7 %) межличностную интолерантность к неопределенности. В это же время работники со средним уровнем организационной справедливости имеют среднюю (11 %) и высокую (27 %) межличностную интолерантность к неопределенности, а с высоким – среднюю (22 %) и низкую (10 %). Таким образом, сотрудники, для которых неприемлемы неоднозначность, множественность, непредсказуемость межличностных отношений, будут ниже оценивать организационную справедливость. Данный факт следует учитывать при работе психолога с организационным климатом, поскольку неудовлетворенность межличностными отношениями в коллективе может переноситься сотрудником на оценку организации в целом.

С помощью критерия Краскела – Уоллиса были выявлены различия ( $p < 0,0$ ) в уровне межличностной интолерантности к неопределенности подчиненных и руководителей при высокой оценке организационной справедливости. Установлено, что у руководителей межличностная интолерантность к неопределенности значительно выше, нежели у обычных сотрудников. Причина подобной тенденции может

быть связана с потребностью руководителя в контроле результата и нежеланием тратить ресурсы на учет личностных особенностей подчиненных. Диалог сотрудника с руководителем становится монологом последнего, который произносится в целях постоянного контроля, исключающего любую неопределенность и недосказанность. Такое поведение руководства может спровоцировать потерю динамичности в производственном процессе, что может привести к стагнации.

Также был проведен **корреляционный анализ показателей организационной справедливости и толерантности к неопределенности**, который выявил статистически значимую положительную взаимосвязь между общим уровнем организационной справедливости и толерантностью к неопределенности ( $r = 0,608$ ;  $p < 0,0$ ). Поскольку коэффициент корреляции обладает положительным значением, можно утверждать: чем выше сотрудник оценивает справедливость в организации, тем больше выражена у него толерантность к неопределенности и тем выше он оценивает организационную справедливость. Статистически значимой взаимосвязи интолерантности к неопределенности и организационной справедливости установлено не было. Однако найдена статистически значимая положительная взаимосвязь между общим уровнем организационной справедливости и межличностной интолерантностью к неопределенности ( $r = 0,668$ ;  $p < 0,01$ ). Таким образом, чем выше сотрудник оценивает справедливость в организации, тем сильнее проявляется у него межличностная интолерантность к неопределенности. Стремление к определенности межличностных отношений предполагает их большую предсказуемость и понятность, что, в свою очередь, создает ясность при оценке всех методов, норм и процедур, которые связаны с организационной справедливостью.

## Заключение

В результате проведенного эмпирического исследования были установлены различия и взаимосвязи между отдельными параметрами толерантности к неопределенности сотрудников и организационной справедливостью. Полученные данные могут

быть использованы при профессиональном отборе, работе психолога по формированию и развитию организационного климата и культуры, а также разработке или коррекции системы управления организацией с учетом психологических факторов.

## Библиографические ссылки

1. Баранская СС. Опросник «Организационная справедливость» (русскоязычная адаптация). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011;3:145–153.
2. Гулевич ОА, Морозова ЕС. Организационная культура как фактор восприятия организационной справедливости. *Психологический журнал*. 2012;2:59–68.
3. Петрова НИ. Толерантность самоактуализирующейся личности. *Ежегодник Российского психологического общества*. 2002;9(4):254–255.
4. Гусев АИ. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала. В: Леонтьев ДА, редактор. *Личностный потенциал: структура и диагностика*. Москва: Смысл; 2011. с. 300–329.
5. Корнилова ТВ. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности. *Психологический журнал*. 2010;1:74–86.

6. Корнилова ТВ. *Психология риска и принятия решения*. Москва: Аспект Пресс; 2003. 286 с.
7. Фофанова ГА, Сорокина АА. Организационная справедливость с точки зрения сотрудников предприятий. В: Королюк ЕВ, редактор. *Условия, императивы и альтернативы развития современного общества в период нестабильности: экономика, управление, социология, право* [CD-ROM]. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго РФ; 2020. 1 CD-ROM: 2,4 Мб.
8. Корнилова ТВ, Чумакова МА. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера. *Экспериментальная психология*. 2014;1:92–110.

## References

1. Baranskaya SS. Questionnaire «Organizational justice» (Russian-language adaptation). *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2011;3:145–153. Russian.
2. Gulevich OA, Morozova ES. Organizational culture as a factor of justice perception. *Psychological Journal*. 2012;2:59–68. Russian.
3. Petrova NI. [Tolerance of a self-actualizing personality]. *Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva*. 2002;9(4):254–255. Russian.
4. Gusev AI. [Tolerance to uncertainty as a component of personal potential]. In: Leontiev DA, editor. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl; 2011. p. 300–329. Russian.
5. Kornilova TV. Tolerance – intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psychological Journal*. 2010;1:74–86. Russian.
6. Kornilova TV. *Psikhologiya riska i prinyatiya resheniya* [Psychology of risk and decision making]. Moscow: Aspekt Press; 2003. 286 p. Russian.
7. Fofanova GA, Sorokina AA. [Organizational justice from the point of view of employees of enterprises]. In: Korolyuk EV, editor. *Usloviya, imperativy i al'ternativy razvitiya sovremennogo obshchestva v period nestabil'nosti: ekonomika, upravlenie, sotsionomiya, pravo* [Conditions, imperatives and alternatives for the development of modern society during the period of instability: economics, management, sociology, law: collection of scientific works]. Krasnodar: Krasnodarskii TsNTI – filial FGBU «REA» Minenergo RF; 2020. 1 CD-ROM: 2.4 MB. Russian.
8. Kornilova TV, Chumakova MA. Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology*. 2014;1:92–110. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.06.2020.  
Received by editorial board 15.06.2020.

УДК 316.663.5:316.776

## ПРИЕМЫ И СТРАТЕГИИ ПРОВОКАТИВНОГО РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ТЕКСТОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А. В. ЛОЗОВСКИЙ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются понятия «провокативное поведение», «провокативное ролевое поведение» и «интернет-троллинг». Оценивается, как способность участников интернет-коммуникации к селективной саморепрезентации влияет на специфику формирования их онлайн-идентичности. Приводятся данные об исследовании, направленном на выявление приемов и стратегий провокативного ролевого поведения пользователей белорусского новостного веб-ресурса *TUT.by* и четырех пабликов российской социальной сети *ВКонтакте*. Выделены 36 приемов категории «активная агрессия», 16 приемов категории «пассивная агрессия» и 18 приемов категории «поддерживающее поведение». Описываются четыре стратегии провокативного ролевого поведения, используемые участниками текстовой интернет-коммуникации.

**Ключевые слова:** провокативное ролевое поведение; провокативное взаимодействие; троллинг; интернет-коммуникация; селективная саморепрезентация.

## METHODS AND STRATEGIES OF PROVOCATIVE ROLE BEHAVIOUR OF TEXT-BASED INTERNET COMMUNICATION PARTICIPANTS

A. V. LAZOUSKI<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article examines the definitions «provocative behaviour», «provocative role behaviour» and «internet trolling». The influence of the ability of internet communication participants for selective self-presentation on the specifics of the formation of their online identity is characterized. The data on the study aimed at identifying methods and strategies of provocative role behaviour of the users of Belarusian news web resource *TUT.by* and Russian social network *Vkontakte* is presented. 36 methods of category «active aggression», 16 methods of category «passive aggression» and 18 methods of category «supportive behaviour» are described, four strategies of provocative role behaviour are specified.

**Keywords:** provocative role behaviour; provocative interaction; trolling; internet communication; selective self-presentation.

### Введение

Термин «провокативность», возникший в кругах русскоязычных психотерапевтов во второй половине 1990-х гг. в результате публикации перевода книги Ф. Фарелли [1], стал появляться в академиче-

ских работах по психологии в начале 2000-х гг.; за минувшие 20 лет частота его встречаемости в научных трудах значительно возросла [2, с. 105–106]. Несмотря на то что в текстах разных авторов он мо-

### Образец цитирования:

Лозовский АВ. Приемы и стратегии провокативного ролевого поведения участников текстовой интернет-коммуникации. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:66–77.

### For citation:

Lazouski AV. Methods and strategies of provocative role behaviour of text-based internet communication participants. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:66–77. Russian.

### Автор:

**Александр Валерьевич Лозовский** – аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

### Author:

**Aliaksander V. Lazouski**, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.  
[lozovskiy.1992@mail.ru](mailto:lozovskiy.1992@mail.ru)  
<https://orcid.org/0000-0003-3830-7545>

жет обладать различным значением (в том числе выступать синонимом термина «провокационность» в нейтральном контексте, антонимом термина «провокационность» в негативном контексте и гипонимом термина «манипулятивность»), мы используем термин «провокационность» в первую очередь в качестве индикатора, указывающего на то, что говорящий рассматривает потенциально провокационный акт, совершаемый другим человеком, как намеренное действие, исполняемое ради достижения определенных целей [2, с. 106–107]. Таким образом, в контексте данной работы слово «провокационный» является синонимом словосочетания «намеренно провокационный»<sup>1</sup>.

Мы можем охарактеризовать понятие «провокационность» как стремление актора к вызову заранее ожидаемой реакции у объекта провокации. В свою очередь, «провокационное поведение» можно определить как поведение, в котором реализуется стремление актора к вызову у объекта провокации заранее ожидаемой реакции [3, с. 151].

Стоит отметить, что существуют значимые различия между тем провокативным взаимодействием, которое разворачивается в формате «лицом к лицу», и тем, которое реализуется в условиях текстовой компьютерно-опосредованной коммуникации. Эти различия связаны с невозможностью физического взаимодействия собеседников или с их неспособностью оценивать эмоциональное состояние друг друга посредством наблюдения за невербальными средствами коммуникации (позой, мимикой, жестами и т. д.). Значительное влияние на процесс текстового взаимодействия в интернет-коммуникации также оказывает способность собеседников к селективной саморепрезентации, благодаря которой они получают высокую степень контроля над предоставлением коммуникантам информации о себе и своем состоянии в рамках собственного дискурса<sup>2</sup> [4]. Таким образом, технически участник интернет-коммуникации способен полностью «сфабриковать» собственную онлайн-идентичность, создав онлайн-персонажа, который может отличаться от реального прототипа буквально в каждом аспекте (начиная с пола и возраста и заканчивая декларируемым мировоззрением) [5, с. 28–30]. Как показывают работы К. Хардакер и У. Филлипс, отыгрывание подобной

«роли» зачастую лежит в основе одного из типов провокативного поведения участников онлайн-коммуникации, известного как интернет-троллинг [6; 7].

Согласно определению К. Хардакер, троллем является «пользователь, участвующий в коммуникации посредством компьютеров, который выстраивает образ личности, искренне желающей быть частью рассматриваемой группы, включая выражение или убеждение других людей в искренности своих намерений, в то время как его реальные намерения заключаются в нарушении стабильности и (или) разжигании или поддержании конфликтной ситуации в целях собственного развлечения»<sup>3</sup> [6, р. 239]. У. Филлипс, в свою очередь, указывает на то, что пользователи интернета занимаются троллингом ради «веселья», ощущаемого ими в результате раздражения собеседников [7, с. 12, 18–19]. Для достижения данной цели они исполняют соответствующую «роль» провокатора, следуя связанным с ней паттернам поведения, которые зачастую нехарактерны для них в условиях коммуникации в режиме «лицом к лицу».

Таким образом, интернет-троллинг является разновидностью провокативного ролевого поведения: он входит в один ряд с поведением рекламных агентов, эпатажных деятелей искусства, ведущих развлекательных телешоу и иных индивидов, социальная роль которых (посредством социальных экспектаций) приписывает им определенные поведенческие качества, связанные с тенденцией к вызову у аудитории специфической, заранее ожидаемой ответной реакции на свои действия<sup>4</sup>. В свою очередь, ролевое поведение, удовлетворяющее данным экспектациям, обычно приводит актора к желаемым (соответствующим его интересам), заранее прогнозируемым результатам.

Мы рассматриваем провокативное ролевое поведение как поведение, в котором реализуется стремление актора к вызову у объекта провокации заранее ожидаемой реакции, связанное с социальными экспектациями, зависящими от специфики исполняемой им роли. В случае с провокативным ролевым поведением в условиях онлайн-форума экспектации участников обсуждения обычно находят отражение в их дискурсе и зависят от имиджа конкретного пользователя в рамках рассматриваемой коммуникативной площадки<sup>5</sup>.

<sup>1</sup>С точки зрения психологии агрессии и виктимологии не каждое «провокационное» действие является намеренным. К примеру, индивид способен ненамеренно нанести физический урон другому человеку (по неосторожности) либо ненамеренно оскорбить его вербально (произнеся непродуманное двусмысленное высказывание), что может спровоцировать последнего на агрессивную реакцию, вызов которой не входил в планы индивида [3, с. 151–153].

<sup>2</sup>Влияние феномена селективной саморепрезентации на специфику онлайн-коммуникации подробно рассматривается в рамках гиперперсональной модели коммуникации Дж. Уолтера [4; 5].

<sup>3</sup>«Troller is a CMC user who constructs the identity of sincerely wishing to be part of the group in question, including professing, or conveying pseudo-sincere intentions, but whose real intention(s) is/are to cause disruption and/or to trigger or exacerbate conflict for the purposes of their own amusement» [6, р. 239].

<sup>4</sup>При этом особенности ролевого провокативного поведения индивида могут быть связаны как с ожиданиями людей, заинтересованных в «правильном» исполнении индивидом своей роли, так и с ожиданиями людей, которым «правильное» исполнение роли потенциально способно нанести ущерб.

<sup>5</sup>Лозовский А. В. Понятия роли и статуса в контексте интернет-коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/230954> (дата обращения: 11.06.2020).

## Материалы и методы исследования

Настоящее исследование представляет собой анализ провокативного ролевого поведения участников интернет-коммуникации в секциях комментариев форумов белорусского новостного веб-ресурса *TUT.by*, а также новостных пабликов российской социальной сети *ВКонтакте* (обе платформы являются русскоязычными). При анализе мы исходили из предположения, согласно которому участники онлайн-коммуникации расценивают процессы формулирования, написания и отправки сообщения на онлайн-форум как намеренные действия, которые невозможно совершить случайно или неумышленно. Следовательно, интерпретируя комментарий отправителя, получатель будет относиться к данному сообщению как к тексту, который был сформулирован, записан и опубликован отправителем на форуме с неким определенным намерением.

Гипотеза исследования заключается в предположении, согласно которому участники интернет-коммуникации эмоционально-экспрессивно реагируют на определенные (провокативные) типы сообщений собеседников-отправителей в результате того, что данные сообщения включают некие содержательно-смысловые провокативные элементы, которые служат в качестве раздражителей, побуждающих слушателей к ответной реакции.

Выборку исследования составили комментарии пользователей к 10 новостным публикациям веб-ресурса *TUT.by*, вышедшим в период с августа 2018 по февраль 2019 г. (общее число комментариев – 3738 ед., из них 1207 ед. соответствовали требованиям отбора, 1195 ед. использовались при финальном статистическом подсчете провокативных материалов), а также комментарии к 10 новостным публикациям в четырех пабликах социальной сети *ВКонтакте*<sup>6</sup>, вышедшим в период с июня по декабрь 2019 г. (общее число комментариев – 4440 ед., из них 1935 ед. соответствовали требованиям отбора, 1803 ед. использовались при финальном статистическом подсчете). В число комментариев, удовлетворяющих требованиям отбора, но не включенных в статистический подсчет, вошли сообщения, в которых пользователь отвечал сам себе (развивая в новом комментарии идею из предыдущего комментария вместо того, чтобы отредактировать исходный),

при условии, если провокативные приемы, используемые в обоих сообщениях, совпадали.

При проведении настоящего исследования мы опирались на постулаты «мягкой версии» гипотезы лингвистического релятивизма Сепира – Уорфа (*the weak Sapir – Whorf hypothesis of linguistic relativity*), согласно которой язык и лингвистические категории в определенной степени влияют на специфику мышления и, следовательно, поведения носителя данного языка [8, р. 383–387], а также на основные положения социального конструктивизма, выделенные А. Улановским (концепции «познание как выстраивание», «множественность истины», «пригодность как критерий “хорошего” знания») [9].

В исследовании использовались методы дискурс-анализа в интерпретации Я. Паркера [10, с. 275–280], анализа текста с применением обоснованной теории Стросса – Глейзера [11, с. 112–121], качественного контент-анализа в трактовке Д. Мангейма [12, с. 270–290].

Данное исследование состояло из трех частей. Две первые, связанные с обработкой информации, были посвящены анализу секций комментариев к новостным материалам веб-ресурса *TUT.by* и публикациям в пабликах социальной сети *ВКонтакте*, в то время как заключительная часть – интерпретации полученных в ходе анализа данных и их соотносению между собой. Как первая, так и вторая часть исследования включали перечисленную ниже последовательность этапов.

1. Формирование совокупности изучаемых материалов (поиск новостных публикаций и связанных с ними секций комментариев, сообщения из которых будут проанализированы в ходе исследования). В критерии поиска входили три условия:

- в выборку могут быть включены только публикации, набравшие не менее 100 комментариев со стороны пользователей (для обеспечения значительного объема материала, который в дальнейшем подвергнется анализу<sup>7</sup>);
- в выборку могут быть включены максимум две публикации, вышедшие в один месяц (для обеспечения разнообразия тем, обсуждаемых пользователями, и связанных с ними риторических приемов, к которым пользователи будут прибегать в ходе провокативного взаимодействия<sup>8</sup>);

<sup>6</sup>В их число вошли два белорусских новостных паблика («Чай з малинавым варэннем», «Инцидент Минск») и два российских новостных паблика («Лентач», «Ёшкин Крот»). Аудитория всех четырех пабликов включает в себя как белорусских, так и российских пользователей.

<sup>7</sup>Мы исходили из предположения, согласно которому определенная часть комментариев не будет содержать провокативных элементов и, следовательно, отсеется на следующем этапе работы по причине несоответствия целям исследования. В ходе проведения исследования данное предположение подтвердилось.

<sup>8</sup>Регулярное участие пользователя в обсуждении одной и той же темы в секциях комментариев под новостями схожей направленности может привести к тому, что у данного пользователя выработаются «предпочтительные» или «устоявшиеся» паттерны реакций на схожие стимулы (например, публикация одних и тех же контраргументов в ответ на одни и те же аргументы, предъявляемые со стороны различных оппонентов в ходе диалогов на одну и ту же тему). В рамках данного исследования мы стремились минимизировать влияние указанного эффекта.

• в выборку могут быть включены только публикации, в секции комментариев к которым исследователем было зафиксировано более двадцати эпизодов провокативного взаимодействия пользователей (при этом в качестве эпизода рассматривалась ветка обсуждения, состоящая как минимум из двух комментариев со стороны различных пользователей, связанных по принципу «исходное сообщение автора – реакция собеседника»<sup>9</sup>).

2. Формирование выборки сообщений для дальнейшего анализа: изучение отобранного массива информации в целях выделения связанных между собой цепочек комментариев пользователей, в которых авторы ответных сообщений эмоционально-экспрессивно реагировали на содержание провокативных (включающих в себя провокативные элементы) комментариев, оставленных авторами исходных сообщений в формате «запускающее сообщение отправителя – ответ получателя». Отобранные сообщения были структурированы в виде систем из отдельных веток обсуждений.

3. Исследование полученных систем методом дискурс-анализа. Объектами анализа являлись цепочки комментариев, в которых отправители (авторы исходных сообщений) и получатели (авторы ответных сообщений) демонстрировали воплощенное в тексте речевое провокативное поведение. Цель анализа – установить приемы этого поведения (посредством обнаружения структурно-содержательных элементов рассматриваемого сообщения, вызывающих у адресата выраженную в тексте ответного комментария эмоциональную реакцию, их последующего соотнесения с семантическими аспектами обоих комментариев и категоризации). Содержание и связанное с ним общее настроение ответа выступали в качестве индикаторов наличия либо отсутствия в исходном комментарии определенных провокативных элементов. В результате завершения данного этапа исследования были сформированы системы из дополнительных версий рассмотренных веток обсуждений, каждое сообщение в которых отображалось посредством спис-

ка использованных в нем провокативных речевых приемов.

4. Исследование дополнительных версий рассмотренных веток обсуждений (со списками провокативных речевых приемов) методом контент-анализа для установления частоты встречаемости различных видов провокативных приемов и условий их применения со стороны авторов сообщений. Подсчет частоты встречаемости провокативных приемов велся отдельно для материалов веб-ресурса *TUT.by* и пабликов социальной сети *ВКонтакте* в целях дальнейшего сравнения результатов между собой. Определение условий применения различных приемов участниками обсуждений (для дальнейшего выявления стратегий их провокативного поведения) производилось без учета коммуникативной платформы<sup>10</sup>.

После того как материалы веб-ресурса *TUT.by* и пабликов социальной сети *ВКонтакте* прошли через описанные выше этапы исследования, была проведена третья (заключительная) часть работы, связанная с интерпретацией полученных данных. Она включала в себя два этапа, первый из которых посвящен сравнению частоты использования различных типов провокативных приемов на двух упомянутых коммуникативных платформах, в то время как второй – выявлению и описанию стратегий провокативного поведения пользователей на основании материала, полученного в ходе дискурс- и контент-анализа посредством соотнесения полученных данных, в целях исследования принципов взаимодействия пользователей, вступающих в обоюдную провокативную коммуникацию.

В ходе исследования обнаружен ряд провокативных приемов речевой коммуникации, применяемых пользователями русскоязычных новостных веб-ресурсов в процессе обсуждения публикаций в секции комментариев, а также проведено сравнение частоты встречаемости упомянутых приемов в рамках двух разных русскоязычных коммуникативных интернет-платформ (*TUT.by* и *ВКонтакте*), выявлены четыре стратегии провокативного поведения участников интернет-коммуникации.

## Результаты и их обсуждение

На основании проведенного анализа выделены 36 провокативных приемов категории «активная агрессия» (включает «наступательные» приемы провокативного поведения, где недружелюбное настроение имеет разную степень выраженности), 16 провокативных приемов категории «пассивная агрессия» («оборонительные» приемы провокатив-

ного поведения, способные вызвать у собеседника фрустрацию, даже если их подача будет выдержана в вежливой форме) и 18 провокативных приемов категории «поддерживающее поведение» (собеседник провоцирует общего оппонента через поддержку мнения идейного союзника, подкрепление его позиции либо поощрение его действий).

<sup>9</sup> Данное условие было введено потому, что значительная часть обсуждений как в рамках ресурса *TUT.by*, так и в рамках пабликов социальной сети *ВКонтакте* протекает в традициях конструктивного диалога и не включает в себя материалы, которые представляют ценность для исследования провокативного поведения.

<sup>10</sup> В цели исследования входило обнаружение стратегий провокативного поведения пользователей, но не подсчет частоты использования этих стратегий в рамках конкретных платформ (т. е. социальных сетей либо новостных веб-ресурсов).

Провокативные приемы категории «активная агрессия» делятся на четыре подкатегории: «оскорбление», «высмеивание», «спорное мнение» и «недружелюбное обращение». Результаты подсчета частоты встречаемости приемов категории «активная агрессия» приводятся в табл. 1.

Таблица 1

**Частота встречаемости провокативных приемов категории «активная агрессия» на веб-ресурсе TUT.by и в пабликах социальной сети ВКонтакте, %**

Table 1

**Frequency of occurrence of «active aggression» category provocation methods on a news online resource TUT.by and on a news public groups of a social network VKontakte, %**

		Тип провокативного поведения	Комментарии пользователей веб-ресурса TUT.by	Комментарии пользователей социальной сети ВКонтакте
Активная агрессия	Оскорбление	Прямое оскорбление собеседника	0,33	8,87
		Косвенное оскорбление собеседника	0,59	2,61
		Прямое оскорбление интруппы <sup>11</sup> собеседника	0,50	4,94
		Косвенное оскорбление интруппы собеседника	0,75	0,39
	Высмеивание	Прямое высмеивание собеседника	12,30	32,11
		Косвенное высмеивание собеседника	19,25	20,30
		Прямое высмеивание интруппы собеседника	18,33	18,47
		Косвенное высмеивание интруппы собеседника	9,46	6,38
	Спорное мнение	Утверждение, сформулированное в радикальном ключе	8,95	6,43
		Выражение экстремально непопулярного мнения	0,75	1,89
		Бравада	3,93	3,33
		Разоблачение аморального поведения интруппы собеседника	6,03	3,11
	Недружелюбное обращение	Фамильярное обращение	12,13	33,22
		Спаминг	5,77	9,65
		Перехват инициативы в диалоге	18,58	9,98
		Разрушение смысловой линии диалога	11,46	10,21
		Поучение	4,10	2,72
		Упрек	1,34	3,16
		Запугивание	2,85	3,55

<sup>11</sup>Интруппа – члены общества, с которыми индивид себя идентифицирует и к которым испытывает чувство принадлежности (родственники, друзья, кумиры, сограждане и др.).

В подкатегорию «оскорбление» входят приемы, направленные на дискредитацию умственных и физических способностей либо моральных качеств собеседника. Прием прямого оскорбления обычно сводится к открытой характеристике собеседника неким «дискредитирующим» термином<sup>12</sup>. Прием косвенного оскорбления направлен на трансляцию собеседнику той же информации в завуалированной форме. Вместе с тем объектом прямого и косвенного оскорбления может быть не только сам собеседник, но и близкие ему люди, а также индивиды, которых он идентифицирует в качестве своих (т. е. члены его интруппы).

В подкатегорию «высмеивание» входят приемы, направленные на демонстрацию собеседнику того, что он либо члены его интруппы не соответствуют положительному впечатлению, которое они стремятся произвести. Идею, стоящую за высмеиванием, обычно можно выразить фразой *Вы не настолько опасны / мудры / влиятельны / успешны / компетентны / прозорливы [и т. д.], как хотели бы казаться*. Приемы данной подкатегории также делятся на прямые и косвенные и могут быть направлены как на самого собеседника, так и на его интруппу.

В подкатегорию «спорное мнение» входят высказывания в безапелляционной форме, способные вызвать раздражение участников форума, не согласных с декларируемой автором позицией («Экстрасенсы однозначно существуют»; «Наша страна лучше вашей»; «Ваша интруппа – аморальные преступники») либо поддерживающих точку зрения, которая считалась бы социально неприемлемой в большинстве современных культур («Жестокость по отношению к домашним животным вполне допустима»; «Гитлер все делал правильно»).

В подкатегорию «недружелюбное обращение» входят семь типов провокативных приемов (различающихся по степени открытости демонстрации собеседнику враждебных настроений), четыре из которых могут быть разделены на подкатегории второго порядка. Данные о частоте встречаемости приемов из подкатегорий раздела «недружелюбное обращение» приводятся в табл. 2.

Несмотря на то что большинство названий провокативных приемов подкатегории «недружелюбное обращение» не требуют дополнительных пояснений, мы считаем необходимым остановиться на некоторых из них.

Прием спаминга вопросами подразумевает формулирование больше трех вопросов в рамках одного сообщения. Это может поставить собеседника в невыгодную ситуацию: отвечать на каждый из них

в процессе провокативной коммуникации не только долго, но и бесполезно с точки зрения динамики диалога, однако в случае отсутствия ответов спамер может высмеять «некомпетентность» собеседника и потребовать ответ повторно. Соответственно, прием спаминга изображениями заключается в осыпании собеседника фотографиями или иллюстрациями, которые обычно призваны либо опровергнуть, либо высмеять позицию последнего (нами учитывались ситуации, когда в одном сообщении приводилось больше трех изображений либо пользователь публиковал подряд более трех комментариев с изображениями). Прием лонгрида подразумевает публикацию пользователем длинных текстов (более восьми строк), превышающих по объему большинство комментариев в обсуждении (как следует из сообщений реципиентов, зачастую такое поведение их раздражает)<sup>13</sup>. В свою очередь, прием резонерства представляет собой вид спаминга, при котором автор использует в своем комментарии выдержанные в менторском тоне реплики с трюизмами или очевидными для других пользователей выводами, которые также способны вызвать раздражение у собеседников.

Прием рефрейминга обычно основывается на сатирическом продолжении опубликованной реплики собеседника с последующим изменением ее контекста на противоположный (Адресант: «Ракета долетит из нашей страны в вашу за десять минут». Адресат: «Это работает в обе стороны». Адресант: «У нашей страны самая сильная армия в СНГ». Адресат: «Зато нет ни нормальной медицины, ни образования»). Прием пародирования заключается в частичном копировании реплики собеседника с изменением нескольких слов, в результате чего смысл предложения меняется, зачастую на противоположный (адресант: «Практика в Сирии показала, что ни один из ста “Калибров” никуда не попал», адресат: «Практика в Сирии показала, что Россия вернула стране 90 % территории»). Каждый из этих приемов может служить платформой для перехвата инициативы в диалоге, когда ранее занимавший «оборонительную» позицию адресат переходит в ответное «наступление» на адресанта при помощи провокативных методов категории «активная агрессия».

Приемы, входящие в подкатегорию «разрушение смысловой линии диалога», направлены на то, чтобы запутать собеседника либо нарушить естественное течение диалога посредством внезапного изменения его контекста. В частности, приемы абсурдистской шутки (ироничная реплика, сформулированная таким образом, что непонятно, над кем

<sup>12</sup>К примеру, в случае с прямым оскорблением собеседника слово «дохляк» указывает на физическую несостоятельность собеседника, слово «идиот» – на его интеллектуальную несостоятельность, а слово «скотина» – на его сомнительные моральные качества. Косвенное оскорбление призвано указать на то же самое в более осторожной, скрытной форме: «На чем основано это идиотское утверждение?»; «Не ведите себя как скотина».

<sup>13</sup>Зачастую авторы комментариев-лонгридов не пишут объемные тексты сами, а копируют их из сторонних источников. Это могут быть новостные статьи, абзацы из «Википедии» или блогов известных людей и др.

или над чем конкретно иронизирует автор либо в чем именно заключается юмор<sup>14</sup>) и постиронии (публикация утверждения, серьезность или несерьезность которого невозможно установить без дополнительных комментариев со стороны автора) направлены не на вызов раздражения или злости у собеседника, а на то, чтобы запутать и смутить его. Данный риторический ход увеличивает вероятность прерывания коммуникации со стороны собеседника, благодаря чему, как мы предполагаем, адресант может считать себя «победителем» в споре<sup>15</sup>. Схожих результатов пользователь достигает, когда напрямую признается в троллинге либо указывает на это косвенно (т. е. демонстрирует свое удовлетворение раздражением собеседника без прямого указания на намеренность своих провокационных действий).

Второй категорией приемов провокативного поведения является пассивная агрессия (см. табл. 3). Входящие в нее приемы связаны как с противоречием позиции собеседника и подкреплением собственной позиции, так и со стремлением пользователя уйти от ответа на неприятные вопросы, противостоять попыткам собеседника нарушить течение диалога (например, сменить тему или контекст обсуждения), пресечь неэтичное поведение адресанта либо побудить его на некое действие. Потенциально каждый из данных приемов способен вызвать раздражение собеседника, что подтверждается выраженными в тексте эмоциональными реакциями адресатов на комментарии перечисленных типов.

К третьей категории приемов провокативного поведения относится поддерживающее поведение (см. табл. 4), в рамках которого пользователь стремится одновременно оказать влияние как на идейного союзника (в позитивном ключе), так и на идейного противника (в негативном ключе); интенсивность влияний обоих типов разнится в зависимости от конкретного провокативного акта. К примеру, приемы, в которых автор сообщения одобряет действия идейного союзника или поддерживает его аргументами в споре с общим идейным оппонентом, с одной стороны, провоцируют союзника на продолжение отстаивания собственной позиции, а с другой – потенциально способны спровоцировать оппонента на негативную эмоциональную реакцию. В свою очередь, приемы, направленные на оскорбление или высмеивание интроппы общего оппонента, с высокой долей вероятности способны вызвать раздражение последнего и при этом потен-

циально могут вдохновить союзника на продолжение риторического противостояния.

Как следует из приведенных данных, наиболее популярными подкатегориями провокативных приемов для комментаторов форумов веб-ресурса *TUT.by* и пабликов социальной сети *ВКонтакте* являются высмеивание и оскорбление, при этом прямое оскорбление и высмеивание собеседника либо его интроппы чаще встречаются в комментариях пользователей социальных сетей, в то время как в рамках новостного веб-ресурса *TUT.by* они распространены заметно меньше. Данное обстоятельство обусловлено более жесткими правилами модерации форумов *TUT.by*, администрация которых активно удаляет комментарии подчеркнуто оскорбительного содержания (в некоторых случаях их фрагменты либо полные версии можно обнаружить в виде цитат в ответном комментарии получателя, но нельзя найти в виде отдельных сообщений в рамках обсуждения). Следовательно, пользователям тщательно модерлируемых платформ приходится прибегать к менее очевидным и более изобретательным приемам провокативного поведения, таким как рефрейминг, внезапная смена темы или поучение, что вносит разнообразие в репертуар речевого поведения провокаторов.

Стоит отметить, что большая часть описанных в рамках данного исследования приемов провокативного поведения могут использоваться комментаторами не только для того, чтобы спровоцировать собеседника на конфликтное поведение и обмен оскорблениями, но и для того, чтобы посредством недружелюбной риторики собрать о собеседнике как можно больше информации (в частности, данные о его мировоззрении, убеждениях, предпочтениях, политических и религиозных взглядах и др.). Впоследствии эта информация может быть использована провокатором для еще более эффективного раздражения собеседника.

Таким образом, технически весь процесс троллинга в условиях текстовой интернет-коммуникации можно свести к двум взаимосвязанным актам: атаке и сбору информации о собеседнике, при этом эффективность первого (суть которого заключается в вызове у собеседника интенсивных негативных эмоций, подталкивающих его к публикации ответного сообщения) напрямую зависит от качества исполнения второго (чем лучше провокатор осведомлен о собеседнике, тем больше проблем, вызывающих раздражение оппонента, он способен затронуть).

<sup>14</sup>Образец из секции комментариев *TUT.by*. Адресант: «Для примера можете сравнивать не только Россию и Канаду, но и хрен с пальцем». Адресат: «Полагаю, Канада – это палец». Адресант: «Я – палец». Что адресант хотел сообщить адресату последней репликой, совершенно непонятно, однако на этом моменте диалог прекращается.

<sup>15</sup>По какой-то причине часть авторов из секции комментариев обеих рассмотренных платформ предпочитают вести диалог до тех пор, пока их комментарий не окажется последним в ветке сообщений (даже если тема диалога успела многократно поменяться с момента его старта).

Таблица 2

Частота встречаемости провокативных приемов подкатегории «недружелюбное обращение» на новостном веб-ресурсе *TUT.by* и в пабликах социальной сети *ВКонтакте*, %

Table 2

Frequency of occurrence of «unfriendly treatment» subcategory provocation methods on a news online resource *TUT.by* and on a news public groups of a social network *Vkontakte*, %

		Тип провокативного поведения	Комментарии пользователей веб-ресурса <i>TUT.by</i>	Комментарии пользователей социальной сети <i>ВКонтакте</i>
Недружелюбное обращение	Фамильярное обращение	Обращение на «ты»	10,13	30,62
		Ироничное согласие с оппонентом	1,34	1,83
		Ироничное одобрение действий оппонента	0,67	0,78
	Спаминг	Спаминг вопросами	1,51	1,94
		Спаминг изображениями	0,08	0,50
		Спаминг одним и тем же сообщением	0,00	0,17
		Лонгрид	1,67	3,72
		Резонерство	2,51	3,33
	Перехват инициативы в диалоге	Рефрейминг	15,06	8,21
		Пародирование	2,68	1,28
		Ответ на риторический вопрос	0,92	0,50
		Внезапная смена темы	5,36	2,66
		Внезапная смена точки зрения	0,17	0,55
	Разрушение смысловой линии диалога	Приписывание собеседнику идеи, которую он не выразал	1,09	0,39
		Приписывание собеседнику темы, которую он не поднимал	0,08	0,22
		Приписывание собеседнику игнорирования вопроса, который не был ему задан	0,08	0,00
		Доведение диалога до абсурда	2,34	0,50
		Абсурдистская шутка	1,00	1,72
		Постирония	1,17	2,05
		Прямое либо косвенное признание в провокативном поведении	0,08	0,94
		Использование языка, который может быть незнаком собеседнику	0,08	1,16
	Поучение		4,10	2,72
	Упрек		1,34	3,16
	Запугивание		2,85	3,55

Таблица 3

Частота встречаемости провокативных приемов категории «пассивная агрессия» на новостном веб-ресурсе *TUT.by* и в пабликах социальной сети *ВКонтакте*, %

Table 3

Frequency of occurrence of «passive aggression» category provocation methods on a news online resource *TUT.by* and on a news public groups of a social network *Vkontakte*, %

Тип провокативного поведения		Комментарии пользователей веб-ресурса <i>TUT.by</i>	Комментарии пользователей социальной сети <i>ВКонтакте</i>	
Пассивная агрессия	Противоречие собеседнику	Противоречие собеседнику с приведением аргумента	14,39	11,15
		Противоречие собеседнику без приведения аргумента	7,95	7,15
	Подкрепление собственной позиции	Апелляция к личному мнению либо опыту	2,68	0,22
		Апелляция к авторитету	0,67	0,50
		Ссылка на предвзятый источник	1,51	0,17
	Попытка сохранения смысловой линии диалога	Указание на нелогичность рассуждений собеседника	1,17	0,39
		Упорствование	1,59	4,05
		Обвинение собеседника в смене темы	0,33	0,06
		Указание на то, что собеседник приписывает автору тему, которую тот не поднимал	0,08	0,28
		Указание на то, что собеседник приписывает автору идею, которую тот не выражал	0,00	0,22
	Обвинение в неэтичном поведении	Обвинение в троллинге (провокации)	0,75	0,55
		Обвинение в распространении пропаганды	0,50	4,27
		Обвинение собеседника во лжи	1,42	0,55
		Указание на игнорирование оппонентом вопроса	0,17	0,00
		Обвинение собеседника в аморальном поведении	0,42	0,17
	Просьба, приглашение, провокация на действие		0,00	0,89
	Требование доказательств		2,09	1,05
	Демонстративное игнорирование вопроса оппонента либо встречный вопрос		1,26	1,55

Таблица 4

Частота встречаемости провокативных приемов категории «поддерживающее поведение» на новостном веб-ресурсе *TUT.by* и в пабликах социальной сети *ВКонтакте*, %

Table 4

Frequency of occurrence of «supportive behavior» category provocation methods on a news online resource *TUT.by* and on a news public groups of a social network *Vkontakte*, %

Тип поддерживающего поведения		Комментарии пользователей веб-ресурса <i>TUT.by</i>	Комментарии пользователей социальной сети <i>ВКонтакте</i>	
Подкрепление позиции идейного союзника	Согласие с идейным союзником, одобрение его действий	0,67	2,38	
	Приведение аргументов в пользу позиции идейного союзника	0,92	0,78	
Поддержка идейного союзника	Оскорбление общего оппонента	Прямое оскорбление общего оппонента	0,00	0,28
		Косвенное оскорбление общего оппонента	0,08	0,00
		Прямое оскорбление ингруппы общего оппонента	0,00	1,05
		Косвенное оскорбление ингруппы общего оппонента	0,00	0,06
	Высмеивание общего оппонента	Прямое высмеивание общего оппонента	0,17	1,61
		Косвенное высмеивание общего оппонента	0,33	0,72
		Прямое высмеивание ингруппы общего оппонента	3,51	3,61
		Косвенное высмеивание ингруппы общего оппонента	0,59	1,00
	Обвинение общего оппонента	Обвинение общего оппонента в аморальном поведении	0,17	0,28
		Разоблачение аморального поведения ингруппы общего оппонента	0,84	0,61
		Обвинение общего оппонента в троллинге (провокации)	0,00	0,22
		Обвинение общего оппонента в распространении пропаганды	0,00	0,72
	Противоречие позиции общего оппонента с приведением аргументов		0,25	0,00
	Самоирония		0,08	1,50
	Ироническое противоречие идейному союзнику		0,00	0,39
	Использование языка, который может быть незнаком общему оппоненту		0,00	0,11

Систематизация полученных данных позволила нам выделить четыре стратегии провокативного ролевого поведения, к которым прибегают пользователи секций комментариев новостного веб-ресурса *TUT.by* и в пабликах социальной сети *ВКонтакте*:

- агрессивная атака (с минимальным сбором информации о собеседнике);
- сбор информации (с минимальным количеством интенсивных агрессивных выпадов);
- чередование агрессивных атак со сбором информации (примерно в равных пропорциях);
- сбор информации, завершающийся агрессивной атакой (продолжительный сбор информации обеспечивает пользователя материалом о собеседнике, который используется при дальнейшем вербальном «нападении» на последнего).

Характерно, что провокаторы, придерживающиеся стратегии агрессивной атаки, чаще других используют в своих сообщениях приемы прямого оскорбления и высмеивания собеседника и его интропеты; прибегают к декларации утверждений, сформулированных в радикальном ключе, противоречию собеседникам без приведения аргументов и фамильярному обращению к ним на «ты»; используют прием «упорствование» (раз за разом повторяют одну и ту же информацию, которую собеседник не способен опровергнуть, и тем самым якобы подтверждают свою правоту); стремятся запутать собеседника, реагируя сразу несколькими идущими друг за другом сообщениями в ответ на одно сообщение адресанта<sup>16</sup>, а также используя прием внезапной смены темы.

Провокаторы, придерживающиеся стратегии сбора информации, в своем диалоге с собеседником обычно пытаются выстроить такую систему последовательных вопросов, чтобы ответ на них со стороны адресанта привел последнего к необходимости согласиться с постулатом, который ему неприятен, но при этом проистекает из логики всей предыдущей дискуссии (что может вызвать у адресата раздражение). Как правило, провокаторы полагаются на завуалированное (косвенное) оскорбление и высмеивание интропеты собеседника, периодически прибегая к косвенному высмеиванию самого собеседника; обычно не используют по отношению к адресанту фамильярного обращения на «ты», периодически соглашались с его тезисами (либо в порядке сохранения демонстративной вежливости, либо в ироническом ключе); чаще других пользователей противоречат собеседникам с приведением аргументов и указывают на нелогичность рассуждений собеседника.

Провокаторы, придерживающиеся стратегии «чередование», переключаются с агрессивной атаки на «спокойный» аргументированный диалог, после чего цикл повторяется. Они могут успешно производить на собеседников впечатление «обычных пользователей», которые ведут крайне эмоциональный диалог на важную для них тему, стараются держать себя в рамках приличия, но иногда «срываются». Данная стратегия поведения является наименее предсказуемой из всех, поскольку пользователь может в произвольном порядке комбинировать приемы, характерные для стратегий «агрессивная атака» и «сбор информации» (например, с одинаковой частотой противоречить собеседнику с приведением и без приведения аргумента; переключаться с фамильярного обращения на вежливость и наоборот; прибегать к оскорблению и высмеиванию как собеседника, так и его интропеты, после чего требовать от адресата, чтобы тот ему «не хамил», и т. д.). Тем не менее с точки зрения классического троллинга стратегия «чередование» является наименее эффективной из всех, поскольку пользователь ведет себя настолько экспрессивно и непоследовательно, что у адресантов может сложиться впечатление, будто раздражение и злость по отношению к собеседникам испытывает он сам (т. е. что он сам оказался кем-то «затроллен»).

Провокаторы, придерживающиеся стратегии сбора информации, завершающегося агрессивной атакой, наиболее органично используют приемы обеих базовых стратегий. Применяя в ходе первой фазы диалога те же приемы, что характерны и для стратегии сбора информации, провокатор получает данные о собеседнике и с помощью наводящих вопросов постепенно подготавливает среду, в которой он сможет использовать полученную информацию для внезапной атаки. Распространенным методом действий в данном случае является плавный переход от нейтральных вопросов и косвенного высмеивания интропеты собеседника к прямому высмеиванию и оскорблению самого собеседника. Поворотным моментом в диалоге, отделяющим фазу сбора информации от фазы атаки, зачастую становится использование приема спаминга вопросами (после чего пользователь переходит к использованию приемов, характерных для стратегии агрессивной атаки).

В заключение следует отметить, что частота встречаемости различных приемов и стратегий провокативного ролевого поведения с высокой долей вероятности будет различаться в зависимости

<sup>16</sup>Если адресант начнет отвечать на каждое из «параллельных» сообщений оппонента, диалог будет разветвляться все больше и больше (по принципу «каждая ветвь – отдельная тема»), тем самым запутывая собеседника. В этом случае вместо того, чтобы концентрироваться на одной теме, собеседнику придется поддерживать разговор, посвященный нескольким темам одновременно. И если провокатор тратит сравнительно немного усилий и времени на то, чтобы осыпать адресанта короткими провоцирующими вопросами, то для связного и убедительного ответа на них последнему понадобится гораздо больше ресурсов.

от конкретных рассматриваемых веб-сайтов и пабликов социальных сетей, поскольку большинство сформировавшихся интернет-сообществ обладают собственной «локальной культурой», связанными с ней специфическими нормами поведения и установившимися речеповеденческими практиками.

### Библиографические ссылки

1. Фарелли Ф, Брандсма ДМ. *Провокационная терапия*. Екатеринбург: Екатеринбург; 1996. 216 с.
2. Солодухо АС, Лозовский АВ. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:104–109.
3. Лозовский АВ. Атрибуция провокативного намерения пользователями публичной интернет-коммуникации как психологическая проблема. В: Манастырны АП, редактор. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Выпуск 16*. Минск: АПА; 2018. с. 147–157.
4. Walther JB. Computer-mediated communication: impersonal, interpersonal and hyperpersonal interaction. *Communication Research*. 1996;23(1):3–43. DOI: 10.1177/009365096023001001.
5. Лозовский АВ. Ролевое поведение участников интернет-коммуникации с точки зрения гиперперсональной модели коммуникации. В: Фофанова ГА, редактор. *Плошчадка дыялогаў: зборнік статей навуковага псіхалагічнага кружка «Плошчадка дыялогаў»*. Минск: БГУ; 2019. с. 26–37.
6. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*. 2010;6(2):215–242. DOI: 10.1515/jplr.2010.011.
7. Филлипс У. *Трололо: Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг*. Москва: Альпина Паблишер; 2016. 300 с.
8. Hill JH, Mannheim B. Language and world view. *Annual Review of Anthropology*. 1992;21:381–404. DOI: 10.1146/annurev.an.21.100192.002121.
9. Улановский АМ. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*. 2009;2:35–45.
10. Янчук ВА. *Методология и методы научного исследования в психологии и социальных науках*. Минск: АПО; 2011. 376 с.
11. Тичер С, Мейер М, Водак Р, Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Гуманитарный центр; 2009. 356 с.
12. Мангейм ДБ, Рич РК. *Политология. Методы исследования*. Москва: Весь Мир; 1997. 544 с.

### References

1. Farrelly F, Brandsma JM. *Provokacionnaya terapiya* [Provocative therapy]. Ekaterinburg: Ekaterinburg; 1996. 216 p. Russian.
2. Saladukha AS, Lazouski AV. Provocativeness in internet communication: the problem of concept defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:104–109. Russian.
3. Lozovskij AV. [Provocation in Internet communication: the problem of defining the concept]. In: Manastyrny AP, editor. *Zbornik navukovyh prac Akademii pasljadyplomnaj adukacyi. Vypusk 16* [Collection of scientific papers of the Academy of Postgraduate Education. Volume 16]. Minsk: Academy of Postgraduate Education; 2018. p. 147–157. Russian.
4. Walther JB. Computer-mediated communication: impersonal, interpersonal and hyperpersonal interaction. *Communication Research*. 1996;23(1):3–43. DOI: 10.1177/009365096023001001.
5. Lazouski AV. [Role behaviour of the users of Internet communication from the perspective of hyperpersonal communication model]. In: Fofanova GA, editor. *Ploshchadka dialogov: sbornik statei nauchnogo psikhologicheskogo kruzhka «Ploshchadka dialogov»* [Platform of dialogues: collection of articles of the scientific psychological circle «Platform of dialogues»]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 26–37. Russian.
6. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*. 2010;6(2):215–242. DOI: 10.1515/jplr.2010.011.
7. Fillips U. *Trololo: Nel'zya prosto tak vzyat' i vypustit' knigu pro trolling* [This is Why We Can't Have Nice Things: Mapping the Relationship Between Online Trolling and Mainstream Culture]. Moscow: Alpina Publisher; 2016. 300 p. Russian.
8. Hill JH, Mannheim B. Language and world view. *Annual Review of Anthropology*. 1992;21:381–404. DOI: 10.1146/annurev.an.21.100192.002121.
9. Ulanovskii AM. [Constructivism, radical constructivism, social constructivism: the world as interpretation]. *Voprosy psikhologii*. 2009;2:35–45. Russian.
10. Yanchuk VA. *Metodologiya i metody nauchnogo issledovaniya v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [Methodology and methods of scientific research in psychology and social studies]. Minsk: Academy of Postgraduate Education; 2011. 376 p. Russian.
11. Titscher S, Meyer M, Wodak R, Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Khar'kov: Humanitarian Centre; 2009. 356 p. Russian.
12. Mannheim JB, Rich RC. *Politologiya. Metody issledovaniya* [Political science. Method of research]. Moscow: Ves' Mir; 1997. 544 p. Russian.

---

---

# МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

---

## METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

---

---

УДК 159.9.018(159.9.072)

### РАЗРАБОТКА ШКАЛЫ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ

И. А. ФУРМАНОВ<sup>1)</sup>, С. М. ШИРКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются сущность понятия «жадность», его структура и типология. Делается акцент на содержательных характеристиках диспозиционной жадности и этапах разработки шкалы диспозиционной жадности (ШДЖ). Представлены результаты оценки валидности и надежности по устойчивости и внутренней согласованности ШДЖ. Доказано, что показатели ШДЖ обладают характеристиками надежности и валидности. Данный инструментарий направлен на изучение жадности как устойчивой личностной черты.

**Ключевые слова:** жадность; ситуативная жадность; диспозиционная жадность; личностная черта; шкала диспозиционной жадности.

---

#### Образец цитирования:

Фурманов ИА, Ширко СМ. Разработка шкалы диспозиционной жадности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:78–86.

#### For citation:

Fourmanov IA, Shirko SM. Elaboration of the scale of dispositional greed. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:78–86. Russian.

---

#### Авторы:

**Игорь Александрович Фурманов** – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.  
**Светлана Михайловна Ширко** – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

#### Authors:

**Igor A. Fourmanov**, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.  
[fourmigor@gmail.com](mailto:fourmigor@gmail.com)  
<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>  
**Svetlana M. Shirko**, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.  
[svetlanashirko@icloud.com](mailto:svetlanashirko@icloud.com)  
<https://orcid.org/0000-0002-6931-8872>

## ELABORATION OF THE SCALE OF DISPOSITIONAL GREED

I. A. FOURMANOV<sup>a</sup>, S. M. SHIRKO<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. M. Shirko (svetlanashirko@icloud.com)

The article reveals the essence of the concept of greed, its structure and typology. The emphasis is on the content characteristics of dispositional greed. The main attention in this article is focused on the elaboration stages of the Dispositional Greed Scale (DGS). Also are presented the results of evaluating the validity and reliability of the stability and internal consistency of the DGS. Scale elaboration procedure has shown that its indicators are reliability and validity. This toolkit is aimed to studying greed as a stable personal trait.

**Keywords:** greed; situational greed; dispositional greed; personality trait; scale of dispositional greed.

Проблема жадности приобрела особую актуальность в результате перехода к рыночным отношениям, с развитием которых стало возможным неограниченное приобретение и потребление. Понятие жадности является одним из ключевых в экономике, политике, философии, религии, тем не менее сам термин окончательно не операционализирован, исследователи до сих пор пытаются понять природу и происхождение этого феномена.

Жадность – это сложный конструкт, который в разных культурах и в разные времена имеет свою специфику. Зачастую жадность рассматривается как негативная характеристика, безнравственное явление, часто ассоциирующееся с разрушительными социальными последствиями [1]. Во многих культурах и религиозных направлениях жадность считается пороком или грехом, а не позитивной движущей силой. Также жадность описывается в качестве мотивирующего фактора для порождения других негативных поступков и действий (коррупции, злоупотребления властью) [2].

Тем не менее некоторые авторы отмечают позитивное влияние жадности на личность человека, экономические системы и социум в целом. Она может быть конструктивной: способствовать экономическому развитию общества и управлению им, его прогрессивности и продуктивности; улучшать организационное поведение [3]; выступать для индивида сильным мотивирующим фактором [4–6]. К позитивным проявлениям жадности относятся трудолюбие, расчетливость и честолюбие. Однако чрезмерная жадность считается негативным внутренним чувством, которое может привести к коррупции, эксплуатации, манипулированию и злоупотреблению властью [7]. Деструктивная жадность выражается в накопительстве в ущерб другим людям, концентрируется на получении наиболее выгодных предпочтений для себя или личном интересе, который удовлетворяется за счет благополучия иных людей или игнорирования их нужд. Учитывая определенную двойственную природу жадности, приводящую как к положительным, так и к отрицательным последствиям, некоторые авторы полагают, что

следует оценивать не саму по себе жадность как моральную или аморальную, а именно ее последствия, продуктивные либо деструктивные [5; 6]. Утверждается, что быть жадным жизненно важно для человеческого благополучия [3]. Другие исследователи доказывают эволюционное происхождение жадности, утверждая, что люди могут развивать жадность как историческую жизненную стратегию и адаптивную черту, особенно это характерно для тех, кто вырос в условиях ограниченных ресурсов [8–10].

Изучение психологической литературы позволило заключить, что единого определения понятия «жадность» не существует. Однако большинство авторов, несмотря на разнообразие подходов и трактовок, сходятся во мнении, что жадность включает в себя стремление или желание получить больше, причем определяющим признаком жадности является желание приобрести больше, чем есть [6; 11]. В частности, обращается внимание на то, что жадность – это не просто желание, а чрезмерное желание [11; 12] и стремление приобретать все больше новых благ и нежелание расставаться с накопленными ресурсами [6; 9; 13].

Одно из главных расхождений в определении жадности лежит в границах этого понятия. В узком смысле жадность иногда трактуется как стремление накопить деньги или приобрести материальное богатство [7], в широком – как «ненасытное стремление к большему количеству ресурсов, денежных или иных» [11] (включая и нематериальные блага), желание приобрести больше и неудовлетворенность от ощущения, что всегда чего-то не хватает [6]. Также объектами желания может быть все, что человек считает ценным, включая власть, статус, секс, успех, привилегии, друзей или время [9].

В концепте «жадность» можно выделить следующие слои [2]:

- стремление к выгоде (корыстолюбие, жажда наживы);
- жадность к деньгам (желание обогащаться, собрать значительный капитал, нежелание потратить даже небольшое количество денег, экономия во всем);

- стремление к материальным благам (желание обладать максимально возможным количеством благ, приравненных к деньгам, создать комфортные условия для жизни, окружить себя дорогими, престижными вещами);

- жадность к славе (стремление к известности, всеобщему признанию, желание всегда и везде играть первую роль);

- стремление к власти (желание занять высокое положение, желание руководить, распоряжаться, подчинять своей воле, не учитывая желания и предпочтения окружающих).

Неспособность человека быть удовлетворенным – это качество, входящее в определение жадности как чрезмерного желания чего-либо (материального или нематериального). Когда люди говорят о жадности, чаще всего они имеют в виду нечто большее, чем только сильное желание обладать огромным количеством денег, богатством. Жадность может проявляться как корыстолюбие, алчность, скупость, неимоверное стремление, похоть или ненасытность [14]. Жадный человек хочет приобрести как можно больше, но потратить гораздо меньше, алчный – получить предельно много и приумножить свои доходы, а скупой стремится ничего не отдавать из уже имеющегося и потерять как можно меньше. В различных определениях понятия «жадность» часто встречается такой важный элемент, как ненасытность человека приобретать что-либо. Это качество характеризуется страстным, непреодолимым желанием обладать чем-нибудь, которое невозможно утолить [15]. Многие исследователи [6; 9] определили жадность как ненасытное желание приобретать больше, вопреки ему возникает неудовлетворенность от того, что всегда чего-то не хватает. Если у человека желание обладать чем-либо усиливается настолько, что он никогда его не сможет осуществить, то это приводит к абсолютизации, гиперболизации и доминированию данного желания над всем остальным. Старуха – персонаж «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина – прекрасная иллюстрация такого преобразования.

П. Ж. Массель (P. J. Mussel) с коллегами [11] указывают на то, что жадные люди не просто борются за большее, а еще и огорчаются, если недостаточно имеют. Маниакальное стремление любой ценой, часто причиняя вред другим или обществу, получить желаемое является важной характеристикой жадности, которая помогает отличить этот конструкт от других подобных понятий, таких как скупость, стяжательство, личный интерес или потворство своим желаниям.

Жадность может включать в себя мотивацию как к сохранению, так и к приобретению объекта ценности (материального или нематериального). Некоторые определения жадности акцентируют внимание на приобретении вещей, в то время как другие – на желании удержать или сохранить то, что человек имеет. Т. Дж. Сеунтдженс (T. G. Seuntjens)

утверждает, что и удержание, и приобретение – основные компоненты жадности, хотя приобретение является доминирующим. В исследовании [6] обнаружено, что люди с высоким уровнем жадности тратят больше, а экономят меньше. Кроме того, авторы подчеркивали, что жадность была связана с меньшими сбережениями и большими расходами (в выборке подростков). В работе [9] авторы определили жадность как мотив удержания, исследуя взаимосвязь между жадностью и возросшим уровнем отращения к потерям, когда люди хотели сохранить то, что у них было.

Традиционно жадность воспринималась как состояние, которое может активизироваться в определенных ситуациях. Большинство исследователей в области психологии изучали этот феномен с ситуационной точки зрения, пытаясь проанализировать жадное поведение человека в конкретных обстоятельствах. Такое поведение может рассматриваться как результат ситуации (жадность как эмоция), так и личности (жадность как черта), тем самым ограничивается понимание того, что люди в определенных ситуациях могут отличаться друг от друга уровнями жадного поведения [9].

Таким образом, жадность представляет собой как эмоциональное состояние (ситуативная жадность), так и черту личности (диспозиционная жадность). Ситуативная жадность возникает в результате отсутствия или недоступности не столько необходимых для удовлетворения потребности предметов/объектов, сколько их количества [14]. Определенные ситуативные стимулы могут временно актуализировать жадность. Однако, независимо от ситуации, жадных людей объединяет следующее: они желают того, что они в настоящее время не имеют или имеют, как им кажется, недостаточно. Жадность (стремление к накопительству впрок, алчность и корыстолюбие) можно трактовать как один из способов совладания со страхом в ситуациях депривации и фрустрации в будущем [14]. Результаты некоторых исследований подтверждают точку зрения о том, что люди в ситуации угрозы смерти имели более высокие финансовые ожидания в отношении себя в будущем и предполагали тратить больше денег на удовольствия [16]. Даже простое напоминание испытуемым об их собственной смертности приводит к значительному усилению мотива жадности [17].

Диспозиционная жадность – это ненасытное, эгоистичное желание большего независимо от используемых средств (материальных или нематериальных). Так, ряд ученых [11] определили жадность как устойчивую черту личности, которая может быть активирована ситуационными характеристиками. В определенных ситуациях сочетание эмоционального и мотивационного компонентов индивида может временно вызвать жадность, которая расценивается как неудовлетворенность тем, что есть, в комплексе с желанием приобрести боль-

ше [6]. Диспозиционная жадность проявляется по отношению к любым предметам/объектам вне зависимости от ситуации.

Таким образом, проанализировав ряд существующих определений понятия «жадность», можно сказать, что *жадность* – *желание приобрести больше, чем человек имеет, или сохранить то, что у него есть, любой ценой; недовольство тем, чем никогда не будет обладать в достаточной мере, включая стремление иметь вещи, которые для него значимы: материальные ценности (деньги, богатство, одежда и др.) или нематериальные блага (власть, статус, время, секс и др.).*

Данное определение глубже раскрывает сущность жадности как психологической категории и конкретнее отражает содержательные характеристики диспозиционной жадности. В течение последних лет зарубежными исследователями были разработаны методики для оценки жадности: *Greed Trait Measure* [11]; *the Greed Subscale of the Vices and Virtues Scale* [18]; *the Dispositional Greed Scale* [9]; *Dispositional Greed Scale* [6]. На украинской выборке испытуемых К. Л. Милютиной и А. Ю. Трофимовым была адаптирована методика *диспозиції жадності* [19] на основе шкалы диспозиционной жадности, разработанной Т. Дж. Сеунтдженс и коллегами [6]. Центральным конструктом, лежащим в основе концепции этих шкал, является чрезмерное и ненасытное желание большего, а также представление, что жадность может фокусироваться на нескольких типах желаний: материальных или нематериальных.

Тщательный анализ психологической литературы позволил констатировать, что русскоязычный инструментарий для изучения диспозиционной жадности отсутствует. Это явилось основанием для разработки и валидизации шкалы диспозиционной жадности (ШДЖ) в целях изучения жадности как устойчивой личностной черты.

**Процедура разработки методики.** Для разработки ШДЖ выполнялись следующие процедуры:

- подготавливался предварительно русский перевод имеющихся англоязычных шкал для изучения жадности;
- редактировался и экспертно оценивался исходный вариант шкалы психологами, знающими английский язык;
- проводилась первичная эмпирическая проверка методики в целях определения психометрических характеристик;
- осуществлялась эмпирическая проверка наличия взаимосвязи между шкалой диспозиционной жадности и другими методиками, предназначенными для измерения сходных характеристик;
- выполнялась вторичная эмпирическая проверка методики в целях установления психометрических характеристик.

**Определение психометрических характеристик ШДЖ.** Исходным материалом для разработки

шкалы диспозиционной жадности являлись англоязычные шкалы жадности: *Greed Trait Measure* [11]; *the Greed Subscale of the Vices and Virtues Scale* [18]; *the Dispositional Greed Scale* [9]; *Dispositional Greed Scale* [6].

На базе указанных методик был составлен пилотажный вариант ШДЖ, включающий 29 утверждений (26 прямых и 3 обратных), каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Ликерта. В целях апробации первичной версии шкалы было обследовано 156 респондентов от 20 до 61 года, средний возраст которых составил 40,5 года. На первом этапе стояла задача выявить пункты, обладающие наилучшими измерительными свойствами. Далее с помощью факторного анализа (пороговое значение факторной нагрузки  $\geq 0,40$ ) и анализа надежности (корреляция пункта с суммарным баллом составила  $r \geq 0,45$  при  $p \leq 0,0001$ , коэффициента корреляции переменной с суммой остальных переменных –  $r \geq 0,40$ ;  $\alpha$ -коэффициент Кронбаха при удалении пункта –  $\alpha \geq 0,8$ ) выбрали 16 пунктов, которые были включены в окончательный вариант шкалы для оценки диспозиционной жадности. Все отобранные утверждения являются прямыми пунктами.

**Определение надежности методики по критерию устойчивости.** Для проверки стабильности диагностируемых признаков был применен метод *тест-ретест*. Промежуток между первичным и повторным предъявлением методики составил 3 недели. Данные были получены на выборке из 154 человек (86 мужчин и 68 женщин).

При оценке надежности шкал методики по критерию устойчивости учитывались следующие показатели:

- средние значения и среднеквадратические отклонения значений, которые были получены на первом и втором этапах тестирования по итоговым пунктам шкалы;
- коэффициент корреляции Спирмена между баллами, найденными по пунктам шкалы при первом и повторном тестировании;
- различия между баллами, установленными по итоговым пунктам шкалы при первом и повторном тестировании, которые определялись при помощи *t*-критерия Стьюдента для связанных выборок.

Оценка среднего арифметического значения и среднеквадратического отклонения по выборке для первого и повторного измерений, а также статистический анализ полученных данных указали на отсутствие статистически значимых различий (табл. 1).

Устойчивость значений ШДЖ проверялась путем расчета коэффициентов корреляции между показателями пунктов шкалы первого и второго измерений. Проведенный анализ позволил сделать выводы о наличии статистически значимой положительной корреляции между исходным баллом и баллом, полученным при повторном тестировании по итоговым пунктам шкалы (табл. 2).

Таблица 1

**Средние значения и среднеквадратические отклонения значений по пунктам шкалы (тест-ретест)**

Table 1

**Average values and mean-square deviations on the points scale (test-retest)**

Пункт шкалы	Тест		Ретест		t-Критерий	Достоверность различий, <i>p</i>
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение		
B1	3,28	1,07	3,12	1,13	1,288	0,199
B2	3,63	1,04	3,48	1,12	1,261	0,208
B3	2,39	1,25	2,51	1,17	-0,890	0,374
B4	2,64	1,08	2,62	1,07	0,158	0,874
B5	2,50	1,10	2,70	1,14	-1,619	0,107
B6	2,92	1,29	2,88	1,14	0,233	0,816
B7	2,15	1,04	2,18	0,97	-0,282	0,778
B8	1,79	0,89	2,00	1,00	-1,908	0,057
B9	2,89	1,14	2,98	1,05	-0,672	0,502
B10	2,00	1,10	2,21	1,15	-1,661	0,098
B11	3,15	1,32	3,14	1,25	0,088	0,930
B12	1,68	0,94	1,81	0,97	-1,246	0,214
B13	2,81	1,12	2,80	1,09	0,103	0,918
B14	2,91	1,16	3,00	1,12	-0,648	0,517
B15	3,16	1,17	3,24	1,18	-0,625	0,532
B16	3,64	1,02	3,51	1,01	1,118	0,264
<i>Диспозиционная жадность</i>	<i>43,6</i>	<i>10,12</i>	<i>44,2</i>	<i>10,68</i>	<i>-0,531</i>	<i>0,596</i>

Таблица 2

**Корреляция между пунктами шкалы при первом и повторном тестировании (тест-ретест)**

Table 2

**Correlation between scale points during the first and second testing (test-retest)**

Пункт шкалы	Утверждение	Коэффициент корреляции Спирмена
B1	Независимо от того, сколько я имею, я всегда хочу большего	0,637*
B2	Много денег не бывает	0,622*
B3	Как только я что-нибудь покупаю, я начинаю думать о том, какую вещь я хочу купить в следующий раз	0,595*
B4	Неважно, сколько у меня денег, – я никогда не бываю полностью этим удовлетворен	0,676*
B5	Мой жизненный девиз «Чем больше, тем лучше»	0,648*
B6	Когда я размышляю обо всем, что у меня есть, то первая мысль, которая приходит в голову: «А что я хотел бы иметь потом, в будущем?»	0,544*
B7	Мои действия всегда сосредоточены на получении каких-то материальных благ	0,671*

Окончание табл. 2  
Ending table 2

Пункт шкалы	Утверждение	Коэффициент корреляции Спирмена
B8	Когда со мной делятся чем-либо, я стараюсь получить как можно больше	0,462*
B9	Стремясь получить то, что я хочу, я могу смириться с тем фактом, что другие люди могут остаться в проигрыше	0,386*
B10	«Мне нужно все» стало бы хорошим девизом для меня	0,653*
B11	Мне понравилось бы быть членом каких-то эксклюзивных клубов или групп, которые открыты не для всех	0,387*
B12	Деньги – это самое главное жизненное благо, а друзья – приходят и уходят	0,453*
B13	Даже когда я удовлетворен, я часто ишу чего-то большего	0,577*
B14	Быть финансово состоятельным – моя первоочередная цель	0,604*
B15	Я посчитаю себя успешным, если у меня будет работа, которая даст мне много денег	0,646*
B16	Стремление к большему и лучшему – важная цель в моей жизни	0,528*
Общий балл по ШДЖ		0,644*

Примечание. \* –  $p \leq 0,01$ .

Таким образом, данные, полученные в результате двух измерений тестирования, соответствуют существующим психометрическим требованиям и указывают на устойчивость результатов к повторному исследованию.

**Определение надежности методики по критерию внутренней согласованности.** Для установления внутренней согласованности ШДЖ анализировались пункты, подразумевающие статистическую проверку диагностической пригодности

каждого из пунктов методики, и рассчитывался  $\alpha$ -коэффициент Кронбаха (является мерой внутренней согласованности), который для всех пунктов шкалы был высоким ( $\alpha = 0,86$ ).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что все пункты шкалы достаточно однородны. Таким образом, ШДЖ обладает значительной внутренней надежностью.

Результаты анализа свидетельствуют о высокой степени внутренней согласованности (табл. 3).

Таблица 3

Показатели надежности пунктов шкалы

Table 3

Reliability indicators for scale points

Пункт шкалы	Среднее шкалы, если элемент удален	Дисперсия шкалы, если элемент удален	Скорректированная корреляция элемента и суммы	Квадрат множественной корреляции	$\alpha$ -Коэффициент, если элемент удален
B1	39,3333	106,508	0,425	0,334	0,869
B2	40,9872	106,451	0,419	0,272	0,869
B3	40,6667	99,578	0,683	0,540	0,857
B4	40,5705	102,053	0,613	0,433	0,861
B5	40,3846	104,548	0,464	0,269	0,867
B6	41,3333	105,514	0,548	0,437	0,864
B7	41,3782	108,340	0,417	0,362	0,869
B8	40,7244	106,472	0,405	0,228	0,870
B9	40,0385	103,908	0,440	0,317	0,869
B10	41,5833	108,258	0,465	0,365	0,867
B11	40,4038	103,520	0,507	0,454	0,865

Окончание табл. 3  
Ending table 3

Пункт шкалы	Среднее шкалы, если элемент удален	Дисперсия шкалы, если элемент удален	Скорректированная корреляция элемента и суммы	Квадрат множественной корреляции	$\alpha$ -Коэффициент, если элемент удален
B12	39,9872	103,832	0,508	0,376	0,865
B13	40,1410	100,328	0,661	0,559	0,858
B14	41,0321	101,554	0,644	0,502	0,859
B15	40,1474	104,088	0,518	0,390	0,865
B16	39,6538	106,615	0,466	0,383	0,867

**Определение валидности методики.** Корреляционный анализ данных был проведен, чтобы выявить конкурентную валидность методики, которая определялась по корреляциям показателя диспозиционной жадности адаптируемой шкалы с результатами, полученными при использовании других методик, предназначенных для измерения схожих с жадностью показателей. Применялись методики измерения психологических свойств и состояний личности, которые (по данным предшествующих исследований) могут выступать предикторами диспозиционной жадности. С этой целью респондентам предлагались:

1) опросник «Жадность», разработанный Ю. Щербатых [15], который определяет жадность (ЖД) как черту личности и как чрезмерное стремление получать все больше новых благ и нежелание расставаться с накопленным богатством;

2) опросник «Алчность» (Ю. Щербатых) [15], направленный на выявление личностных характеристик: скупость – щедрость (СЩ); ненасытность – неприязнательность (НН). Сумма этих двух шкал измеряет алчность (А) как личностную черту;

3) опросник измерения монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц в адаптации Д. А. Баязитовой и Т. А. Лапшовой [20]. Данная методика состоит из четырех шкал: избегание денег (ИД); деньги как статус (ДС); поклонение деньгам (ПД); обеспокоенность деньгами (ОД). Опросник направлен на выявление денежных установок как материальной составляющей диспозиционной жадности;

4) опросник диспозиционного материализма (ОДМ), разработанный К. В. Карпинским и Н. В. Кисельниковой (Волковой) [21], диагностирует материализм как индивидуально-психологическое свойство, проявляющееся в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах. Данный опросник представлен четырьмя шкалами: «жадность» (Ж); «зависть» (З); «собственничество» (С), «общий материализм» (ОБМ).

Между показателем диспозиционной жадности разрабатываемой шкалы и шкалами используемых дополнительных методик были обнаружены корреляционные связи (табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязь показателя диспозиционной жадности со шкалами опросников «Жадность», «Алчность», ОДМ и монетарных аттитюдов

Table 4

Correlation of indicator DG with the scales of the questionnaires «Greed», «Avarice», QDM and monetary attitudes

Пункты шкал	СЩ	НН	А	ЖД	ИД	ДС	ПД	ОД	Ж	З	С	ОБМ
Диспозиционная жадность	0,13	0,55**	0,49**	0,09	0,00	0,45**	0,37**	-0,11	0,13	0,43**	0,24**	0,37**
СЩ	-	0,12	0,65**	0,27**	0,03	0,21**	0,17*	-0,1	0,16*	0,26**	0,36**	0,36**
НН	-	-	0,83**	0,11	-0,16*	0,24**	0,25**	-0,25**	0,07	0,37**	0,23**	0,31**
А	-	-	-	0,24**	-0,10	0,30**	0,28**	-0,20*	0,14	0,43**	0,37**	0,44**
ЖД	-	-	-	-	0,15	0,16*	0,19*	0,06	-0,00	0,15	0,29**	0,20*
ИД	-	-	-	-	-	0,41**	0,20**	0,19*	-0,00	0,17*	0,02	0,07
ДС	-	-	-	-	-	-	0,56**	0,07	0,14	0,40**	0,23**	0,36**
ПД	-	-	-	-	-	-	-	0,29**	0,15*	0,29**	0,23**	0,32**
ОД	-	-	-	-	-	-	-	-	0,11	-0,05	0,00	0,03

Окончание табл. 4  
Ending table 4

Пункты шкал	СЩ	НН	А	ЖД	ИД	ДС	ПД	ОД	Ж	З	С	ОбМ
Ж	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,21**	0,21**	0,71**
З	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,25**	0,65**
С	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,70**

Примечание. \* –  $p \leq 0,05$ ; \*\* –  $p \leq 0,01$ .

Были установлены достоверные положительные корреляции между показателем шкалы диспозиционной жадности и показателями шкал других методик: НН ( $r = 0,55, p < 0,001$ ), А ( $r = 0,49, p < 0,001$ ), ДС ( $r = 0,45, p < 0,001$ ), ПД ( $r = 0,37, p < 0,001$ ), З ( $r = 0,43, p < 0,001$ ), С ( $r = 0,24, p < 0,002$ ), ОбМ ( $r = 0,37, p < 0,001$ ). Обнаруженные связи подтверждают, что

шкала для измерения величины диспозиционной жадности обладает внешней валидностью.

Проведенная процедура разработки ШДЖ показала, что данная шкала обладает всеми необходимыми свойствами надежности и валидности. Следовательно, эта методика может применяться для измерения жадности как устойчивой личностной черты.

### Библиографические ссылки

1. Фурманов ИА. Жадность как психологическая категория. В: Гигин ВФ, редактор. *Философия и социальные науки в современном мире. Материалы Международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 604–609.
2. Клевцова ВМ. Когнитивная модель концепта «жадность» в современном английском языке. *Вестник Башкирского университета*. 2009;14(2):403–406.
3. Williams W. Greed versus compassion [Internet]. 2019 [cited 2019 May 5]. Available from: <http://fee.org/articles/greed-versus-compassion>.
4. Levine DP. The attachment of greed to self-interest. *Psychoanalytic Studies*. 2000;2(2):131–140. DOI: 10.1080/146089-50050013323.
5. Oka R, Kuijt I. Greed is bad, neutral, and good: a historical perspective on excessive accumulation and consumption. *Economic Anthropology*. 2014;1(1):30–48. DOI: 10.1002/sea2.12002.
6. Seuntjens TG, Zeelenberg M, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015;108(6):917–933. DOI: 10.1037/pspp0000031.
7. Bruhn JG, Lowrey J. The good and bad about greed: how the manifestations of greed can be used to improve organizational and individual behavior and performance. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2012;64(2):136–150. DOI: 10.1037/a0029355.
8. Chen BB. An evolutionary life history approach to understanding greed. *Personality and Individual Differences*. 2018;127:74–78. DOI: 10.1177/1474704918776176.
9. Krekels G, Pandelaere M. Dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2015;74:225–230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036.
10. Robertson AF. *Greed: Gut feelings, growth, and history* [Internet]. Cambridge: Polity Press; 2001 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://robertsa.faculty.anth.ucsb.edu/greed.pdf>.
11. Mussel PJ, Rodrigues J, Krumm S, Hewig J. The convergent validity of five dispositional greed scales. *Personality and Individual Differences*. 2018;131:249–253. DOI: 10.1016/j.paid.2018.05.006.
12. Wang L, Murnighan JK. On greed. *The Academy of Management Annals*. 2011;5(1):279–316. DOI: 10.1080/19416520.2011.588822.
13. Щербатых ЮВ. Психология жадности. В: *Социально-экономические, правовые и общенаучные аспекты модернизации российской экономики*. Воронеж: ВФ МГЭИ; 2011. с. 215–218.
14. Фурманов ИА. Феномен жадности: психологическая трактовка. В: Богомаз СЛ, Каратерзи ВА, Пашкович СФ, редакторы. *Психологический Vademecum. Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2019. с. 42–46.
15. Щербатых ЮВ. *Семь смертных грехов, или Психология порока для верующих и неверующих*. Москва: АСТ; 2010. 480 с.
16. Kasser T, Sheldon KM. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior. *Psychological Science*. 2000;11(4):348–351. DOI: 10.1111/1467-9280.00269.
17. Cozzolino PJ, Staples AD, Meyers LS, Samboceti J. Greed, death, and values: from terror management to transcendence management theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004;30(3):278–292. DOI: 10.1177/0146167203260716.
18. Veselka L, Giammarco EA, Vernon PA. The Dark Triad and the seven deadly sins. *Personality and Individual Differences*. 2014;67:75–80. DOI: <http://10.1016/j.paid.2014.01.055>.
19. Милютіна КЛ, Трофімов АЮ. Адаптація методики «диспозиції жадібності». *Організаційна психологія. Економічна психологія*. 2019;18(4):62–68. DOI: 10.31108/2.2019.4.18.7.
20. Баязитова ДА, Лапшова ТА. Адаптация опросника монетарных аттитюдов В. и Т. Клонц на русскоязычной выборке. *Петербургский психологический журнал*. 2017;19:112–132.
21. Карпинский КВ, Кисельникова (Волкова) НВ. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка. *Психологический журнал*. 2019;40(1):104–117. DOI: 10.31857/S020595920002256-7.

## References

1. Fourmanov IA. [Greed as a psychological category]. In: Gigin VF, editor. *Filosofiya i sotsial'nye nauki v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 30-letiyu fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 sentyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Philosophy and social sciences in the modern world. Materials of the International scientific conference dedicated to the 30<sup>th</sup> anniversary of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University; 2019 September 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 604–609. Russian.
2. Klevcova VM. Cognitive model of the concept «greed» in modern English. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2009; 14(2):403–406. Russian.
3. Williams W. Greed versus compassion [Internet]. 2019 [cited 2019 May 5]. Available from: <http://fee.org/articles/greed-versus-compassion>.
4. Levine DP. The attachment of greed to self-interest. *Psychoanalytic Studies*. 2000;2(2):131–140. DOI: 10.1080/14608950050013323.
5. Oka R, Kuijt I. Greed is bad, neutral, and good: a historical perspective on excessive accumulation and consumption. *Economic Anthropology*. 2014;1(1):30–48. DOI: 10.1002/sea2.12002.
6. Seuntjens TG, Zeelenberg M, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015;108(6):917–933. DOI: 10.1037/pspp0000031.
7. Bruhn JG, Lowrey J. The good and bad about greed: how the manifestations of greed can be used to improve organizational and individual behavior and performance. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2012;64(2):136–150. DOI: 10.1037/a0029355.
8. Chen BB. An evolutionary life history approach to understanding greed. *Personality and Individual Differences*. 2018; 127:74–78. DOI: 10.1177/1474704918776176.
9. Krekels G, Pandelaere M. Dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2015;74:225–230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036.
10. Robertson AF. *Greed: Gut feelings, growth, and history* [Internet]. Cambridge: Polity Press; 2001 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://robertsa.faculty.anth.ucsb.edu/greed.pdf>.
11. Mussel PJ, Rodrigues J, Krumm S, Hewig J. The convergent validity of five dispositional greed scales. *Personality and Individual Differences*. 2018;131:249–253. DOI: 10.1016/j.paid.2018.05.006.
12. Wang L, Murnighan JK. On greed. *The Academy of Management Annals*. 2011;5(1):279–316. DOI: 10.1080/19416520.2011.588822.
13. Shherbatyh JuV. [The psychology of greed]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie, pravovye i obshchenauchnye aspekty modernizatsii rossiiskoi ekonomiki* [Socio-economic, legal and general scientific aspects of the modernization of the Russian economy]. Voronezh: Moscow Humanitarian Economic University, Voronezh Branch; 2011. p. 215–218. Russian.
14. Fourmanov IA. The phenomenon of greed: psychological interpretation. In: Bogomaz SL, Karaterzi VA, Pashkovich SF, editors. *Psikhologicheskii Vademecum. Psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noi srede: mul'tidistsiplinarnyi podkhod*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2019. p. 42–46. Russian.
15. Shherbatyh JuV. *Sem' smertnykh grekhov, ili Psikhologiya poroka dlya veruyushchikh i neveruyushchikh* [Seven deadly sins, or the Psychology of vice for believers and non-believers]. Moscow: AST; 2010. 480 p. Russian.
16. Kasser T, Sheldon KM. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior. *Psychological Science*. 2000;11(4):348–351. DOI: 10.1111/1467-9280.00269.
17. Cozzolino PJ, Staples AD, Meyers LS, Samboceti J. Greed, death, and values: from terror management to transcendence management theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004;30(3):278–292. DOI: 10.1177/0146167203260716.
18. Veselka L, Giammarco EA, Vernon PA. The Dark Triad and the seven deadly sins. *Personality and Individual Differences*. 2014;67:75–80. DOI: 10.1016/j.paid.2014.01.055.
19. Miliutina KL, Trofimov AYu. Adaptation of the method «disposition of greed». *Organizacijna psihologija. Ekonomichna psihologija*. 2019;18(4):62–68. DOI: 10.31108/2.2019.4.18.7. Ukrainian.
20. Bajazitova DA, Lapshova TA. Monetary attitudes: Russian language adaptation of Klontz Money Script Inventory. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*. 2017;19:112–132. Russian.
21. Karpinskiy KV, Kiselnikova (Volkova) NV. The questionnaire of dispositional materialism (QDM): conceptual bases and psychometric development. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019;40(1):104–117. DOI: 10.31857/S020595920002256-7. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.05.2020.  
Received by editorial board 28.05.2020.

## СУБЪЕКТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ (ТЕОРИЯ РЕЙТИНГОВ)

В. М. РОМАНЧАК<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский национальный технический университет,  
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Рассматривается вариант теории измерений. Чтобы измерение удовлетворяло строгим математическим требованиям, необходимо подтвердить количественный характер атрибутов. Однако большинство измерений в психологии не соответствуют этому критерию. Высказывается предположение, что такое обстоятельство объясняется не отсутствием компетентности у специалистов, а отсутствием теории измерений, в рамках которой можно было бы выполнить данную проверку. Делается вывод о том, что в общепринятой теории репрезентативных измерений такая проверка не предусмотрена. В связи с этим предлагается использовать теорию рейтингов (дается ее краткая формулировка), с ее помощью можно эмпирически подтвердить количественный характер измеряемого атрибута. Разбирается реальный пример эффективного анализа данных. Применение теории рейтингов позволяет устранить парадоксальное противоречие между законами Фехнера и Стивенса и доказать количественный характер значений, полученных субъективными методами измерения.

**Ключевые слова:** экспертные оценки; рейтинг; закон Фехнера; закон Стивенса; теория измерений.

## SUBJECTIVE MEASUREMENTS (RATING THEORY)

V. M. ROMANCHAK<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

In this paper, a version of the theory of measurements is proposed. The introduction provides links to papers that discuss various measurement theories. In order for a measurement to satisfy strict mathematical criteria, it is necessary to confirm the quantitative nature of the attributes. However, most dimensions in psychology do not satisfy these strict criteria. The paper assumes that this state of affairs is explained not by the lack of competence among specialists, but by the lack of a measurement theory within which such a test could be performed. It is concluded that, within the framework of the existing theory of representative measurements, such a check is not provided. In this connection, the paper proposes to use the theory of ratings instead of a representative theory of measurements. A brief formulation of rating theory is given. It is emphasized that using the theory of ratings it is possible to empirically confirm the quantitative nature of the measured attribute. A real-world example of effective data analysis is analyzed. The application of rating theory allows us to eliminate the paradoxical contradiction between the laws of Fechner and Stevens and confirm the quantitative nature of the values obtained by subjective measurement methods.

**Keywords:** expert estimates; rating; Fechner law; Stevens law; measurement theory.

### Введение

Развитие теории измерений психологических атрибутов привело к дискуссии вокруг определения измеримости [1–4]. Сторонники математической теории измерений считают, что в психометрии без доказательств принимается гипотеза о количественном характере психологических атрибутов, которые

---

#### Образец цитирования:

Романчак ВМ. Субъективные измерения (теория рейтингов). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:87–98.

#### For citation:

Romanchak VM. Subjective measurements (rating theory). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:87–98. Russian.

---

#### Автор:

**Василий Михайлович Романчак** – кандидат физико-математических наук, доцент; доцент кафедры инженерной математики инженерно-физического факультета.

#### Author:

**Vasily M. Romanchak**, PhD (physics and mathematics), docent; associate professor at the department of engineering mathematics, faculty of engineering and physics. [romanchak@bntu.by](mailto:romanchak@bntu.by)

на самом деле являются порядковыми [3; 4]. Приверженцы операционализма думают, что если присвоение значений переменным происходит разумно и приводит к плодотворным результатам, то это вполне оправданно [5; 6]. В настоящей работе сформулирован такой вариант теории измерений, как теория рейтингов [7; 8], применение которой позволяет эмпирически подтвердить количественный характер измеряемого атрибута и устранить парадоксальное противоречие между законами Фехнера и Стивенса [9].

Обоснуем актуальность теории рейтингов. В 1946 г. Стэнли Смит Стивенс предложил рассматривать в качестве измерения «присвоение числительных объектам или событиям согласно правилам» [5]. Дальнейшее развитие идеи С. Стивенса получили в репрезентативной теории измерений (РТИ) [10; 11], в которой отношения, установленные для чисел, выполняются и на множестве реакций. В зависимости от того, какие именно отношения можно принять для данного множества реакций, строится и соответствующая шкала измерения. По общепринятой классификации обычно рассматривают четыре основных типа шкал: наименования и порядок (относятся к качественной шкале), интервалы и отношения (считаются количественными, так как позволяют установить количественные соотношения между элементами).

Но РТИ не нашла поддержки среди психологов. Вместо РТИ С. Стивенс и его коллеги использовали операционную теорию измерений, где вопрос о типе шкалы решается анализом значений, полученных в результате измерения без анализа свойств соответствующего атрибута. Разумеется, можно оценивать величину объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$  в баллах (например,  $r(A_1) = 1, r(A_2) = 3$ ). Однако без обоснования нельзя утверждать, что величина объекта  $A_2$  в три раза или на две единицы больше объекта  $A_1$ . Дать количественную характеристику величине в некоторых случаях может специалист, но обычный человек не способен сказать, насколько или во сколько раз одно проявление свойства больше или меньше другого. Тем не менее С. Стивенс разработал и внедрил в практику психологических измерений ряд методов, которые нарушают это правило. Например, в методе деления испытуемому предъявляют стандартный стимул  $S$  и просят подобрать к нему среди предлагаемых для сравнения стимулов такой, величина которого составляет  $1/2$  или  $1/3$  и т. п. При этом вопрос о том, является ли субъективно измеряемая величина количественной, не рассматривается. Необходимо отметить, что метод деления входит в учебники по психологии [12; 13]. Это означает следующее: в психологических измерениях РТИ фактически применяется только для описания эмпирических структур, а не доказательства их существования. Мнения о несоответствии РТИ требованиям психологов расходятся. Одни из них считают, что РТИ не подходит для измерения психологических атрибутов [14; 15]. Другие же видят причину в сложности РТИ, поэтому психологам трудно понять, как общие математические принципы РТИ можно применить к конкретным эмпирическим вопросам [2].

Здесь можно высказать предположение о принципиальном недостатке самой РТИ: существующая аксиоматизация РТИ обеспечивает описание процесса измерений, но не может служить в качестве обоснования количественного характера измеряемой величины. В РТИ отсутствует встроенный механизм проверки адекватности числовых отношений эмпирической структуре, однако он есть в классической теории измерений для аддитивных фундаментальных физических величин (например, массы или площади) [3]. Аксиоматическое определение аддитивности позволяет предложить конструктивный способ измерения и подтвердить количественный характер измеряемой величины. Например, соединив два стержня, длина которых равна одной единице измерения, получим стержень длиной две единицы измерения. Этот теоретический результат можно проверить с помощью объективного опыта, но величины, измеряемые в психологии, не являются аддитивными. Так, для получения значений субъективной величины в психологии широко применяется метод парных сравнений, с помощью которого оценивают, в частности, привлекательность объектов, проводя парные сравнения и используя для аппроксимации параметрические модели Терстоуна – Мостеллера и Брэдли – Терри [12; 16]. Вместе с тем вопрос, являются ли результаты измерения количественной или качественной характеристикой, не рассматривается. Считается, что такой подход будет приемлем при проведении психологических измерений [3].

Несмотря на то что психофизические законы Фехнера и Стивенса приводят к различным значениям субъективно измеряемой величины, психологи по-прежнему используют операционную теорию измерений и игнорируют РТИ. Такая практика психологических исследований подтверждает, что стандартная РТИ, базирующаяся на работах А. Тарского [11], не может служить основой для проведения измерений в психологии.

В настоящей статье рассматривается математическая модель измерения некоторой величины (свойства атрибута) – теория рейтингов [7; 8], идея которой взята из теории категорий [17]. Введение рейтинга позволяет отделить процедуру измерения от выбора шкалы измерения. Чтобы установить существование рейтинга, который является критерием количественного характера измеряемой величины, достаточно проверить соответствие эмпирических данных математической модели рейтинга. На основании теории рейтингов получена естественная интерпретация психофизических законов Фехнера и Стивенса: оба закона оказываются эквивалентными.

Цель исследования – кратко изложить теорию рейтингов. Дополнительно рассматривается метод проверки адекватности математической модели измерения рейтинга эмпирическим данным. Вначале представлены классическое и аксиоматическое определения рейтинга [7; 8].

### Классическое определение рейтинга

В определении классической вероятности понятие симметрии исходов является аксиоматическим и принимается на основании мнения эксперта. Например, при подбрасывании монеты эксперт интуитивно полагает, что стороны монеты достаточно симметричны, поэтому с одинаковой вероятностью может выпасть любая из сторон. Классическое определение вероятности сводит вычисление вероятности к понятию событий, одинаковых по вероятности. В классическом определении рейтинга аксиоматически рассматриваются особые объекты измерения. В книге А. А. Фридмана «Мир как пространство и время» предлагается находить величину «интенсивности» объекта с помощью особой группы объектов  $A_1, A_2, A_3, \dots, A_n$ , обладающих характерным свойством «равноотстоящей интенсивности» [18]. Введем понятие объектов, величина которых изменяется равномерно от объекта к объекту, если их расположить в порядке возрастания этой величины. Приведем примеры таких объектов.

1. Астроном Гиппарх, наблюдая за звездами, разделил их по яркости на шесть величин, где первая – самый яркий объект, а шестая – наиболее тусклый. Промежуточные величины он распределил равномерно между оставшимися звездами.

2. Густав Теодор Фехнер рассматривал едва заметные различия субъективных ощущений [9]. Например, эксперт может сравнивать вес двух объектов. Вес второго объекта увеличивается до тех пор, пока эксперт не скажет, что тот «стал больше». Таким образом, последовательно строятся объекты, которые упорядочены по возрастанию веса и едва заметно различаются. Едва заметные различия Г. Фехнер считал равными: эксперт только отличает наступление едва заметного различия, а все различия для него (субъективно) одинаковые.

3. Луис Леон Терстоун использовал шкалу равнокажущихся интервалов для измерения исследуемых психологических и социальных характеристик [13]. Отличительной особенностью шкалы Терстоуна является то, что интервалы между показателями соседних высказываний с субъективной точки зрения примерно одинаковы. Такое свойство шкалы достигается за счет метода ее построения.

В приведенных примерах рассматривается последовательность объектов, величины которых изменяются равномерно (распределены равномерно, имеют едва заметные различия, принадлежат равнокажущимся интервалам). Будем считать, что эксперт может указать последовательность объектов, величина которых изменяется равномерно от одного объекта к другому.

Пусть величина объектов  $A_1, A_2, A_3, \dots, A_n$  изменяется равномерно в зависимости от номера объекта. Тогда значения этой величины должны изменяться тоже равномерно. Существуют два основных способа сравнить значения величины. Обычно находят разность значений или отношение значений. В первом случае постоянна разность значений величины ( $u_{i+1} - u_i = const$ ), а во втором случае постоянно отношение значений величины ( $v_{i+1}/v_i = const$ ), тогда значения  $u_i = u(A_i)$  и  $v_i = v(A_i)$  можно получить из решения системы уравнений вида

$$u_i - u_j = \lambda_1 r(A_i, A_j), \quad (1)$$

$$\ln v_i - \ln v_j = \lambda_2 r(A_i, A_j), \quad (2)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $r(A_i, A_j) = i - j$ ;  $\lambda_1, \lambda_2$  – неизвестные постоянные,  $\lambda_1 > 0, \lambda_2 > 0$ ;  $u_i \in \mathfrak{R}$ ,  $\mathfrak{R}$  – множество действительных чисел;  $v_i \in \mathfrak{R}^+$ ,  $\mathfrak{R}^+$  – множество положительных действительных чисел. В (1) и (2) участвует отображение вида  $R(A_i, A_j) = \lambda r(A_i, A_j)$ , где  $\lambda$  – неизвестная постоянная масштаба. Отображение  $R(A_i, A_j)$  будет называться рейтингом. Кроме того, определим отображение  $R(A_i)$  с помощью равенства  $R(A_i, A_j) = R(A_i) - R(A_j)$ . Отображение  $R(A_i)$  также будем называть рейтингом (рейтингом объектов). Если рейтинг  $R(A_i, A_j)$  определен с точностью до постоянной масштаба  $\lambda$ , то рейтинг объектов – с точностью до линейного преобразования, и выполняется равенство  $R(A_i) = \lambda r(A_i) + C$ , где  $r(A_i) = i$ , причем  $r(A_i)$  – численное значение рейтинга;  $C$  – произвольная постоянная. Такое определение рейтинга назовем классическим.

В левую часть уравнения (1) входит разность значений  $u_i - u_j$ , а в уравнение (2) – логарифм отношения значений  $\ln(v_i/v_j)$ , поэтому будем говорить о двух основных способах сравнения значений величины (разности или отношении значений). Рейтинг не зависит от выбора способа сравнения, но меняется при

изменении значений величины, поэтому его можно рассматривать как обобщенную характеристику изменения значений величины.

**Пример 1.** Пусть площадь шести непересекающихся кругов  $A_1, A_2, \dots, A_6$  (табл. 1, строка 2), с точки зрения респондента, изменяется равномерно. Для  $\lambda = 1, C = 0$  значение рейтинга объекта  $A_i$  совпадает с номером объекта –  $r(A_i) = i$ , а значение рейтинга пары объектов  $(A_i, A_j)$  равно разнице номеров объектов –  $r(A_i, A_j) = i - j$ . Значения величины можно найти по формулам  $u_i = i$  и  $v_i = 2^{i-1}$ , где  $i$  – номер объекта.

Таблица 1

Круги, площадь которых изменяется равномерно

Table 1

The area of the circles changes evenly

$r_i$	1	2	3	4	5	6
$A_i$						

Рейтинг объекта  $R(A_i)$  можно интерпретировать как номера деления на шкале прибора измерения, а рейтинг  $R(A_i, A_j)$  – как расстояние между делениями этой шкалы. Значения рейтинга  $R(A_i, A_j)$  характеризуют различие в проявлении некоторого свойства.

### Аксиоматическое определение рейтинга

В общем случае введем аксиоматическое определение рейтинга для множества объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$ . Областью определения рейтинга являются объекты  $A_1, A_2, \dots, A_n$  и пары объектов  $(A_i, A_j)$ , где  $i, j = 1, 2, \dots, n, i \geq j$ .

**Определение.** Рейтинг  $R(A_i, A_j)$  – это отображение на множество действительных чисел, для которого выполняется свойство

$$R(A_i, A_j) = R(A_i, A_k) + R(A_k, A_j), \quad (3)$$

где  $i, j, k = 1, 2, \dots, n, i \geq j \geq k$ . Чтобы сравнивать объекты в любом порядке, дополнительно считаем, что выполняется равенство

$$R(A_i, A_j) = -R(A_j, A_i), \quad (4)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ . Если определен рейтинг  $R(A_i, A_j)$ , то можно найти рейтинг  $R(A_i)$  (объектов) как функцию, значения которой удовлетворяют уравнению

$$R(A_i, A_j) = R(A_i) - R(A_j). \quad (5)$$

Отметим, что если известен рейтинг  $R(A_i, A_j)$  который удовлетворяет равенствам (3) и (4), то существует рейтинг объектов  $R(A_i)$ . Если предположить обратное (установлен рейтинг объектов  $R(A_i)$ , и выполняется равенство (5)), тогда равенства (3) и (4) выполняются тождественно. В зависимости от того, какой рейтинг считается известным, приходим к теории рейтингов или РТИ. В теории рейтингов экспериментально получают значения рейтинга  $R(A_i, A_j)$  и проверяют адекватность аксиом рейтинга (3) и (4) эмпирическим данным. Далее находят рейтинг объектов  $R(A_i)$  из равенства (5). Если рассматривать обратную ситуацию, когда экспериментально определены значения рейтинга объектов  $R(A_i)$ , а рейтинг  $R(A_i, A_j)$  находится по формуле (5), то вопрос об адекватности рейтинга  $R(A_i, A_j)$  эмпирическим данным остается открытым. Аналогичный подход используется в РТИ.

Классическое определение рейтинга для объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$  можно конструктивно задать на основании аксиоматического. Для этого достаточно считать, что выполняется равенство  $R(A_{i+1}, A_i) = \lambda$ , в котором  $i = 1, 2, \dots, n - 1$ ;  $\lambda$  – неизвестная постоянная,  $\lambda > 0$ .

*Замечание.* Рейтинг можно определить, используя теорию категорий. Категория, в которую входит множество объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$  и упорядоченных пар объектов (морфизмов)  $(A_i, A_j), i \geq j$  [10], является областью определения рейтинга, а категория, состоящая из множества числовых значений  $a_1, a_2, \dots, a_n$  и раз-

ностей значений (морфизмов)  $a_i - a_j, i \geq j$ , – областью значений. Рейтинг отображает объекты на множество действительных чисел и сохраняет структуру отношений между объектами:  $a_i = R(A_i), a_i - a_j = R(A_i, A_j)$ . Таким образом, рейтинг является функтором, и этим теория рейтингов принципиально отличается от РТИ. В основе РТИ лежит теория множеств. В теории рейтингов базовым понятием выступает не величина объектов, а функция взаимодействия объектов по величине (например, результат взаимосвязи двух грузов при взвешивании на рычажных весах). Используя взаимодействие, проводят эксперименты и получают значения рейтинга  $R(A_i, A_j)$ . В дальнейшем определения теории категорий в работе не применяются.

Если найдены численные значения рейтинга  $r_{ij} = r(A_i, A_j)$ , где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ , то можно полагать, что  $R(A_i, A_j) = \lambda r_{ij}$ , где  $\lambda$  – неизвестная постоянная масштаба. Тогда на основании равенства (5) рейтинг объектов  $R_i = R(A_i)$  находится из решения системы уравнений

$$\lambda r_{ij} = R_i - R_j, \quad (6)$$

здесь  $i, j = 1, 2, \dots, n$ . Решение системы (6) определено с точностью до линейного преобразования, поэтому в дальнейшем будет удобно считать, что рейтинг объектов определен с точностью до линейного преобразования. Используя определение рейтинга, дадим определение значениям величины.

### Значения величины

Пусть  $r(A_i, A_j)$  – значения рейтинга. Аксиоматически установим, что значения величины и рейтинга должны удовлетворять системе уравнений (1) и (2), где  $u(A_i) = u(A_i); v_i = v(A_i)$  – значения величины объекта  $A_i$  при  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $\lambda_1, \lambda_2$  – неизвестные постоянные масштаба,  $\lambda_1, \lambda_2 > 0$ ;  $u_i \in \mathfrak{R}, \mathfrak{R}$  – множество всех действительных чисел;  $v_i \in \mathfrak{R}^+, \mathfrak{R}^+$  – множество всех положительных чисел. Пусть заданы значения рейтинга  $r(A_i, A_j)$ . Тогда значения величины являются решением системы уравнений (1) и (2). Если известны значения величины  $u_i \in \mathfrak{R}$  и  $v_i \in \mathfrak{R}^+$ , то должно выполняться условие совместности.

**Теорема** (условие совместности). Для того чтобы система уравнений (1) и (2) была совместна, необходимо и достаточно выполнить условие

$$u_i - u_j = \lambda \ln(v_i / v_j), \quad (7)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $u_i, u_j \in \mathfrak{R}; v_i, v_j \in \mathfrak{R}^+; \lambda > 0, \lambda$  – постоянная. Доказательство следует непосредственно из определения значений величины (см. (1) и (2)).

Пусть определена разность  $u_i - u_j$  или отношение  $v_i / v_j$  значений некоторой величины, где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ , тогда можно найти рейтинг по формулам (1) или (2). Верно и обратное утверждение: если задан рейтинг  $r(A_i, A_j)$ , то для него можно определить разность или отношения значений величины по формулам (1) и (2). В связи с этим существование рейтинга будем рассматривать как критерий количественного характера измеряемой величины.

Дополнительно разберем алгебраическую интерпретацию условия совместности (7) (для простоты считаем, что  $\lambda = 1$ ). Пусть выполняются равенства  $u_i = \ln(u_i), u_j = \ln(v_j)$  тогда выражение (7) есть тождество, которое является следствием того, что группа положительных чисел  $\mathfrak{R}^+$  по умножению изоморфна группе действительных чисел  $\mathfrak{R}$  по сложению. Следовательно, можно перейти от разности чисел  $u_i, u_j$  к отношению чисел  $v_i, v_j$  с помощью изоморфизма  $u = \ln(v)$ . В теории групп изоморфные группы принято не различать. Это означает, что значения величины определены с точностью до изоморфизма и каждому объекту соответствует два значения величины.

**Пример 2.** Пусть  $m_i$  – численное значение массы объекта  $A_i$  в классической теории измерений. В теории рейтингов каждому объекту  $A_i$  с массой  $m_i$  можно поставить в соответствие два значения:  $u_i = m_i$  и  $v_i = \exp(m_i)$ , причем в первом случае определена разность значений  $(u_i - u_j)$ , во втором – отношение значений  $(v_i / v_j)$ .

В классической теории измерений значения величины определяются однозначно. Так проще, и такая традиция. При проведении психологических измерений исследователи продолжают считать, что значение величины должно быть единственным. Если разные способы сравнения приводят к различным значениям величины, возникает серьезная проблема [9], которую можно решить, несмотря на традиционные представления, с помощью теории рейтингов. Например, масса объектов в теории рейтингов может быть мультипликативной или аддитивной величиной. Подчеркнем, что решение этой проблемы не сводится к тривиальной замене переменных, а опирается на такое фундаментальное понятие алгебры, как изоморфизм.

### Модель измерения рейтинга

Будем рассматривать множества объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$ , для которых необходимо найти рейтинг. Обозначим  $R_{ik}(A_i, A_k)$  как значение рейтинга. Выберем объект  $A_k$ , который назовем единицей измерения. Пусть уравнение измерения рейтинга  $R_{ik}$  имеет вид

$$R_{ik} = \beta_k r_{ik}, \quad (8)$$

где  $i = 1, \dots, n$ ;  $r_{ik}$  – значение (числовое) рейтинга, полученное при выполнении операции измерения;  $\beta_k$  – постоянная масштаба,  $\beta_k > 0$ . Равенство (8) означает, что рейтинг  $R_{ik}$  совпадает с числовым значением рейтинга  $r_{ik}$  с точностью до постоянной масштаба  $\beta_k$ . В физике обычно фиксируют единицу измерения. Особенностью субъективных измерений является отсутствие фиксированной единицы измерения. Вполне естественно считать, что разным единицам измерения могут соответствовать разные постоянные масштаба  $\beta_k$ , где  $k = 1, 2, \dots, m$ . Наша задача – установить условия существования рейтинга, для этого нужны по крайней мере две единицы измерения ( $m \geq 2$ ). Используя определение (5) и уравнение измерения (8), получим систему уравнений

$$R_i - R_k = \beta_k r_{ik} \quad (9)$$

для определения неизвестных параметров  $\beta_k$  и значений рейтинга  $R_i$ , где  $i = 1, 2, \dots, n$ ;  $k = 1, 2, \dots, m$ . Так как значения рейтинга  $R_i$  определены с точностью до постоянной, можно считать, что выполняется равенство  $\sum_{i=1}^n R_i = 0$ . Из системы уравнений (9) следует условие

$$R_i = \beta_k (r_{ik} - \bar{r}_k), \quad (10)$$

где  $i = 1, \dots, n$ ;  $k = 1, 2, \dots, m$ ;  $r_{ik}$  – значение рейтинга;  $r_{kk} = 0$ ;  $\beta_k > 0$ ;  $\bar{r}_k = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n r_{ik}$ ;  $\beta_k, R_i$  – неизвестные,  $i = 1, 2, \dots, n$ ,  $k = 1, 2, \dots, m$ .

Если известны значения  $r_{ik}$ ,  $i = 1, \dots, n$ ,  $k = 1, 2, \dots, m$ , причем  $r_{kk} = 0$  и для таких значений выполняется условие (10), тогда существует рейтинг, определенный на подмножестве упорядоченных пар по формуле  $R_{ik} = \beta_k r_{ik}$ . Действительно, для  $i = k$ , с учетом равенства  $r_{kk} = 0$ , получим  $R_k = -\beta_k \bar{r}_k$ . В таком случае из уравнения (10) следует уравнение (9) и для отображения  $R_{ik} = \beta_k r_{ik}$  выполняются свойства рейтинга для  $i = 1, \dots, n$  и  $k = 1, 2, \dots, m$ .

Чтобы подтвердить существование рейтинга, вместо системы (10) будем рассматривать систему уравнений вида

$$W_i = b_k (w_{ik} - \bar{w}_k), \quad (11)$$

где  $w_{ik}$  – наблюдаемые значения рейтинга;  $\bar{w}_k = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n w_{ik}$ ,  $i = 1, 2, \dots, n$ ,  $k = 1, 2, \dots, m$ ;  $b_k, W_i$  – неизвестные параметры ( $W_i$  – оценки рейтинга  $R_i$ ). Квазирешение системы (11) найдем методом наименьших квадратов. Минимизируя выражение

$$S = \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^n (W_i - b_k (w_{ik} - \bar{w}_k))^2,$$

получим равенство

$$W_i = \frac{1}{m} \sum_{k=1}^m b_k (w_{ik} - \bar{w}_k). \quad (12)$$

Значения  $W_i$  можно определять с точностью до постоянного множителя, поэтому можно считать, что  $b_m = 1$ , а оставшиеся неизвестные значения  $b_k$  получим из решения системы линейных уравнений

$$mb_p \sum_{i=1}^n (w_{ip} - \bar{w}_p)^2 - \sum_{k=1}^m b_k \sum_{i=1}^n (w_{ik} - \bar{w}_k)(w_{ip} - \bar{w}_p) = 0, \quad (13)$$

где  $p = 1, 2, \dots, m-1$ ,  $m \geq 2$ . В частном случае, когда  $m = 2$ , система (13) принимает вид

$$b_1 \sum_{i=1}^n (w_{i1} - \bar{w}_1)^2 = b_2 \sum_{i=1}^n (w_{i2} - w_1)(w_{i1} - w_1).$$

Если значения  $W_i$  удовлетворяют системе уравнений (11) и  $w_{ik} = 0$ , тогда существует рейтинг, определенный на подмножестве упорядоченных пар по формуле  $R_{ik} = \beta_k (W_i - W_k)$ , где  $i = 1, 2, \dots, n$ ;  $k = 1, 2, \dots, m$ .

Для проверки выполнения уравнений (11) (при наличии случайных ошибок) будем рассматривать модель регрессии вида

$$W_i = \alpha_k (w_{ik} - \bar{w}_k) + \varepsilon_{ik}, \quad (14)$$

где  $i = 1, \dots, n$ ;  $k$  – фиксировано,  $k \in \{1, 2, \dots, m\}$ ;  $w_{ik}$  – эмпирическая оценка значения рейтинга  $r_{ik}$ ;  $\bar{w}_k$  – среднее значение для  $w_{ik}$ , причем  $w_{kk} = 0$ ;  $W_i$  – оценки рейтинга, полученные по формуле (12);  $a_k$  – постоянные;  $\varepsilon_{ik}$  – случайные ошибки. В модели (14) уравнение регрессии соответствует уравнениям системы (11). Предположительно,  $\varepsilon_{ik}$  – независимые нормально распределенные случайные величины с математическим ожиданием  $E(\varepsilon_{ik}) = 0$  и постоянной дисперсией для каждого фиксированного  $k$ . В таком случае можно ограничиться проверкой значимости коэффициента корреляции Пирсона  $\rho_k = \rho(W, w_k)$ . Если коэффициент корреляции значим, то уравнение регрессии соответствует тому же уровню значимости. Таким образом, получено экспериментальное подтверждение существования рейтинга для заданного  $k$ .

**Пример 3.** Объектами измерения являлись девять знаменитостей ( $n = 9$ ), в том числе три политика, три спортсмена и три актера. В исследовании участвовали  $n(n-1)/2 = 36$  пар объектов и 234 респондента, которых спрашивали, с кем они предпочли бы поговорить в течение одного часа. Результаты парных сравнений ( $f_{ij}$ ) представлены табл. 2.

Таблица 2

Результаты парных сравнений

Table 2

The results of the pairwise comparisons

	L. B. J.	H. W.	C. d. G.	J. U.	C. Y.	A. J. F.	B. B.	E. T.	S. L.
L. B. J.	0	159	163	175	183	179	173	160	142
H. W.	75	0	138	164	172	160	156	122	122
C. d. G.	71	96	0	145	157	138	140	122	120
J. U.	59	70	89	0	176	115	124	86	61
C. Y.	51	62	77	58	0	77	95	72	61
A. J. F.	55	74	96	119	157	0	134	92	71
B. B.	61	78	94	110	139	100	0	67	48
E. T.	74	112	112	148	162	142	167	0	87
S. L.	92	112	114	173	173	163	186	147	0

Примечание. Пример и значения  $f_{ij}$  взяты из работы [16]. В первых строке и столбце находятся инициалы знаменитостей.

Таблица 3

Матрица парных сравнений объектов

Table 3

The matrix of pairwise comparisons of objects

	A <sub>1</sub>	A <sub>2</sub>	A <sub>3</sub>	A <sub>4</sub>	A <sub>5</sub>	A <sub>6</sub>	A <sub>7</sub>	A <sub>8</sub>	A <sub>9</sub>
A <sub>1</sub>	0	84	92	116	132	124	112	86	50
A <sub>2</sub>	-84	0	42	94	110	86	78	10	10
A <sub>3</sub>	-92	-42	0	56	80	42	46	10	6
A <sub>4</sub>	-116	-94	-56	0	118	-4	14	-62	-112
A <sub>5</sub>	-132	-110	-80	-118	0	-80	-44	-90	-112
A <sub>6</sub>	-124	-86	-42	4	80	0	34	-50	-92
A <sub>7</sub>	-112	-78	-46	-14	44	-34	0	-100	-138
A <sub>8</sub>	-86	-10	-10	62	90	50	100	0	-60
A <sub>9</sub>	-50	-10	-6	112	112	92	138	60	0

Оценка значений рейтинга  $w_{ij}$  в табл. 3 рассчитывается по формуле  $w_{ij} = f_{ij} - f_{ji}$ , где  $f_{ij}$  – разница частот, с которой знаменитость с номером  $i$  более предпочтительна, чем знаменитость с номером  $j$ .

В табл. 4 приведены центрированные оценки рейтинга  $\dot{w}_{ik} = w_{ik} - \bar{w}_k$ , полученные на основании табл. 3, и оценки рейтинга  $W_i$ , рассчитанные по формуле (12).

Таблица 4

**Центрированные оценки рейтинга**

Table 4

**Centered rating scores**

$\dot{w}_1$	$\dot{w}_2$	$\dot{w}_3$	$\dot{w}_4$	$\dot{w}_5$	$\dot{w}_6$	$\dot{w}_7$	$\dot{w}_8$	$\dot{w}_9$	$W$
88,4	122,4	103,8	81,3	46,9	93,3	58,9	101,1	99,8	88,9
4,4	38,4	53,8	59,3	24,9	55,3	24,9	25,1	59,8	38,8
-3,6	-3,6	11,8	21,3	-5,1	11,3	-7,1	25,1	55,8	15,1
-27,6	-55,6	-44,2	-34,7	32,9	-34,7	-39,1	-46,9	-62,2	-35,7
-43,6	-71,6	-68,2	-152,7	-85,1	-110,7	-97,1	-74,9	-62,2	-79,6
-35,6	-47,6	-30,2	-30,7	-5,1	-30,7	-19,1	-34,9	-42,2	-31,4
-23,6	-39,6	-34,2	-48,7	-41,1	-64,7	-53,1	-84,9	-88,2	-55,0
2,4	28,4	1,8	27,3	4,9	19,3	46,9	15,1	-10,2	11,3
38,4	28,4	5,8	77,3	26,9	61,3	84,9	75,1	49,8	47,6

Коэффициенты парной корреляции  $\rho_k = \rho(W, \dot{w}_k)$ , где  $k = 1, \dots, m$ , вместе с достигаемым уровнем значимости приведены в табл. 5.

Таблица 5

**Коэффициенты корреляции**

Table 5

**Correlation coefficients**

$\dot{w}_1$	$\dot{w}_2$	$\dot{w}_3$	$\dot{w}_4$	$\dot{w}_5$	$\dot{w}_6$	$\dot{w}_7$	$\dot{w}_8$	$\dot{w}_9$
0,0004	0,0001	0,0002	0,0001	0,0092	0,0000	0,0006	0,0000	0,0002

Коэффициент корреляции значим по критерию Стьюдента, и модель регрессии (14) адекватна по критерию Фишера для всех  $\dot{w}_k$  (при уровне значимости 0,05), поэтому считаем, что получено экспериментальное подтверждение существования рейтинга.

Таблица 6

**Значения рейтинга**

Table 6

**The value of the rating**

Инициалы знаменитостей	Tversky & Sattath	OptiPt	Теория рейтингов
L. B. J.	1,00	1,0000	1,00
S. L.	0,66	0,6401	0,78
H. W.	0,57	0,5416	0,73
C. d. G.	0,40	0,3927	0,60
E. T.	0,43	0,4165	0,58
A. J. F.	0,19	0,1795	0,35
J. U.	0,19	0,1803	0,33

Окончание табл. 6  
Ending table 6

Инициалы знаменитостей	Tversky & Sattath	OptiPt	Теория рейтингов
В. В.	0,17	0,164 1	0,22
С. У.	0,09	0,072 9	0,09

Примечание. Программа *OptiPt* доступна как функция, встроенная в язык *R* [16].

В табл. 6 приведены оценки рейтинга, выполненные А. Тверски и С. Саттахом (*Tversky & Sattath*) с использованием программы *OptiPt* [16] и на основании теории рейтингов. Для удобства значения рейтинга  $u_i$  с помощью линейной замены отображены на интервал [0,09–1,00]. Данное преобразование позволяет легче сопоставить оценки рейтинга, выполненные различными методами [16].

### Закон Фехнера и Стивенса

Ощущения вполне обоснованно можно выражать числовыми значениями. В этом заключается фундаментальная проблема психофизики [9]. В течение многих лет считалось, что предложенная Г. Фехнером в 1860 г. логарифмическая функция правильно описывает зависимость между ощущением и физической величиной:

$$u = \eta_1 \ln \left( \frac{q}{q_0} \right), \quad (15)$$

где  $\eta_1$  – постоянная;  $u$  – значения величины, полученные субъективно;  $q$  – значения величины, полученные объективно;  $q_0$  – нижнее граничное значение интенсивности раздражителя,  $q > q_0$ . Например,  $u$  – значение ощущения веса тела, найденное на основании субъективного мнения респондента,  $q$  – значение веса, полученное взвешиванием. В 1961 г. была опубликована статья С. Стивенса, в которой он доказывал, что между интенсивностью ощущения и физической величиной существует не логарифмическая, а степенная зависимость:

$$v = \alpha (q)^{\eta_2}, \quad (16)$$

где  $\alpha$ ,  $\eta_1$  – постоянные;  $v$  – значения величины, полученные субъективно;  $q$  – значения величины, полученные объективно [9]. На основании модифицированного психофизического закона, предложенного Ю. М. Забродиным, в психофизический закон С. Стивенса вводится параметр, в зависимости от значения которого можно выявить три различные формы психофизического закона [9], включая классические законы Фехнера и Стивенса. Задача выбора между законами Фехнера и Стивенса и в настоящее время не имеет однозначного ответа, и попытки их объединить продолжают до сих пор [19]. Между тем эту проблему в теории рейтингов можно решить просто, поскольку оба закона адекватно описывают психофизический эксперимент и эквиваленты.

Поясним это на примере кругов  $A_1, A_2, \dots, A_6$  (см. табл. 1, строка 2), площадь которых изменяется равномерно. Можно найти значение величины методом Стивенса или считать, что значение площади равно номеру объекта. В итоге с помощью методов субъективного измерения получаем два значения площади для каждого объекта. Такой вывод соответствует теории рейтингов, но расходится с общепринятыми представлениями. Чтобы подтвердить интерпретацию проблемы, можно обратиться к основным психофизическим законам (15) и (16).

Существует основание полагать, что Г. Фехнер проводил измерения в линейной шкале, так как использовал последовательность объектов, величина которых изменяется равномерно. Выполняя измерения, ученый подсчитывал, сколько едва заметных различий находится между объектами  $A_i$  и  $A_0$  (объекту  $A_0$  соответствует порог чувствительности). Выберем множество объектов  $A_1, A_2, \dots, A_n$ , для которых можно определить значения величины субъективно (на основании закона Фехнера и Стивенса) и объективно. Используя закон Фехнера (15), получим соотношение

$$u_i - u_j = \eta_1 (\ln q_i - \ln q_j), \quad (17)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $\eta_1$  – постоянная;  $u_i = u(A_i)$ ,  $u_i$  – значения величины, полученные субъективно;  $q_i = q(A_i)$ ,  $q_i$  – значения, полученные объективно. Проводя эксперименты, С. Стивенс непосредственно находил отношения значений величины. На основании закона (16) получим

$$\ln v_i - \ln v_j = \eta_2 (\ln q_i - \ln q_j), \quad (18)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $v_i = v(A_i)$ ,  $v_i$  – значения величины, полученные субъективно;  $q_i = q(A_i)$ ,  $q_i$  – значение, найденное объективно;  $\eta_2$  – постоянная. В выражениях (17) и (18) правые части совпадают, тем самым доказано, что выполняется условие совместности (7) для системы уравнений (1) и (2). Следовательно, поскольку существование рейтинга не ставится под сомнение, значения величины в законах Фехнера и Стивенса являются количественными. С помощью равенства (1) и соотношения (17) или равенства (2) и соотношения (18) приходим к выражению

$$r_i - r_j = \eta (\ln q_i - \ln q_j), \quad (19)$$

где  $i, j = 1, 2, \dots, n$ ;  $\eta$  – постоянная;  $r_i = r(A_i)$ ,  $r_i$  – значения рейтинга;  $q_i = q(A_i)$ ,  $q_i$  – значения величины, полученные объективно. Соотношение (19) подтверждает взаимную адекватность основных психофизических законов.

### Заключение

Таким образом, в настоящем исследовании показано, почему развитие теории психологических измерений является актуальным. Приводится определение измерения, данное С. Стивенсом, которое подвергается критическому анализу с современной точки зрения. Идея С. Стивенса о том, что человек может непосредственно численно оценить величину своего ощущения, выглядит притягательно и разумно. В связи с развитием РТИ идея С. Стивенса получила мощную теоретическую поддержку. Анализ современной литературы показывает, что большинство психологов верят в существование математического обоснования методики психологических измерений. Наличие такого обоснования выглядит тем более убедительным, если эмпирические данные удастся аппроксимировать какой-либо параметрической моделью. При этом никак не объясняется, почему созданная усилиями многих математиков теория меры не находит никакого применения в теории измерений. Кроме того, в современных работах по теории психологических измерений показано, что определение С. Стивенса не подходит для проведения психологических измерений, поскольку не позволяет обосновать количественный характер измеряемой величины. Сторонники и противники идеи С. Стивенса обращаются к РТИ как теоретической основе современной теории измерений. Одним не нравится, что в РТИ нет доказательства количественного характера измеряемой величины. Другие считают, что такие доказательства РТИ и не должна рассматривать. Характер дискуссии между ними позволяет предположить, что в рамках РТИ этот вопрос решать нецелесообразно. В подтверждение этому можно отметить, что дальнейшие попытки развития РТИ нельзя назвать успешными. В частности, РТИ и теорию совместного измерения некоторые специалисты оценивают как революцию, которая не сможет произойти [15].

Чтобы найти выход из создавшейся ситуации, автор настоящей статьи предлагает изменить концепцию такого фундаментального понятия, как измерение, которое в настоящее время называется присвоением чисел объектам по определенным правилам, и рассматривает измерение как операцию присвоения чисел взаимодействию объектов. Ведь известно, что всякое измерение есть сравнение, т. е. оценка взаимного влияния. В связи со сменой концепции меняется и математическая основа теории измерений. Так, если РТИ базируется на теории множеств, то теория рейтингов основывается на теории категорий. Хотя теория рейтингов использует только некоторые элементы теории категорий, все-таки они составляют фундамент предлагаемой теории.

Теория рейтингов не отвергает результаты психологических измерений и может служить дополнением, способным усилить выводы, полученные по итогам проведения различных исследований. Одной из проблем, рассматриваемых в настоящей работе, является формулировка способа проверки количественного характера психологических атрибутов. С помощью модели измерения рейтинга изучаются результаты оценки рейтинга известных личностей, которые получены некоторыми исследователями методом парных сравнений. Ранее эти эмпирические данные применялись в различных работах для параметрической аппроксимации [16]. В настоящем исследовании получено подтверждение, что анализируемый рейтинг является количественной характеристикой.

Важный элемент теории рейтингов – аксиоматическое определение понятия «значение величины». В психологических исследованиях значения величины принято находить, применяя различные способы сравнения, среди них выделяют два основных – разность и отношение значений, которые приводят к разным значениям величины. В теории рейтингов значения, найденные разными способами сравнения, рассматриваются как результат измерения одной и той же величины, наличие различных значений которой является фундаментальной психологической проблемой. Анализ законов Фехнера и Стивенса с применением методов теории рейтингов позволяет установить эквивалентность этих законов и найти решение проблемы.

Важно добавить, что существует радикальная оценка измерений, выполняемых в психологии. Она сводится к следующему: если не доказано, что результаты какого-либо измерения являются количественными, значит, от них мало пользы. Психологи ничего не делают, чтобы обосновать количественный характер атрибутов, поэтому психология является бесполезной, «патологической» наукой [4]. Собственно, такая постановка вопроса и послужила поводом для написания настоящей статьи. Тем не менее предлагаемая математическая теория не является основанием для новой критики психологической науки, скорее наоборот. Причина заключается в следующем: когда результаты измерения представлены в шкале порядка, это не означает, что они бесполезны. Кроме того, проанализированы данные реального психологического измерения. Показано, что измеряемый атрибут является количественным. Аналогичное заключение можно получить из теории рейтингов применительно к основным психологическим законам. Выполненный в работе математический анализ психологического исследования и эмпирических законов говорит скорее о высоком научном уровне и удивительной интуиции Г. Фехнера и С. Стивенса. Такой вывод, по-видимому, можно отнести и к другим измерениям в психологии.

### Библиографические ссылки

1. Bandalos DL. *Measurement theory and applications for the social sciences*. New York: The Guilford Press; 2018. 686 p.
2. Vessonen E. Psychometrics versus representational theory of measurement. *Philosophy of the Social Sciences*. 2017; 47(4–5):330–350. DOI: 10.1177/0048393117705299.
3. Michell J. *Measurement in psychology: a critical history of a methodological concept*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 250 p. DOI: 10.1017/CBO9780511490040.
4. Michell J. Is psychometrics pathological science? *Measurement*. 2008;6:7–24. DOI: 10.1080/15366360802035489.
5. Stevens SS. On the theory of scales of measurement. *Science*. 1946;103(7):677–680.
6. Barrett P. The consequence of sustaining a pathology: scientific stagnation – a commentary on the target article «Is psychometrics a pathological science?» by Joel Michell. *Measurement*. 2008;6:78–123. DOI: 10.1080/15366360802035521.
7. Романчук ВМ. Измерение нефизической величины. *Системный анализ и прикладная информатика*. 2017;4: 39–44. DOI: 10.21122/2309-4923-2017-4-39-44.
8. Романчук ВМ. Субъективное оценивание вероятности. *Информатика*. 2018;2(15):74–82.
9. Забродин ЮМ, Лебедев АН. *Психофизиология и психофизика*. Москва: Наука; 1977. 288 с.
10. Толстова ЮН. Краткая история развития репрезентативной теории измерений. *Заводская лаборатория*. 1999; 3:49–57.
11. Luce RD, Suppes P. Representational measurement theory. In: Wixted J, Pashler H, editors. *Stevens' handbook of experimental psychology. Methodology in experimental psychology*. New York: Wiley; 2004. p. 1–41. DOI: 10.1002/0471214426.pas0401.
12. Гусев АН, Измайлов ЧА, Михалевская МБ. *Измерение в психологии. Общий психологический практикум*. Москва: Смысл; 1997. 287 с.
13. Гусев АН, Уточкин ИС. *Психологические измерения. Теория. Методы*. Москва: Аспект Пресс; 2011. 317 с.
14. Cliff N. Abstract measurement theory and the revolution that never happened. *Psychological Science*. 1992;3(3): 186–190. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1992.tb00024.x.
15. Trendler G. Measurement theory, psychology and the revolution that cannot happen. *Theory & Psychology*. 2009; 19(5):579–599. DOI: 10.1177/0959354309341926.
16. Wickelmaier F, Schmid C. A Matlab function to estimate choice model parameters from paired-comparison data. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers Comput*. 2004;36(1):29–40. DOI: 10.3758/BF03195547.
17. Bell JL. Category theory and the foundations of mathematics. *British Journal for the Philosophy of Science*. 1981;32: 349–358. DOI: 10.1093/bjps/32.4.349.
18. Фридман АА. Мир как пространство и время. Москва: Наука; 1965. 112 с.
19. Lubashevsky I. Psychophysical laws as reflection of mental space properties. *Physics of Life Reviews*. 2019;31:276–303. DOI: 10.1016/j.plrev.2018.10.003.

### References

1. Bandalos DL. *Measurement theory and applications for the social sciences*. New York: The Guilford Press; 2018. 686 p.
2. Vessonen E. Psychometrics versus representational theory of measurement. *Philosophy of the Social Sciences*. 2017; 47(4–5):330–350. DOI: 10.1177/0048393117705299.
3. Michell J. *Measurement in psychology: a critical history of a methodological concept*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 250 p. DOI: 10.1017/CBO9780511490040.
4. Michell J. Is psychometrics pathological science? *Measurement*. 2008;6:7–24. DOI: 10.1080/15366360802035489.
5. Stevens SS. On the theory of scales of measurement. *Science*. 1946;103(7):677–680.
6. Barrett P. The consequence of sustaining a pathology: scientific stagnation – a commentary on the target article «Is psychometrics a pathological science?» by Joel Michell. *Measurement*. 2008;6:78–123. DOI: 10.1080/15366360802035521.
7. Romanchuk VM. Model of rating of non physical quantity. *System Analysis and Applied Information Science*. 2017;4: 39–44. DOI: 10.21122/2309-4923-2017-4-39-44. Russian.
8. Romanchuk VM. The subjective measurement of probability. *Informatics*. 2018;2(15):74–82. Russian.

9. Zabrodin JuM, Lebedev AN. *Psikhofiziologiya i psikhofizika* [Psychophysiology and psychophysics]. Moscow: Nauka; 1977. 288 p. Russian.
10. Tolstova YuN. [A brief history of the development of representative measurement theory]. *Zavodskaja laboratorija*. 1999;3:49–57. Russian.
11. Luce RD, Suppes P. Representational measurement theory. In: Wixted J, Pashler H, editors. *Stevens' handbook of experimental psychology. Methodology in experimental psychology*. New York: Wiley; 2004. p. 1–41. DOI: 10.1002/0471214426.pas0401.
12. Gusev AN, Izmailov ChA, Mikhalevskaya MB. *Izmerenie v psikhologii. Obshchii psikhologicheskii praktikum* [Measurement in psychology. General psychological workshop]. Moscow: Smysl; 1997. 287 p. Russian.
13. Gusev AN, Utochkin IS. *Psikhologicheskie izmereniya. Teoriya. Metody* [Psychological measurements. Theory. Methods]. Moscow: Aspekt Press; 2011. 317 p. Russian.
14. Cliff N. Abstract measurement theory and the revolution that never happened. *Psychological Science*. 1992;3(3): 186–190. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1992.tb00024.x.
15. Trendler G. Measurement theory, psychology and the revolution that cannot happen. *Theory & Psychology*. 2009; 19(5):579–599. DOI: 10.1177/0959354309341926.
16. Wickelmaier F, Schmid C. A Matlab function to estimate choice model parameters from paired-comparison data. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers Comput*. 2004;36(1):29–40. DOI: 10.3758/BF03195547.
17. Bell JL. Category theory and the foundations of mathematics. *British Journal for the Philosophy of Science*. 1981;32: 349–358. DOI: 10.1093/bjps/32.4.349.
18. Friedman AA. *Mir kak prostranstvo i vremya* [The world is like space and time]. Moscow: Nauka; 1965. 112 p. Russian.
19. Lubashevsky I. Psychophysical laws as reflection of mental space properties. *Physics of Life Reviews*. 2019;31:276–303. DOI: 10.1016/j.plrev.2018.10.005.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.  
Received by editorial board 10.02.2020.

УДК 159.923

### ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Е. А. СОКОЛОВИЧ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Перфекционизм определяется как устойчивый стиль личности, для которого характерны чрезмерно высокие стандарты и значимость достижений, требовательность, отсутствие способности адекватно оценивать возможности самого и окружающих, нетерпимость к ошибкам. При проведении исследования применялись многомерная шкала перфекционизма Хьюитта и Флетта в адаптации И. И. Грачевой; психодиагностический тест Мельникова и Ямпольского; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Элерса; методика Дембо – Рубинштейн для диагностики уровней самооценки и притязаний в модификации П. В. Яньшина. Установлено, что различные индивидуально-личностные и мотивационные характеристики являются факторами возникновения перфекционизма разных видов. Результаты исследования можно использовать в психотерапии и консультировании, при работе со студентами и молодыми специалистами, которые чрезвычайно требовательны к самим себе и окружающим.

**Ключевые слова:** перфекционизм; субъектно ориентированный перфекционизм; объектно ориентированный перфекционизм; социально предписываемый перфекционизм; индивидуально-личностные характеристики; мотивационные характеристики; ранняя взрослость.

---

#### Образец цитирования:

Соколович ЕА. Прогностические личностные показатели перфекционизма в период ранней взрослости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:99–108.

#### For citation:

Sokolovich EA. Prognostic personality indicators of perfectionism in early adulthood. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:99–108. Russian.

---

#### Автор:

**Екатерина Аркадьевна Соколович** – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

#### Author:

**Ekaterina A. Sokolovich**, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.  
[sokolovich.e@mail.ru](mailto:sokolovich.e@mail.ru)

## PROGNOSTIC PERSONALITY INDICATORS OF PERFECTIONISM IN EARLY ADULTHOOD

E. A. SOKOLOVICH<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Perfectionism is a stable personality style, which is characterized by excessively high standards and the significance of achievements, exactingness, lack of ability to adequately assess the capabilities of oneself and others, intolerance to mistakes. The following techniques were applied: the multidimensional scale of perfectionism Hewitt and Flett in the adaptation of I. I. Gracheva, psychodiagnostic test Melnikova and Yampolsky, a technique for diagnosing a personality on the motivation for success of Ehlers, a technique for diagnosing a personality on the motivation for avoiding the failures of Ehlers, the Dembo – Rubinstein technique for diagnosing levels of self-esteem and claims in the modification of P. V. Yanshin. As a result of the study: various individually-personal and motivational characteristics are factors of the appearance of different types of perfectionism. These results can be used in psychotherapy and counseling when working with students and young professionals who are extremely demanding of themselves and others.

**Keywords:** perfectionism; self-oriented perfectionism; object-oriented perfectionism; socially prescribed perfectionism; individually-personal characteristics; motivational characteristics; early adulthood.

### Введение

Под перфекционизмом будем понимать устойчивую личностную черту, характеризующуюся высоким уровнем притязаний, гипертрофированной значимостью собственных достижений, сверхтребовательностью по отношению к самому себе и (или) окружающим, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей, абсолютистским мышлением в терминах «всё или ничего», которое затрагивает все сферы жизнедеятельности самого индивида и (или) окружающих. Феномен перфекционизма распространен в современном обществе, для которого совершенство и успешность во всем приобрели наивысшую ценность. Данное явление может оказывать негативное воздействие на жизнедеятельность индивида, препятствовать формированию межличностных отношений, а также способствовать возникновению тревожных и эмоциональных состояний, расстройств пищевого поведения (анорексии, булимии), суицидальных мыслей и попыток, т. е. быть причиной некоторых психопатологий. Чтобы предотвратить негативные последствия перфекционизма, необходимо в первую очередь обратить внимание на психологические факторы его возникновения, в частности социально-психологические (социокультурные аспекты, семейные отношения, процесс общения в условиях учебной среды и в неформальных группах) и личностные (личностные характеристики, мотивационные показатели). Социально-психологические факторы получили широкое распространение среди ученых (К. Е. Аблард (K. E. Ablard), П. Р. Аплтон (P. R. Appleton), Дж. Барроу (J. Barrow), М. В. Биран (M. W. Biran), А. Е. Крэддок (A. E. Craddock), Дж. С. Экклз (J. S. Eccles), Е. Мофилд (E. Mofield), А. Д. Андреева, А. А. Власова, С. В. Воликова, Н. Г. Гаранян, О. Ю. Гроголева, П. М. Тарханова, А. Б. Холмогорова). Личностные факторы затрагивались в исследованиях частично: преимущественно в клинической психологии или на

примере специфических выборок (одаренные учащиеся, спортсмены) (З. Басирион (Z. Basirion), Д. Дунклей (D. Dunkley), С. Дж. Эган (S. J. Egan), Е. Филайрэ (E. Filaire), С. Ходарахими (S. Khodarahimi), Р. С. Кумари (R. S. Kumari), К. Г. Райс (K. G. Rice), Г. Б. Горская, М. В. Ларских), поэтому настоящее исследование является наиболее актуальным. Работа направлена на выявление прогностических личностных детерминант перфекционизма у мужчин и женщин с разными его видами в период ранней взрослости.

Методологическую основу представленного исследования составили:

1) многомерная шкала перфекционизма Хьюитта и Флетта, в рамках которой перфекционизм может быть субъектно ориентированным (имеются высокие ожидания, обращенные к самому себе), объектно ориентированным (характеризуется наличием высоких ожиданий, направленных на окружающих) и социально предписываемым (типичным является убеждение перфекциониста в том, что окружающие предъявляют к нему завышенные требования) [1; 2]. Отличие данного многомерного подхода заключается в том, что в качестве основы для определения различных составляющих перфекционизма используется один параметр (высокие требования), который нацелен на разные объекты (самого себя, окружающих либо ожидания со стороны других индивидов);

2) многомерный подход к изучению личности, разработанный В. М. Мельниковым и Л. Т. Ямпольским, в рамках которого индивид рассматривается с помощью структурно-иерархической модели. В нее входят следующие взаимосвязанные личностные характеристики: депрессия (предрасположенность к формированию депрессивного состояния), женственность (ранимость, склонность к анализу и самоанализу), невротизм (тревожность), общительность, психотизм (впечатлительность и возбу-

димось), расторможенность (отрицательное отношение к общепринятым правилам и нормам), робость, совестливость, эстетическая впечатлительность (чувствительность и преобладание конкретно-образного мышления). Данные характеристики образуют шкалы второго уровня: асоциальность, интроверсия, психическая неуравновешенность, сензитивность [3];

3) теория мотивации Макклелланда, описывающая в качестве некоторых регуляторов деятельности личности мотивацию достижения успеха и мотивацию избегания неудач [4]. Для индивидов с высоким уровнем мотивации достижения характерны активность, инициативность, стремление к достижению высоких результатов, соревновательность при выполнении работы, а для индивидов с высоким уровнем мотивации избегания неудач – тревожность, страх перед неудачами и желание их избежать, стремление к защите, занижение своих возможностей и способностей;

4) методика изучения самооценки (А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, С. Я. Рубинштейн). В рамках этой

методики самооценка рассматривается как одна из основных составляющих самоосознания личности, которая формируется под влиянием мнения окружающих и в результате сравнения себя с другими, и выступает одним из регуляторов деятельности индивида [5; 6];

5) школа Левина (К. Левин, Т. В. Дембо, Ф. Хоппе, М. Юкнат), в учении которой показывается, как от уровня притязаний зависит постановка цели, которую стремится достичь индивид и которая формируется под воздействием временных (ситуационных) и стабильных (личностных и социально-психологических) факторов [7; 8];

6) возрастная периодизация, предложенная Д. Левинсоном, согласно которой возраст от 17 до 28 лет является ранней взрослостью. Данный период делится на два этапа: переход к ранней взрослости (от 17 до 21 года) и вхождение в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет) [9].

Цель данной работы – выявить личностные предикторы перфекционизма разных видов в период ранней взрослости.

### Материалы и методы

В исследовании принимали участие жители Республики Беларусь. Выборку составили 812 человек в возрасте от 17 до 28 лет (305 мужчин и 507 женщин). Средний возраст респондентов – 20 лет. В результате низким уровнем перфекционизма обладают 19,5 % участников, средним – 60,2 % и высоким – 20,3 %, что соответствует нормальному распределению.

Для проведения исследования использовались следующие методики: многомерная шкала перфекционизма Хьюитта и Флетта в адаптации И. И. Грачевой [10], психодиагностический тест, разработанный В. М. Мельниковым и Л. Т. Ямпольским [3], методика диагностики личности на мотивацию к успеху Элерса [11], методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Элерса [11], методика Дембо – Рубинштейн для диагностики уровней самооценки и притязаний в модификации П. В. Яньшина [12].

Полученные данные подвергались статистической обработке с применением программы *SPSS 17.0 for Windows*, а их достоверность проверялась с помощью регрессионного анализа (линейной регрессии). Для проведения регрессионного анализа в настоящей статье используются следующие сокращения: ОП – общий перфекционизм; ПОС – перфекционизм, ориентированный на себя (субъектно ориентированный перфекционизм); ПОД – перфекционизм, ориентированный на других (объектно ориентированный перфекционизм); СПП – социально предписываемый перфекционизм; Д – депрессия; Ж – женственность; Н – невротизм; ОА – общая активность; П – психотизм; Р – расторможенность; РБ – робость; СВ – совестливость; О – общительность; ЭВ – эстетическая впечатлительность; МН – мотивация избегания неудач; МУ – мотивация достижения успеха; УП – уровень притязаний; УС – уровень самооценки.

### Результаты и их обсуждение

Большинство исследовательских работ, направленных на изучение личностных детерминант перфекционизма, основываются на различных вариантах корреляционного анализа, с помощью которого можно установить направление и тесноту взаимосвязей, не позволяя понять, каким образом эти связи формируются. Регрессионный анализ, в отличие от корреляционного, позволяет проверить адекватность системы предикторов, включающей все требуемые теорией переменные. Независимыми переменными, используемыми для установления надежных предикторов перфекционизма, послужили индивидуально-личностные (депрессия, жен-

ственность, невротизм, общая активность, психотизм, расторможенность, робость, совестливость, общительность, эстетическая впечатлительность) и мотивационные (мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач, уровень самооценки, уровень притязаний) характеристики мужчин и женщин. К зависимым переменным следует отнести общий, субъектно ориентированный, объектно ориентированный и социально предписываемый перфекционизм.

**Регрессионный анализ индивидуально-личностных характеристик. Прогностические индивидуально-личностные показатели перфекциониз-**

**ма в период ранней взрослости (от 22 до 28 лет) вне зависимости от пола.** Регрессионный анализ позволил установить, что у мужчин и женщин общий перфекционизм характеризуется такими индивидуально-личностными особенностями, как психотизм, совестливость, общая активность, невротизм, депрессия и женственность. Об этом свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ОП} = 141,73 + 2,74 \cdot \text{П} + 3,12 \cdot \text{СВ} + 2,19 \times \\ \times \text{ОА} + 2,22 \cdot \text{Н} - 1,17 \cdot \text{Д} - 1,04 \cdot \text{Ж}.$$

Следовательно, чем выше показатели возбудимости, ответственности, добросовестности и активности при выполнении деятельности, тревожности, впечатлительности и меньше склонность к возникновению угнетенного состояния, волнениям и рефлексии, тем больше вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма у мужчин и женщин в период ранней взрослости. Данные выводы частично совпадают с результатами зарубежных исследований (на примерах выборки спортсменов, студенческой и академически успешной студенческой выборки), в рамках которых утверждается, что невротизм и добросовестность являются индивидуально-личностными характеристиками, оказывающими влияние на формирование перфекционизма [13–15].

Для субъектно ориентированного перфекционизма свойственны совестливость, общая активность, психотизм, депрессия и невротизм, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ПОС} = 51,36 + 1,80 \cdot \text{СВ} + 1,22 \cdot \text{ОА} + 0,91 \times \\ \times \text{П} - 1,21 \cdot \text{Д} + 0,95 \cdot \text{Н}.$$

Таким образом, чем выше показатели ответственности и активности при выполнении деятельности, возбудимости, тревожности и впечатлительности, а также ниже склонность к формированию угнетенного состояния, тем в большей степени у индивида может развиваться субъектно ориентированный перфекционизм, характеризующийся предъявлением к самому себе нереалистично высоких стандартов и требований.

Объектно ориентированный перфекционизм определяется расторможенностью, совестливостью, психотизмом, робостью, невротизмом и женственностью, что видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,07$ ):

$$\text{ПОД} = 44,90 + 0,87 \cdot \text{Р} + 0,88 \cdot \text{СВ} + 0,43 \cdot \text{П} - \\ - 0,48 \cdot \text{РБ} + 0,46 \cdot \text{Н} - 0,45 \cdot \text{Ж}.$$

Следовательно, если у индивида показатели импульсивности в поведении, социальной конфликтности, ответственности, впечатлительности, тревожности и возбудимости сильно выражены, а робость и скованность при межличностном взаимодействии, склонность к волнениям и самоанализу проявляются в меньшей степени, то вероятность формирования перфекционизма, ориентированного на других, выше.

Регрессионный анализ показал, что социально предписываемый перфекционизм имеет следующие индивидуально-личностные характеристики: психотизм, невротизм, расторможенность, совестливость, депрессию и женственность, что можно наблюдать в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,24$ ):

$$\text{СПП} = 47,63 + 1,34 \cdot \text{П} + 0,62 \cdot \text{Н} - 0,60 \cdot \text{Р} + \\ + 0,64 \cdot \text{СВ} + 0,54 \cdot \text{Д} - 0,40 \cdot \text{Ж}.$$

Из полученного уравнения следует, что чем выше возбудимость, впечатлительность, тревожность, ответственность при выполнении деятельности и предрасположенность к формированию угнетенного состояния, тем чаще у индивида формируется социально предписываемый перфекционизм. Напротив, импульсивность, склонность к волнениям и самоанализу коррелируют с этим видом перфекционизма отрицательно: при увеличении показателей по данным характеристикам вероятность формирования социально предписываемого перфекционизма меньше.

**Прогностические индивидуально-личностные показатели перфекционизма у мужчин в период перехода к ранней взрослости (от 17 до 21 года).** У мужчин общий перфекционизм характеризуется совестливостью, психотизмом и расторможенностью, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ОП} = 129,88 + 3,73 \cdot \text{СВ} + 3,28 \cdot \text{П} + 2,96 \cdot \text{Р}.$$

Итак, чем сильнее у мужчин выражены ответственность и добросовестность, напряженность и возбудимость, социальная конфликтность и импульсивность в поведении, тем больше вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма, что частично совпадает с результатами зарубежных исследований, в рамках которых было установлено, что добросовестность оказывает влияние на развитие личностных характеристик второго порядка (к ним относится перфекционизм) [13–15].

Субъектно ориентированный перфекционизм у мужчин отличается совестливостью и расторможенностью. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,15$ ):

$$\text{ПОС} = 47,09 + 2,20 \cdot \text{СВ} + 1,87 \cdot \text{Р}.$$

Чем выше показатели ответственности и добросовестности при выполнении работы, а также социальной конфликтности и импульсивности в поведении, тем больше мужчины расположены к предъявлению нереалистично высоких требований, направленных на самих себя и на свою деятельность.

Объектно ориентированный перфекционизм у мужчин в возрасте от 17 до 21 года, согласно регрессионному анализу, отличается общительностью, что показано в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,03$ ):

$$\text{ПОД} = 48,97 + 0,92 \cdot \text{О}.$$

Значит, чем выше у мужчин показатели общительности и открытости при установлении межлич-

ностных контактов, тем больше вероятность формирования перфекционизма, ориентированного на других.

Социально предписываемый перфекционизм у мужчин обрисовывается некоторыми индивидуально-личностными показателями: психотизмом, совестливостью, депрессией и эстетической впечатлительностью, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,28$ ):

$$\text{СПП} = 45,92 + 1,62 \cdot \text{П} + 0,90 \cdot \text{СВ} + 0,97 \cdot \text{Д} - 0,83 \cdot \text{ЭВ}.$$

Из полученного уравнения следует, что при наличии высоких показателей возбудимости, добросовестности и ответственности при выполнении деятельности, чувствительности и мечтательности и предпосылок к возникновению угнетенного состояния у юноши чаще формируется социально предписываемый перфекционизм.

**Прогностические индивидуально-личностные показатели перфекционизма у мужчин в период вхождения в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет).** Регрессионный анализ позволил установить индивидуально-личностные предикторы перфекционизма у мужчин в период вхождения в раннюю взрослость: общий перфекционизм характеризуется психотизмом и совестливостью, что можно наблюдать в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,25$ ):

$$\text{ОП} = 136,81 + 4,40 \cdot \text{П} + 4,47 \cdot \text{СВ}.$$

Таким образом, чем выше у мужчин показатели возбудимости, а также добросовестности и ответственности при выполнении деятельности, тем больше вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма. Данные результаты частично совпадают с выводами предыдущих зарубежных исследований, в которых утверждается, что добросовестность является индивидуально-личностным фактором перфекционизма [13–15].

У мужчин субъектно ориентированный перфекционизм характеризуется совестливостью, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,18$ ):

$$\text{ПОС} = 56,68 + 2,56 \cdot \text{СВ}.$$

Итак, чем выше у мужчин ответственность и добросовестность при выполнении деятельности, тем больше они склонны к формированию перфекционизма, ориентированного на самих себя.

Объектно ориентированный перфекционизм отличается психотизмом и совестливостью, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,10$ ):

$$\text{ПОД} = 42,07 + 1,55 \cdot \text{П} + 1,05 \cdot \text{СВ}.$$

Из результатов уравнения следует, что высокие показатели возбудимости, добросовестности и ответственности являются фактором того, что для мужчин в большей степени будет свойственно предъявление высоких требований по отношению к окружающим.

Социально предписываемый перфекционизм у мужчин характеризуется психотизмом и робостью, и это видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,28$ ):

$$\text{СПП} = 41,88 + 1,86 \cdot \text{П} + 0,88 \cdot \text{РБ}.$$

Соответственно, чем выше показатели возбудимости, робости и стеснительности при интерперсональных взаимодействиях, тем чаще у мужчин формируется социально предписываемый перфекционизм.

**Прогностические индивидуально-личностные показатели перфекционизма у женщин в период перехода к ранней взрослости (от 17 до 21 года).** С помощью регрессионного анализа у женщин можно установить индивидуально-личностные предикторы перфекционизма разных видов. Общий перфекционизм характеризуется психотизмом, совестливостью, общей активностью и женственностью, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,13$ ):

$$\text{ОП} = 157,69 + 2,27 \cdot \text{П} + 3,11 \cdot \text{СВ} + 2,90 \cdot \text{ОА} - 2,38 \cdot \text{Ж}.$$

Таким образом, чем сильнее у женщин выражены возбудимость, ответственность и добросовестность, активность, энергичность и слабее склонность к волнениям и рефлексии, тем больше вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма.

У женщин субъектно ориентированный перфекционизм характеризуется такими индивидуально-личностными показателями, как совестливость и общая активность, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,11$ ):

$$\text{ПОС} = 53,06 + 1,92 \cdot \text{СВ} + 1,42 \cdot \text{ОА}.$$

Из данного уравнения следует, что чем выше добросовестность, ответственность и активность, тем больше женщины склонны предъявлять нереалистично высокие требования, направленные на самих себя.

По результатам регрессионного анализа индивидуально-личностными факторами объектно ориентированного перфекционизма у женщин являются общая активность, женственность, робость, совестливость и расторможенность. Данные выводы представлены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,08$ ):

$$\text{ПОД} = 48,41 + 0,93 \cdot \text{ОА} - 0,98 \cdot \text{Ж} - 0,40 \times \\ \times \text{РБ} + 0,85 \cdot \text{СВ} + 0,91 \cdot \text{Р}.$$

Значит, большая вероятность формирования высокого уровня перфекционизма, ориентированного на других, свойственна тем женщинам, у которых сильнее выражены активность и энергичность, добросовестность при выполнении деятельности, импульсивность и социальная конфликтность. Напротив, склонность к волнениям и самоанализу, стеснительность и скованность в интерперсональных контактах отрицательно коррелируют с перфекционизмом, ориентированным на других. Следовательно, при увеличении показателей по данным ха-

рактикам меньше вероятность формирования этого вида перфекционизма.

Социально предписываемый перфекционизм у женщин можно охарактеризовать такими индивидуально-личностными показателями, как психотизм, расторможенность, невротизм и женственность. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,22$ ):

$$\text{СПП} = 59,17 + 1,37 \cdot \text{П} - 1,18 \cdot \text{Р} + 0,92 \cdot \text{Н} - 0,92 \cdot \text{Ж}.$$

Следовательно, чем выше показатели возбудимости, впечатлительности, тревожности и ниже импульсивности в поведении, социальной конфликтности, склонности к волнениям и самоанализу, тем больше вероятность формирования социально предписываемого перфекционизма у женщин.

**Прогностические индивидуально-личностные показатели перфекционизма у женщин в период вхождения в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет).** Общий перфекционизм у женщин характеризуется психотизмом, совестливостью, невротизмом и общей активностью. Данные выводы можно видеть в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,26$ ):

$$\text{ОП} = 104,30 + 3,41 \cdot \text{П} + 4,40 \cdot \text{СВ} + 3,32 \cdot \text{Н} + 5,01 \cdot \text{ОА}.$$

Итак, чем выше показатели возбудимости, ответственности и добросовестности, тревожности, энергичности и активности у женщин, тем больше вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма. Полученные данные совпадают с результатами исследования П. С. Кумари, в котором утверждается, что невротизм и добросовестность оказывают влияние на зарождение и развитие такой личностной характеристики второго порядка, как перфекционизм [15].

Субъектно ориентированный перфекционизм у женщин определяется психотизмом и совестливостью, что записано в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ПОС} = 50,41 + 1,94 \cdot \text{П} + 2,43 \cdot \text{СВ}.$$

Таким образом, чем выше показатели возбудимости и ответственности при выполнении деятельности у женщин, тем чаще у них формируется перфекционизм, ориентированный на самих себя.

Объектно ориентированный перфекционизм выражается невротизмом и общей активностью. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,12$ ):

$$\text{ПОД} = 34,02 + 1,37 \cdot \text{Н} + 2,99 \cdot \text{ОА}.$$

Итак, чем выше показатели впечатлительности, тревожности и активности, тем в большей степени существует вероятность формирования перфекционизма, ориентированного на других.

Социально предписываемый перфекционизм характеризуется депрессией, это видно в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,30$ ):

$$\text{СПП} = 42,75 + 2,42 \cdot \text{Д}.$$

Из полученного уравнения следует, что склонность к формированию угнетенного состояния яв-

ляется индивидуально-личностным фактором социально предписываемого перфекционизма у женщин в возрасте от 22 до 28 лет.

**Регрессионный анализ исследования мотивационных характеристик. Прогностические мотивационные показатели перфекционизма в период ранней взрослости вне зависимости от пола.** Регрессионный анализ позволил установить, что общий перфекционизм у мужчин и женщин характеризуется мотивацией достижения успеха и уровнем самооценки, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ОП} = 146,74 + 2,92 \cdot \text{МУ} - 0,18 \cdot \text{УС}.$$

Значит, чем сильнее индивид старается достичь успешного результата при выполнении деятельности и стремится преуменьшать свои способности и недооценивает собственные успехи, а также имеет склонность сравнивать себя с окружающими не в свою пользу, тем больше у него будет формироваться высокий уровень общего перфекционизма. Полученные результаты согласуются с выводами исследования Е. Филайрэ, в рамках которого было установлено, что низкий уровень самооценки выступает фактором возникновения перфекционизма. Стремление к совершенному результату во всем появляется в ответ на низкую самооценку как компенсаторный механизм [16].

Для субъектно ориентированного перфекционизма свойственна мотивация достижения успеха. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,22$ ):

$$\text{ПОС} = 43,45 + 1,61 \cdot \text{МУ}.$$

Из полученного уравнения следует, что чем сильнее индивид стремится достичь успеха при выполнении работы, тем больше он склонен к формированию перфекционизма, ориентированного на самого себя.

Объектно ориентированный перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач, что видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,12$ ):

$$\text{ПОД} = 41,84 + 1,01 \cdot \text{МУ} - 0,26 \cdot \text{МН}.$$

Таким образом, чем больше индивид желает прийти к успешному результату при выполнении деятельности, а также не боится допустить оплошность, не стремится защитить себя от чувства стыда при отсутствии положительного исхода, тем чаще формируется высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других.

В результате регрессионного анализа было установлено, что социально предписываемый перфекционизм характеризуется уровнем самооценки и мотивацией достижения успеха. Данные представлены в следующем уравнении регрессии ( $R^2 = 0,07$ ):

$$\text{СПП} = 66,19 - 0,19 \cdot \text{УС} + 0,29 \cdot \text{МУ}.$$

Следовательно, чем выше показатели мотивации достижения успеха, тем в большей степени ин-

дивид склонен к формированию социально предписываемого перфекционизма. Напротив, уровень самооценки отрицательно коррелирует с данным видом перфекционизма: чем выше стремление преуменьшить свои способности и достижения и чем больше склонность сравнивать себя с окружающими не в свою пользу, тем чаще развивается социально предписываемый перфекционизм. Полученные выводы согласуются с результатами исследования Г. Флетта, в рамках которого было выявлено, что социально предписываемый перфекционизм отрицательно взаимосвязан с уровнем самооценки [17].

**Прогностические мотивационные показатели перфекционизма у мужчин в период перехода к ранней взрослости (от 17 до 21 года).** Общий перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$ОП = 137,78 + 2,69 \cdot МУ.$$

Итак, высокие показатели у мужчин по таким мотивационным характеристикам, как ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности, являются прогностическими факторами уровня общего перфекционизма.

Субъектно ориентированный перфекционизм у мужчин определяется мотивацией достижения успеха и уровнем притязаний. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,37$ ):

$$ПОС = 24,86 + 1,60 \cdot МУ + 0,23 \cdot УП.$$

Из уравнения следует, что чем выше у мужчин стремление к достижению успешного результата при выполнении определенного вида работы, чрезмерная идеализация собственных способностей и склонность ставить чрезмерно высокие цели, тем чаще проявляются требования по отношению к самим себе.

Регрессионный анализ показал, что объектно ориентированный перфекционизм у мужчин характеризуется мотивацией достижения успеха, как видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,08$ ):

$$ПОД = 40,02 + 0,83 \cdot МУ.$$

Значит, высокий показатель мотивации достижения успеха, выражающийся в желании прийти к успешному результату при выполнении деятельности, является мотивационным фактором возникновения перфекционизма, ориентированного на других.

У мужчин социально предписываемый перфекционизм характеризуется уровнем самооценки, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,05$ ):

$$СПП = 68,89 - 0,15 \cdot УС.$$

Таким образом, чем ниже уровень самооценки, который проявляется в стремлении преуменьшать свои способности и ценность собственных достижений, в склонности сравнивать себя с окружающими

не в свою пользу, тем выше вероятность формирования у мужчин социально предписываемого перфекционизма.

**Прогностические мотивационные показатели перфекционизма у мужчин в период вхождения в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет).** Общий перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха и уровнем самооценки. Данный вывод отражен в регрессионном уравнении ( $R^2 = 0,25$ ):

$$ОП = 146,73 + 3,65 \cdot МУ - 0,42 \cdot УС.$$

Следовательно, если отмечается высокое стремление достичь значительного результата при выполнении деятельности, а также склонность преуменьшать свои способности и ценность собственных достижений и наблюдается привычка сравнивать себя с окружающими не в свою пользу, то вероятность формирования высокого уровня общего перфекционизма выражена сильнее. Представленные выводы частично совпадают с данными исследования Е. Филайрэ, в результате которого было установлено, что перфекционизм возникает как компенсаторный механизм низкого уровня самооценки [16].

У мужчин субъектно ориентированный перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,28$ ):

$$ПОС = 39,66 + 1,80 \cdot МУ.$$

Из полученного уравнения можно сделать вывод о том, что чем выше данный показатель у мужчин, который проявляется в ориентации на достижение успешного результата при выполнении деятельности, тем больше они склонны к формированию перфекционизма, ориентированного на самих себя.

Объектно ориентированный перфекционизм у мужчин определяется мотивацией достижения успеха и уровнем притязаний, что представлено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,19$ ):

$$ПОД = 50,67 + 1,37 \cdot МУ - 0,22 \cdot УП.$$

Итак, чем выше ориентация на достижение результата при выполнении деятельности, склонность сравнивать себя с окружающими не в свою пользу и ставить невысокие цели, стремление преуменьшать свои способности, тем больше вероятность развития перфекционизма, ориентированного на других.

Социально предписываемый перфекционизм у мужчин характеризуется уровнем самооценки и мотивацией достижения успеха. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,12$ ):

$$СПП = 61,92 - 0,23 \cdot УС + 0,50 \cdot МУ.$$

Таким образом, чем выше показатели стремления преуменьшить свои способности и ценность собственных достижений, склонности сравнивать себя с окружающими не в свою пользу, а также ориентации на достижение успешного результата при выполнении деятельности, тем чаще у мужчин в пе-

риод вхождения в раннюю взрослость формируется социально предписываемый перфекционизм.

**Прогностические мотивационные показатели перфекционизма у женщин в период перехода к ранней взрослости (от 17 до 21 года).** Общий перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха и уровнем самооценки, что видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,15$ ):

$$\text{ОП} = 152,62 + 2,61 \cdot \text{МУ} - 0,180 \cdot \text{УС}.$$

Соответственно, чем выше показатели мотивации достижения успеха и ниже уровень самооценки, что проявляется в стремлении к достижению успешного результата при выполнении деятельности и низкой оценке собственных способностей и возможностей, тем больше вероятность формирования общего перфекционизма. Данные выводы частично согласуются с результатами исследования Е. Филайрэ, в рамках которого было установлено, что перфекционизм возникает как компенсаторный механизм в ответ на низкий уровень самооценки [16].

Перфекционизм, ориентированный на самого себя, у женщин определяется мотивацией достижения успеха, что видно из уравнения регрессии ( $R^2 = 0,17$ ):

$$\text{ПОС} = 46,84 + 1,44 \cdot \text{МУ}.$$

Из данного уравнения следует: чем выше показатели мотивации достижения успеха, что проявляется в желании достичь высокого результата при выполнении деятельности, тем больше вероятность предъявления к себе нереалистично высоких требований.

Перфекционизм, ориентированный на других, у женщин в период перехода к ранней взрослости (по данным регрессионного анализа) характеризуется мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,16$ ):

$$\text{ПОД} = 45,39 + 0,94 \cdot \text{МУ} - 0,45 \cdot \text{МН}.$$

Итак, чем выше стремление к достижению успешного результата, ниже тревожность и страх допустить ошибку и менее выражено стремление защитить себя от стыда при отсутствии положительного исхода деятельности, тем больше женщины в период перехода к ранней взрослости склонны к формированию объектно ориентированного перфекционизма. Полученный результат согласуется с выводами исследования, проведенного на студенческой выборке О. С. Виндекер, в котором было установлено, что у женщин объектно ориентированный перфекционизм отрицательно взаимосвязан с мотивацией избегания неудач, а у мужчин такой взаимосвязи нет [18].

Кроме того, представленные результаты согласуются с рядом зарубежных исследований, по дан-

ных которых было определено, что общий перфекционизм и субъектно ориентированный (независимо от пола и возрастного периода) взаимосвязаны с мотивацией достижения успеха [19; 20]. Отличие данного исследования от предыдущих заключается в том, что мотивация достижения успеха является психологическим предиктором данных видов перфекционизма вне зависимости от пола и возраста.

У женщин социально предписываемый перфекционизм можно определить следующими показателями: уровнем самооценки и уровнем притязаний. Данные выводы отражены в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,08$ ):

$$\text{СПП} = 76,67 - 0,12 \cdot \text{УС} - 0,12 \cdot \text{УП}.$$

Значит, уровни самооценки и притязаний отрицательно коррелируют с данным видом перфекционизма. Следовательно, при увеличении показателей по представленным характеристикам вероятность формирования социально предписываемого перфекционизма будет низкой.

**Прогностические мотивационные показатели перфекционизма у женщин в период вхождения в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет).** Общий перфекционизм характеризуется мотивацией достижения успеха, о чем свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,14$ ):

$$\text{ОП} = 131,07 + 3,28 \cdot \text{МУ}.$$

Как видно из уравнения, ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности у женщин являются психологическим предиктором общего уровня перфекционизма.

Субъектно ориентированный перфекционизм у женщин определяется мотивацией достижения успеха, что отражено в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,18$ ):

$$\text{ПОС} = 42,48 + 1,68 \cdot \text{МУ}.$$

Итак, чем выше у женщин стремление к достижению успешного результата, тем больше они склонны к формированию перфекционизма, ориентированного на самих себя.

Для объектно ориентированного перфекционизма у женщин свойственна мотивация достижения успеха, что можно наблюдать в уравнении регрессии ( $R^2 = 0,12$ ):

$$\text{ПОД} = 34,83 + 1,33 \cdot \text{МУ}.$$

Следовательно, чем сильнее выражена мотивация достижения успеха, которая проявляется в стремлении получить высокий результат, тем в большей степени для женщин в период вхождения в раннюю взрослость характерно предъявление высоких требований по отношению к другим.

Социально предписываемый перфекционизм у женщин в возрасте от 22 до 28 лет не имеет статистически значимых взаимосвязей с мотивационными факторами.

## Заключение

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что психотизм, совестливость, невротизм являются индивидуально-личностными предикторами, а мотивация достижения успеха – мотивационным фактором перфекционизма вне зависимости от его вида. Детерминантами возникновения общего, субъектно ориентированного и социально предписываемого перфекционизма является депрессия, а общего и социально предписываемого перфекционизма – женственность и уровень самооценки. Общая активность выступает индивидуально-личностным фактором общего и субъектно ориентированного перфекционизма, расторможенность – объектно ориентированного и социально предписываемого, робость, женственность и мотивация избегания неудач – объектно ориентированного перфекционизма.

Вне зависимости от пола и возрастного периода мотивацию достижения успеха можно назвать предиктором общего уровня субъектно ориентированного и объектно ориентированного перфекционизма. Такие личностные характеристики, как психотизм и совестливость, относятся к параметрам общего перфекционизма и не зависят от пола и возраста. У мужчин в период перехода к ранней взрослости к личностным детерминантам перфекционизма относится расторможенность, а у женщин – женственность, общая активность и низкий уровень самооценки. Также у мужчин в период вхождения в раннюю взрослость психологическим фактором перфекционизма является уровень самооценки, а у женщин – невротизм и общая активность. Совестливость считается личностной детерминантой субъектно ориентированного перфекционизма (вне зависимости от пола и возраста). У мужчин в период перехода к ранней взрослости личностными факторами считаются расторможенность и уровень притязаний, у женщин – общая активность, у обоих полов в период вхождения в раннюю взрослость – психотизм. Предиктором объектно ориентированного перфекционизма у мужчин в возрасте от 17 до 21 года является совестливость, а в возрасте от 22 до 28 лет – психотизм, совестливость и низкий уровень

притязаний. У женщин (не зависит от возраста) общая активность считается индивидуально-личностным фактором объектно ориентированного перфекционизма. Кроме того, у них в период перехода к ранней взрослости личностными детерминантами объектно ориентированного перфекционизма являются женственность, робость, совестливость, расторможенность и мотивация избегания неудач, а в период вхождения в раннюю взрослость – невротизм. Вне зависимости от пола в период перехода к ранней взрослости (а также у мужчин от 22 до 28 лет) предиктором социально предписываемого перфекционизма являются психотизм и низкий уровень самооценки. Вместе с тем у мужчин от 17 до 21 года факторами данного вида перфекционизма считаются совестливость, депрессия и эстетическая впечатлительность, а в период вхождения в раннюю взрослость – робость и мотивация достижения успеха. У женщин в период перехода к ранней взрослости психологическими факторами социально предписываемого перфекционизма являются психотизм, невротизм, расторможенность, женственность и низкий уровень притязаний, а в период вхождения в раннюю взрослость – депрессия.

Полученные в ходе исследования данные позволили более полно и развернуто описать феномен перфекционизма (его индивидуально-личностные и мотивационные предикторы) и могут использоваться в психотерапии и консультировании, при работе со студентами и молодыми специалистами, которые чрезвычайно требовательны к самим себе и окружающим. Оказываемую помощь необходимо направлять и на психологические факторы перфекционизма в целях предотвращения его негативных последствий для жизнедеятельности индивида. Нераскрытым остается вопрос о психологических факторах перфекционизма в другие возрастные периоды. Для того чтобы определить, являются ли данные индивидуально-личностные и мотивационные характеристики детерминантами развития перфекционизма в более раннем возрасте, а также в более позднем, чем ранняя взрослость, требуется провести ряд дополнительных исследований.

## Библиографические ссылки

1. Flett GL, Blankstein KR, Hewitt PL. Components of perfectionism and procrastination in college students. *Social Behavior and Personality: an International Journal*. 1992;20(2):85–94. DOI: 10.2224/sbp.1992.20.2.85.
2. Flett GL, Hewitt PL. Perfectionism in the self and social contexts: conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;60(3):456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456.
3. Мельников ВМ, Ямпольский ЛТ. *Введение в экспериментальную психологию личности*. Москва: Просвещение; 1985. 315 с.
4. Макклелланд Д. *Мотивация человека*. Санкт-Петербург: Питер; 2007. 672 с.
5. Божович ЛИ. *Проблемы формирования личности*. Фельдштейн ДИ, редактор. Москва: Московский психолого-социальный институт; 1997. 349 с. Совместное издание с «МОДЭК».
6. Леонтьев АН. *Проблемы развития психики*. Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР; 1959. 345 с.
7. Левин К. *Динамическая психология*. Москва: Смысл; 2001. 572 с.

8. Левин К, Дембо Т, Фестингер Л, Сирс Р. Уровень притязаний. В: Гиппенрейтер ЮБ, Пузыряя АА, редакторы. *Психология личности. Тексты*. Москва: Издательство Московского университета; 1982. с. 85–92.
9. Крайг Г, Бокум Д. *Психология развития*. Прохоренко ТВ, редактор, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 940 с.
10. Грачева ИИ. Адаптация методики «многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта. *Психологический журнал*. 2006;6:73–80.
11. Райгородский ДЯ. *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: Бахрах-М; 2001. 672 с.
12. Яньшин ПВ. *Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности*. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 336 с.
13. Basirion Z, Majid RA, Jelas ZM. Big five personality factors, perceived parenting styles, and perfectionism among academically gifted students. *Asian Social Science*. 2014;10(4):8–15. DOI: 10.5539/ass.v10n4p8.
14. Egan SJ, Piek JP, Dyck MJ. Positive and negative perfectionism and the big five personality factors. *Behaviour Change*. 2015;32(2):104–113. DOI: 10.1017/bec.2015.3.
15. Kumari RS, Sudhir PM, Mariamma P. Perfectionism and interpersonal sensitivity in social phobia: the interpersonal aspects of perfectionism. *Psychological Studies*. 2012;57:357–368. DOI: 10.1007/S12646-012-0157-7.
16. Filaire E, Rouveix M, Bouget M. Troubles du comportement alimentaire chez le sportif. *Science and Sports*. 2008; 23(2):49–60. DOI: 10.1016/j.scispo.2007.10.009.
17. Flett GL, Hewitt PL, Rosa T. Dimensions of perfectionism, psychosocial adjustment, and social skills. *Personality and Individual Differences*. 1996;20(2):143–150. DOI: 10.1016/0191-8869(95)00170-0.
18. Виндекер ОС, Иргашева КА. Исследование взаимосвязи перфекционизма и мотивации достижения (на примере студенческой выборки). *Приволжский научный вестник*. 2014;5:151–157.
19. Иргашева КА, Сыманюк ЭЭ. Психологические корреляты перфекционизма у преподавателей вузов. *Педагогическое образование в России*. 2015;7:195–202.
20. Распопова АС. Возрастные особенности распространенности феномена перфекционизма и его взаимосвязи с личностными свойствами спортсменов. *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2011;2:92–97.

## References

1. Flett GL, Blankstein KR, Hewitt PL. Components of perfectionism and procrastination in college students. *Social Behavior and Personality: an International Journal*. 1992;20(2):85–94. DOI: 10.2224/sbp.1992.20.2.85.
2. Flett GL, Hewitt PL. Perfectionism in the self and social contexts: conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;60(3):456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456.
3. Melnikov VM, Yampolsky LT. *Vvedenie v eksperimental'nyu psikhologiyu lichnosti* [Introduction to experimental psychology of personality]. Moscow: Prosveshchenie; 1985. 315 p. Russian.
4. McClelland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human motivation]. Saint Petersburg: Piter; 2007. 672 p. Russian.
5. Bozhovich LI. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Personality development issues]. Feldstein DI, editor. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; 1997. 349 p. Co-published by the «MODEK». Russian.
6. Leont'ev AN. *Problemy razvitiya psikhiki* [Mental development problems]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR; 1959. 345 p. Russian.
7. Levin K. *Dinamicheskaya psikhologiya* [Dynamic psychology]. Moscow: Smysl; 2001. 572 p. Russian.
8. Levin K, Dembo T, Festinger L, Sears R. [Level of claims]. In: Gippenreiter YuB, Puzyreya AA, editors. *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Personality psychology. Texts]. Moscow: Moscow University Press; 1982. p. 85–92. Russian.
9. Craig G, Bokum D. *Psikhologiya razvitiya* [Developmental psychology]. Prokhorenko TV, editor, translator. Saint Petersburg: Piter; 2005. 940 p. Russian.
10. Gracheva II. Adaptation of «Multidimensional perfectionism scale» technique by P. Hewitt and G. Flett. *Psychological Journal*. 2006;6:73–80. Russian.
11. Raygorodsky DY. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara: Bahrah-M; 2001. 672 p. Russian.
12. Yanshin PV. *Praktikum po klinicheskoi psikhologii. Metody issledovaniya lichnosti* [Clinical psychology practicum. Personality research methods]. Saint Petersburg: Piter; 2004. 336 p. Russian.
13. Basirion Z, Majid RA, Jelas ZM. Big five personality factors, perceived parenting styles, and perfectionism among academically gifted students. *Asian Social Science*. 2014;10(4):8–15. DOI: 10.5539/ass.v10n4p8.
14. Egan SJ, Piek JP, Dyck MJ. Positive and negative perfectionism and the big five personality factors. *Behaviour Change*. 2015;32(2):104–113. DOI: 10.1017/bec.2015.3.
15. Kumari RS, Sudhir PM, Mariamma P. Perfectionism and interpersonal sensitivity in social phobia: the interpersonal aspects of perfectionism. *Psychological Studies*. 2012;57:357–368. DOI: 10.1007/S12646-012-0157-7.
16. Filaire E, Rouveix M, Bouget M. Troubles du comportement alimentaire chez le sportif. *Science and Sports*. 2008; 23(2):49–60. DOI: 10.1016/j.scispo.2007.10.009.
17. Flett GL, Hewitt PL, Rosa T. Dimensions of perfectionism, psychosocial adjustment, and social skills. *Personality and Individual Differences*. 1996;20(2):143–150. DOI: 10.1016/0191-8869(95)00170-0.
18. Vindeker OS, Irgasheva KA. A study of interconnection between perfectionism and achievement motivation (based on a sample group of students). *Privolzhskii nauchnyi vestnik*. 2014;5:151–157. Russian.
19. Irgasheva KA, Symanyuk EE. Psychological correlates of constructive perfectionism of university teachers. *Pedagogical education in Russia*. 2015;7:195–202. Russian.
20. Raspopova AS. Peculiarities of expanding the phenomena of the perfection and its interconnection with athletes' personal qualities. *Physical education, sport – science and practice*. 2011;2:92–97. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2020.  
Received by editorial board 12.06.2020.

УДК 612.821.1

## ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРА В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫМИ ЛЕТАТЕЛЬНЫМИ АППАРАТАМИ

В. О. САПОЖНИКОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Эффективность профессиональной деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса государственной авиации характеризуется способностью качественно выполнять поставленные задачи при минимальной затрате ресурсов. Достижение этого предполагает наличие современных систем профессионального отбора и образования, научно обоснованного режима труда и отдыха, рабочего места, соответствующего всем требованиям инженерной психологии и эргономики. Унификация и типизация органов управления комплексом и средств отображения информации позволят снизить как вероятность совершения ошибочных действий (в связи с отрицательным переносом навыка), так и вероятность потери времени на адаптацию к непривычным или малознакомым интерфейсам.

**Ключевые слова:** эффективность деятельности; унификация; типизация; профессиональный отбор; интерфейс; отрицательный перенос навыка.

## EFFICIENCY OF OPERATOR'S ACTIVITY IN THE SYSTEM REMOTE CONTROL OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

V. O. SAPOZHNIKOV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus,  
17 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The effectiveness of the professional activities of the operator of an unmanned aerial vehicle complex of state aviation is characterized by its ability to perform its tasks with appropriate quality with a minimum of resources. To achieve the required efficiency in the operator's professional activities, it is fundamentally necessary to have modern systems of professional selection and education, a scientifically based work and rest regime, a workplace that meets all the requirements of engineering psychology and ergonomics. Unification and typification of controls and information display tools will reduce both the likelihood of erroneous actions due to the negative transfer of skill, and the likelihood of losing time on adaptation to unusual or unfamiliar interfaces.

**Keywords:** performance; unification; typification; professional selection; interface; negative skill transfer.

В инженерной психологии, которая представляет собой научно-практическую и проектную дисциплину, изучающую профессиональную жизнедеятельность человека в эргатических средах и обеспечи-

вающую их проектирование, особое место занимает деятельность оператора в системе человек – машина – среда, включающая в себя прием, оценку и переработку поступающей информации, принятие уп-

### Образец цитирования:

Сапожников В.О. Эффективность деятельности оператора в системе дистанционного управления беспилотными летательными аппаратами. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:109–113.

### For citation:

Sapozhnikov VO. Efficiency of operator's activity in the system remote control of unmanned aerial vehicles. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:109–113. Russian.

### Автор:

**Валерий Олегович Сапожников** – аспирант кафедры кадровой политики и психологии управления Института государственной службы. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор М. А. Кремень.

### Author:

**Valery O. Sapozhnikov**, postgraduate student at the department of personnel policy and psychology of management, Institute of Public Administration.  
valeriysapozhnikov@gmail.com  
<https://orcid.org/0000-0001-7608-3939>

равленческого решения и его реализацию. На основании оперативного, перцептивного и эталонного образов формируется последовательность целесобразных действий для достижения цели на основе преобразований исходной информации [1; 2].

Описанные компоненты деятельности характерны для работы любого оператора, в том числе управляющего беспилотными авиационными комплексами. В определенной степени пилотируемая боевая авиация находится практически на пике развития: летчик-оператор достиг предела своих возможностей в том, чтобы переносить огромные перегрузки самолетов пятого (в перспективе – шестого) поколения, соответствовать предъявляемым требованиям по скорости сенсомоторной реакции и обработке возросшего объема поступающей информации за единицу времени.

Оператор беспилотного летательного аппарата (БЛА) находится в большей безопасности по сравнению с летчиком в кабине военного самолета или вертолета, на значительном удалении от зоны выполнения задания, что исключает физиологические перегрузки и риск физического устранения. При этом у оператора БЛА отсутствует так называемое чувство самолета, которое позволяет физически ощущать движение летательного аппарата. Формирование этого ощущения связано с поступлением неинструментальной информации: шумов, вибраций, ускорений, сопротивления органов управления. Для пилота положительное значение этой информации заключается в том, что она помогает предвидеть сбой в работе самолета [3]. Стоит отметить, что для операторов небоевых беспилотных авиационных комплексов подобное чувство летательного аппарата, вероятно, не имеет такого принципиального значения.

Особую важность приобретают вопросы эргономики проектируемых беспилотных авиационных комплексов и профессионального отбора операторов этих комплексов, способных эффективно выполнять стоящие перед ними боевые задачи. Под эффективностью деятельности понимается умение работать и достигать необходимого или желаемого результата с наименьшими затратами времени и усилий<sup>1</sup>. Эффективность деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса в целом зависит от многих факторов. В их число входят качественная система профессионального психологического и психофизиологического отбора, современная система профессионального образования, наличие и соблюдение режима труда и отдыха, эргономика рабочего места, учитывающая психологические, психофизиологические, антропометрические особенности и характеристики оператора и т. д.

Изучение беспилотных авиационных комплексов, стоящих на вооружении в белорусской армии, и системы подготовки будущих военных операторов

беспилотных авиационных комплексов позволило выделить характерные черты и описать сложившиеся тенденции с позиции психологического знания.

Фундаментом любой профессиональной деятельности является качественный психологический и психофизиологический отбор. На этапе формирования отечественной беспилотной военной авиации кадры отбирались из числа энтузиастов. Процесс строился не на научном знании о психологии человека, а, скорее, носил характер естественного отбора. Экономическая и боевая эффективность такого подхода невысока. На сегодняшний день подготовка военных операторов беспилотных авиационных комплексов носит плановый характер и осуществляется на военном факультете Белорусской государственной академии авиации. Однако стоит отметить, что согласно нормативной правовой базе республиканского и межведомственного уровней, регламентирующей процесс профессионального психологического отбора абитуриентов на военные специальности в различные высшие учебные заведения страны, существует только две группы специальностей – военно-гуманитарного и военно-технического профилей. Это означает, что перечень профессионально важных качеств, их наличие, уровень развития и степень выраженности одинаковы для всех групп специальностей военно-технического профиля, очень ограничены в своей вариативности, что не позволяет осуществлять качественный отбор будущих операторов БЛА.

Процесс теоретической и практической подготовки операторов БЛА, формирование и закрепление навыков управления осуществляются на различных типах беспилотных авиационных комплексов отечественного и российского производства. Важно отметить, что на основании опыта США и Израиля полет БЛА реализуется в автоматизированном режиме по заданной заранее траектории, поскольку пилотирование в ручном режиме приводило к потере летательного аппарата в связи с человеческим фактором в 94 % случаев. Оператор лишь корректирует те или иные отклонения от заданных параметров в ходе полета. При этом он работает по принципу «вижу – действую», хотя более успешным и эффективным является принцип «вижу – предвижу – действую».

Стоит отметить, что при существующей системе отображения информации деятельность оператора беспилотного авиационного комплекса редуцируется до элементарных действий по схеме «стимул – реакция». Отказ от данной схемы в 1970-х гг. был вызван осознанием необходимости изучать внутренние психические закономерности, обуславливающие эффект внешних воздействий [4].

Отдельно необходимо рассмотреть рабочее место оператора БЛА, или так называемую наземную станцию (пульт) управления. В общих чертах она

<sup>1</sup>Эффективность (философия) // Википедия [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность\\_\(философия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность_(философия)) (дата обращения: 25.05.2020).

представляет собой монитор, клавиатуру и органы управления (рычаги), иногда выносной джойстик. При определенном внешнем сходстве все наземные станции управления (НСУ) с точки зрения эргономики являются разными рабочими средами.

Очевидно, что производителям при создании систем отображения и вывода информации следует руководствоваться следующими правилами:

- средства отображения информации должны адекватно описывать объект управления, рабочие процессы, окружающую среду, состояние самой системы человек – машина и соответствовать задачам оператора по управлению системой; реализация данного требования заключается в правильном выборе органов индикации;

- эти средства призваны обеспечивать информационный баланс системы и не приводить к таким нежелательным последствиям, как дефицит или избыток информации; должны отображаться лишь те свойства, отношения и связи управляемых объектов, которые являются существенными для решаемой оператором задачи [5].

В настоящее время проблема обеспечения эффективного взаимодействия человека с миром техники и технологии в процессе трудовой и учебной деятельности решается в основном эмпирическими методами инженерии и практической психологии. При этом стоит признать недостаточную проработку проблемы эффективного взаимодействия человека и техники в теоретическом и научно-практическом планах, что мешает развитию массовых технологий проектирования средств и методов взаимодействия, превращая их в форму инженерного искусства, зависящую от опыта и таланта проектировщиков [6].

Беспилотные авиационные комплексы относятся к системам, в которых посредником между человеком и летательным аппаратом выступает интерфейс. Роль средств отображения информации в НСУ различных производителей выполняет интерфейс того программного обеспечения (ПО), которое на них установлено. Само ПО написано под операционные системы *Windows* и *Linux* и при необходимости может быть взломано, что неприемлемо в контексте применения боевых беспилотных авиационных комплексов. Однако ввиду отсутствия полноценных разработок собственной защищенной операционной системы для Вооруженных сил Республики Беларусь данная проблема не может быть решена в обозримом будущем.

Стремление производителей беспилотных авиационных комплексов создать некий уникальный коммерческий продукт в рамках государственных стандартов своих стран и требований заказчиков

приводит к разработке различных вариантов интерфейсов с уникальным набором визуальных средств отображения сведений о работе системы и данных о полете (высота, крен, тангаж и т. д.). Не всегда работает правило трех кликов для поиска необходимой дополнительной информации. Выбранные цветовые решения индикаторов, шрифты для выводимых на экран сообщений, контрастность электронных версий приборов не соответствуют психофизиологическим требованиям и воспринимаются зрительным анализатором с трудом. В результате снижаются скорость реакции и эффективность операторского труда. Поскольку быстрое действие оператора компенсируется либо за счет качественного профессионального психологического и психофизиологического отбора, либо за счет технических решений, то во втором случае использование аналоговых приборов проигрывает в скорости предъявления информации.

В этом смысле деятельность оператора БЛА схожа с деятельностью летчика. Особенно затруднено совместное использование летчиком разнокодовых информационных моделей. Такая ситуация типична для летательных аппаратов нового поколения. При переходе от одной информационной модели (электронного индикатора) к другой (традиционным электромеханическим приборам), отличающимся способами кодирования параметров полета, снижается точность пилотирования на 15–30 % и перестраивается структура действий летчика (маршруты сбора информации). Решить эту проблему можно, обеспечив идентичность способов кодирования пилотажных параметров [4].

На основании вышеизложенных фактов необходимо дать определение понятиям «типизация» и «унификация», рассматривая их как направления решения проблемы кардинальных отличий в эргономике органов управления и систем отображения информации НСУ беспилотных авиационных комплексов, стоящих на вооружении в белорусской армии.

Под унификацией понимается, как правило, приведение к единообразию технических характеристик изделий, документации и средств общения (терминов, обозначений и др.). Унификации изделий может предшествовать их типизация – выделение типовых изделий и типовых проектов<sup>2</sup>.

Типизация – это разработка типовых конструкций или технологических процессов на основе общих для ряда изделий (процессов) технических характеристик, а также один из методов стандартизации<sup>3</sup>.

В настоящее время понятия унификации и типизации рассматриваются исключительно в ин-

<sup>2</sup>ГОСТ 1.1–2002. Межгосударственная система стандартизации (МГСС). Термины и определения (прил. А, п. А. 6) [Электронный ресурс]. URL: docs.rm/document/1200030741 (дата обращения: 27.05.2020).

<sup>3</sup>Типизация // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/67176-ТИПИЗАЦИЯ (дата обращения: 26.05.2020).

женерно-техническом контексте, без учета психологических механизмов регуляции деятельности человека, его психофизиологических особенностей. Иными словами, в проектировании и создании беспилотных авиационных комплексов превалирует технократический подход, что снижает конкурентоспособность и эффективность производимой продукции.

С экономической точки зрения типизация и унификация НСУ позволят снизить затраты на производство, эксплуатацию и ремонт беспилотных авиационных комплексов, поскольку ряд деталей, узлов и агрегатов будут взаимозаменяемыми. С позиции инженерной психологии рабочее место оператора станет максимально привычным и удобным по антропометрическим показателям и системе отображения информации. В аспекте эргономики органы управления, их форма, размер, расположение исключают возникновение такого явления, как отрицательный перенос навыка. В том числе не будет тратиться время на адаптацию к незнакомому, непривычному интерфейсу.

Как отмечал Б. Ф. Ломов, «по существу, понятием “навык” характеризуется сложившаяся система деятельности» [7]. Процесс формирования двигательного навыка, представляющего наибольший интерес с точки зрения предметно-практической деятельности, имеет несколько основных особенностей. Первая из них – это образование двигательных структур, объединяющих отдельные рабочие движения в единое целое (исполнительские, гностические и приспособительные движения). Вторая – формирование сенсорно-перцептивных структур, объединяющих образы сигналов, релевантных двигательной задаче (перераспределение роли разных анализаторов при формировании навыка – переход от внешнего контура регулирования к внутреннему). Третья – изменение соотношений уровней регуляции (от речемыслительного к сенсорно-перцептивному уровню).

Образование структур и изменение соотношений уровней психической регуляции процесса овладения двигательными, а также перцептивными и интеллектуальными навыками характеризуют процесс формирования деятельности как системы в единстве ее моторных, когнитивных и регулятивных звеньев, в которой навык показывает уровень ее (системы) сформированности. Таким образом, уровень развития навыка, его структуры и регулятивных функций служит одним из критериев состояния внутренних средств деятельности в обеспечении профессиональной пригодности субъекта [8].

На практике же оператор, с определенной степенью успешности освоивший управление одним типом беспилотного авиационного комплекса, выработавший навыки управления, сформировавший образ деятельности исходя из того информационного поля, в котором он привык работать, в своей профессиональной деятельности сталкивается с необходимостью выполнять задачи на приблизительно знакомых и непривычных ему с точки зрения эргономики типах беспилотных авиационных комплексов. Это влечет снижение эффективности деятельности, потерю времени на адаптацию, повышение риска совершения ошибочных действий, выполнение работы в состоянии повышенного стресса.

Подводя итог, можно выделить некоторые проблемные области и особенности в профессиональной деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса.

Во-первых, отсутствуют научно обоснованные требования к тем качествам, которыми должен обладать будущий оператор беспилотного авиационного комплекса, и степени их развития. Основой для их формирования и определения выступают квалификационные требования к профессии, перечень задач, стоящих перед специалистом, и особенности рабочего пространства.

Во-вторых, отсутствует современная система профессионального психологического и психофизиологического отбора операторов БЛА, закрепленная на законодательном уровне, что, в свою очередь, приводит к снижению качества операторской деятельности и необоснованным экономическим затратам на подготовку специалистов, по своим личностным и психофизиологическим характеристикам не отвечающих требованиям профессии.

В-третьих, деятельность оператора беспилотного авиационного комплекса опосредована и осуществляется через интерфейс. Отсутствуют так называемая неинструментальная информация и, как следствие, чувство летательного аппарата, которое позволяет физически ощущать его движение. Это лишает оператора возможности предвидеть и предупредить эволюции функционирования в ходе полета и создает свою уникальную рабочую среду.

В-четвертых, отсутствуют унификация и типизация наземных станций управления беспилотными летательными аппаратами с позиции технического и психологического знания. Это приводит к снижению качества деятельности оператора и ее надежности в случае значительных различий в эргономике органов управления и средств отображения информации (интерфейсов) наземных станций управления.

### Библиографические ссылки

1. Сергеев СФ. Инженерно-психологическое проектирование сложных эргатических сред: методология и технологии. В: Бодров ВА, Журавлев АЛ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 1*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 429–449.

2. Вайнштейн ЛА. *Эргономика*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2010. 118 с.
3. Новиков ВС, редактор. *Физиология летного труда*. Санкт-Петербург: Наука; 1997. 62 с.
4. Пonomarenko VA, Лапа ВВ. Инженерно-психологическая оптимизация средств отображения информации летательных аппаратов: эволюция методологии, некоторые итоги и перспективы исследований. В: Бодров ВА, Журавлев АЛ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 1*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 386–392.
5. Ломов БФ, редактор. *Справочник по инженерной психологии*. Москва: Машиностроение; 1982. 163 с.
6. Сергеев СФ. Проблема интерфейса в человеко-машинном взаимодействии. В: Обознов АА, Журавлев АЛ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 6*. Москва: Институт психологии РАН; 2014. с. 83–105.
7. Ломов БФ. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука; 1984. 227 с.
8. Бодров ВА. *Психология профессиональной пригодности*. Москва: ПЕР СЭ; 2001. с. 55–56.

## References

1. Sergeev SF. [Engineering and psychological design of complex ergotic environments: methodology and technology]. In: Bodrov VA, Zhuravlev AL, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 1* [Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 1]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 2009. 439 p. Russian.
2. Vainshtein LA. *Ergonomika* [Ergonomics]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies, Belarusian State University; 2010. 118 p. Russian.
3. Novikov VS, editor. *Fiziologiya letnogo truda* [The physiology of flight labour]. Saint Petersburg: Nauka; 1997. 62 p. Russian.
4. Ponomarenko VA, Lapa VV. [Psychological engineering optimization of the means of displaying aircraft information: evolution of the methodology, some results and prospects of research]. In: Bodrov VA, Zhuravlev AL, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 1* [Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 1]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 2009. p. 386–392. Russian.
5. Lomov BF, editor. *Spravochnik po inzhenernoi psikhologii* [Handbook of engineering psychology]. Moscow: Mashinostroenie; 1982. 163 p. Russian.
6. Sergeev SF. [The problem of the interface in human-machine interaction]. In: Oboznov AA, Zhuravlev AL, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 6* [Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 6]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 2014. 83 p. Russian.
7. Lomov BF. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka; 1984. 227 p. Russian.
8. Bodrov VA. *Psikhologiya professional'noi prigodnosti* [Psychology of professional suitability]. Moscow: PER SE; 2001. p. 55–56. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2020.  
Received by editorial board 27.05.2020.

---

---

# ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

---

## THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

---

---

### **XIV РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ»: ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

#### **XIV REPUBLICAN INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC-THEORETICAL SEMINAR «INNOVATIVE STRATEGIES OF MODERN SOCIAL PHILOSOPHY»: THE PHILOSOPHY AND VALUES OF THE NATIONAL CULTURE**

В Белорусском государственном университете на факультете философии и социальных наук (ФФСН) 27 мая 2020 г. состоялся XIV Республиканский междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии». Данный проект был задуман кафедрой философии и методологии науки ФФСН БГУ в 2005 г. в целях формирования научно-коммуникативной платформы для молодых ученых: студентов, магистрантов, аспирантов. В результате организации и проведения нескольких заседаний сложилась творческая команда ученых и преподавателей, усилиями которых проект приобрел сначала междисциплинарный общеуниверситетский, а затем и республиканский масштаб. Проведение семинара стало знаковым событием в жизни ФФСН, позволившим интегрировать деятельность преподавателей, аспирантов и студентов не только БГУ, но и других вузов страны, а также представителей Совета молодых ученых и Профессорского собрания БГУ, ведущих специалистов и аспирантов Института философии НАН Беларуси. Основной задачей семинара явилось создание постоянной научной площадки как для тематических встреч и дискуссий известных ученых Беларуси с молодыми исследователями, так и для проведения мастер-классов и презентаций инновационных творческих проектов в области современного философского, социально-гуманитарного и естественно-научного познания.

«Философия и ценности национальной культуры» – тема XIV Республиканского междисциплинарного семинара. Его проблемное поле структурировали следующие вопросы: приоритеты социокультурной динамики современного белорусского общества, вызовы и парадоксы информационной цивилизации, особенности белорусской философской традиции и перспективы развития национальной культуры. Программа семинара включала пленарное заседание, работу трех тематических секций и круглого стола. Особенностью данного заседания в 2020 г. было сочетание докладов известных ученых и общественно-политических деятелей страны с выступлениями молодых исследователей. Так, пленарный доклад член-корреспондента НАН Беларуси, доктора исторических наук, профессора Игоря Александровича Марзалюка, который является председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, был посвящен одной из важнейших тем семинара и назван его автором весьма символично: «У пакутлівых пошуках саміх сябе. Філасофская рэфлексія, гістарычная памяць і нацыянальная ідэя. Беларускі выпадак». Выступление заместителя директора по научной работе Института философии НАН Беларуси кандидата философских наук, доцента Андрея Юрьевича Дудчика на тему «Взаимосвязь философии и ценностей культуры: от сравнительных исследований к “глобальной истории философии”?»

органично дополнило программу семинара. Затем свои доклады представили молодые ученые ФФСН: аспирант кафедры философии и методологии науки Владислав Олегович Сташис («Сетевая идентичность как социальный проект: между приватностью и прозрачностью») и студентка 4-го курса специальности «философия» Даниэла Андреевна Мозалевская, предложившая для обсуждения тему «Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) как форма дистанционного обучения». В содержании пленарных выступлений проблемы формирования национальной идеи и этнокультурной идентичности белорусского общества тесно переплетались с обсуждением вызовов информационной эпохи и новых трендов в развитии национальной философии, науки, образования, культуры, социальной коммуникации.

В соответствии с уже сложившейся многолетней традицией тематика пленарных докладов была главной и в секционных обсуждениях. В программе первой секции семинара «Философские традиции и национальная культура Беларуси» обсуждались важные для социокультурного развития страны проблемы, в том числе вопросы трансформации национальной идентичности белорусов в условиях глобализации и интернационализации образования, оценивалась роль выдающихся белорусских мыслителей (Ф. Скорины, И. Абдзираловича и др.) в формировании гуманитарной культуры и гражданского общества современной Беларуси, а также вызовы и перспективы развития национальной философии и науки в условиях глобальных преобразований.

Вторая секция семинара под названием «Перспективы информационной цивилизации и проблема постчеловеческого будущего» была посвящена анализу проблем цифровой трансформации современного общества, ее социально-экономическим, политическим, культурно-антропологическим измерениям. Профессора и доценты совместно с молодыми учеными белорусских и российских вузов обсуждали такие актуальные вопросы, как роль социального конструирования в динамике экономических систем и социально-политических институтов информационного общества, значение символического и социального капиталов для построения инновационной экономики, трансформация чело-

веческой телесности в условиях техногенной цивилизации и проекты постгуманизма, а также ряд других не менее важных и знаковых для современной философии тем.

Третья секция «Личность, общество, государство в эпоху глобальных трансформаций» представляла собой междисциплинарную дискуссионную площадку по вопросам общественной справедливости и развития современных форм социального государства, противоречивой природы позднего капитализма и образов посткапиталистического будущего, динамики государственного суверенитета в условиях глобализации и специфики экологических вызовов поздней современности.

Следует отметить, что семинар проходил в необычных условиях глобальной пандемии. Изначально его проведение было запланировано на 26 марта 2020 г., однако в связи со сложной эпидемиологической ситуацией работа форума была перенесена на 27 мая и осуществлялась в дистанционной форме на базе образовательной платформы MOODLE. В режиме видеоконференции были заслушаны и обсуждены пленарные доклады, а также состоялась интересная и плодотворная дискуссия вокруг проблематики круглого стола «Национальная культура в условиях транзита глобализации».

По результатам работы XIV Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» в электронном формате депонирован в БГУ и опубликован сборник материалов докладов и выступлений. При поддержке Института философии НАН Беларуси подготовлен к изданию рецензируемый сборник научных статей, куда вошли наиболее интересные доклады, прозвучавшие на семинаре.

Таким образом, несмотря на экстремальные условия и обстоятельства наступившего високосного 2020 г., традиция проведения ежегодного междисциплинарного научно-теоретического семинара была не только подтверждена, но и обогатилась новыми формами и гранями. В очередной раз его участники убедились в том, что творчество и профессиональная солидарность – это те ценности, ради которых можно преодолеть любые преграды.

А. И. Зеленков<sup>1</sup>, В. В. Анохина<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: zelenkov-antl@yandex.by

<sup>2</sup>Виктория Валентиновна Анохина – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Victoria V. Anohina, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: dr.v.anohina@gmail.com

## АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

### INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

*УДК 001-055.2(476+438)(06)*

**Женщины-ученые Беларуси и Польши** [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 марта 2020 г.) / БГУ ; [редкол.: И. В. Казакова, И. В. Олюнина (отв. ред.)]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 336 с. : табл. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/242197>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.05.2020, № 004606052020.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Женщины-ученые Беларуси и Польши», которая проходила 26 марта 2020 г. в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь).

Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами актуализации проблемы вклада женщин-ученых Беларуси и Польши в науку.

Все материалы представлены в авторской редакции.

*УДК 1(06)+130.2(06)*

**Философия и ценности современной культуры** [Электронный ресурс] : материалы XIV Респ. междисциплинарного науч.-теор. семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 26 марта 2020 г.) / БГУ ; [редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 237 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243004>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.05.2020, № 005627052020.

Представлены материалы участников XIV Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 26 марта 2020 г. на базе факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Сборник адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии и социально-гуманитарного познания.

*УДК 101.1:316(082)*

**Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований** [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. участников XXVI Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 117 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/243977>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.06.2020, № 006716062020.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ второй и третьей категорий XXVI Республиканского конкурса научных работ студентов 2019 г.

*УДК 21/29-9(075.8)*

**Шубаро О. В. История мировых религий: классика и современность** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 02 01 «Философия» / О. В. Шубаро ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 122 с. : табл. Библиогр.: с. 113–121. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246634>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.07.2020, № 010027072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История мировых религий: классика и современность» предназначен для студентов специальности 1-21 02 01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы по истории мировых религий, отражающие процесс формирования религиозных традиций и их современное состояние. В состав ЭУМК входят тексты лекций, задания для семинарских занятий, список контрольных вопросов по курсу, тематика рефератов и эссе, список текстов для конспектирования, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем, интересующимся проблемами истории развития мировых религий.

*УДК 159.9:2(075.8)*

*Шубаро О. В. Психология религии [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 02 01 «Философия» / О. В. Шубаро ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 107 с. Библиогр.: с. 98–105. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246672>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.07.2020, № 010128072020.*

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Психология религии» предназначен для студентов специальности 1-21 02 01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы по психологии религии. В состав ЭУМК входят тексты лекций, задания для семинарских занятий, список контрольных вопросов по курсу, тематика рефератов и контрольных работ, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем интересующимся проблемами психологии религии.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Румянцева Т. Г.</i> Г. В. Ф. Гегель: в поисках аутентичного облика (к 250-летию со дня рождения) .....	4
<i>Карако П. С.</i> Л. Н. Гумилев как представитель русского космизма.....	12
<i>Кулак Н. И.</i> Русская литература в контексте философско-методологических принципов Г. В. Плеханова .....	20

### ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Сайганова В. С.</i> Историческая эпистемология: истоки и современное состояние.....	26
<i>Буракевич И. Э.</i> Эвристический потенциал конструктивизма в становлении и развитии пост-академической науки.....	31

### СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени .....	37
---	----

### РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Коршунова Я. А.</i> Неисламские элементы в системе религиозных представлений белорусских татар-мусульман.....	47
--	----

### СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Смирнова Ю. С., Довгилович А. Е.</i> Взаимосвязь когнитивной флексибельности и типов реагирования на конфликт старших школьников и студентов .....	53
<i>Фофанова Г. А., Сорокина А. А.</i> Организационная справедливость и толерантность к неопределенности сотрудников.....	60
<i>Лозовский А. В.</i> Приемы и стратегии провокативного ролевого поведения участников текстовой интернет-коммуникации .....	66

### МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Фурманов И. А., Ширко С. М.</i> Разработка шкалы диспозиционной жадности .....	78
<i>Романчак В. М.</i> Субъективные измерения (теория рейтингов) .....	87

### ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Соколович Е. А.</i> Прогностические личностные показатели перфекционизма в период ранней взрослости.....	99
<i>Сапожников В. О.</i> Эффективность деятельности оператора в системе дистанционного управления беспилотными летательными аппаратами .....	109

### ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Зеленков А. И., Анохина В. В.</i> XIV Республиканский междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии»: «Философия и ценности национальной культуры».....	114
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	116

## CONTENTS

### HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rumyantseva T. G. G. V. F. Hegel: in searching for an authentic image (to the 250<sup>th</sup> anniversary of birth) .....</i>	4
<i>Karako P. S. L. N. Gumilev as a representative of Russian cosmism .....</i>	12
<i>Kulak N. I. Russian literature in the context of philosophical-methodological principles G. V. Plekhanov .....</i>	20

### PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

<i>Saiganova V. S. Historical epistemology: origin and present state.....</i>	26
<i>Burakevich I. E. The heuristic potential of constructivism in the formation and development of postacademic science .....</i>	31

### SOCIAL RESEARCHES

<i>Rubanau A. V. Wisdom of life in the aphorisms of the thinkers of ancient and New time .....</i>	37
--	----

### RELIGIOUS STUDIES

<i>Korshunova Y. A. Non-Islamic elements in the system of religious beliefs of the Belarusian tatar-muslim .....</i>	47
--	----

### SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Smirnova Y. S., Dovgilovich A. E. The relationship of cognitive flexibility and conflict response type of senior school and university students .....</i>	53
<i>Fofanova G. A., Sorokina A. A. Organizational justice and tolerance to uncertainty of employees.....</i>	60
<i>Lazouski A. V. Methods and strategies of provocative role behavior of text-based internet communication participants .....</i>	66

### METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Fourmanov I. A., Shirko S. M. Elaboration of the scale of dispositional greed.....</i>	78
<i>Romanchak V. M. Subjective measurements (rating theory) .....</i>	87

### PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Sokolovich E. A. Prognostic personality indicators of perfectionism in early adulthood .....</i>	99
<i>Sapozhnikov V. O. Efficiency of operator's activity in the system remote control of unmanned aerial vehicles .....</i>	109

### THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Zelenkov A. I., Anohina V. V. XIV Republican interdisciplinary scientific-theoretical seminar «Innovative strategies of modern social philosophy»: The philosophy and values of the national culture .....</i>	114
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	116

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.*

*Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).*

**Журнал Белорусского  
государственного университета.  
Философия. Психология.  
№ 3. 2020**

Учредитель:  
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,  
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,  
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: [jpsychol@bsu.by](mailto:jpsychol@bsu.by)

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного  
университета. Философия. Психология»  
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием  
«Философия и социальные науки»  
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *А. В. Агеева, И. Л. Шевлякова-Барзенко*  
Технический редактор *Д. Ф. Когут*  
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.09.2020.

Тираж 100 экз. Заказ 396.

Республиканское унитарное предприятие  
«Информационно-вычислительный центр  
Министерства финансов Республики Беларусь».  
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.  
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal  
of the Belarusian State University.  
Philosophy and Psychology.  
No. 3. 2020**

Founder:  
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,  
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,  
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: [jpsychol@bsu.by](mailto:jpsychol@bsu.by)

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.  
Philosophy and Psychology»  
published since 2007.

Until 2017 named  
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»  
(ISSN 2218-1385).

Editors *A. V. Ahejeva, I. L. Shauliakova-Barzenka*  
Technical editor *D. F. Kogut*  
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 30.09.2020.

Edition 100 copies. Order number 396.

Republican Unitary Enterprise  
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr  
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».  
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.  
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020